

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№8
май 2012

Все ли правильно сделано?..

Информационно-аналитический журнал
современный
Иран

№ 8
май 2012 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Иранцы должны быть уверены, что россияне — их друзья <i>Станислав Иванов</i>6	Ситуация в Ираке и перспективы отделения Иракского Курдистана <i>Станислав Иванов</i>51
О некоторых итогах визита главы МИД Армении в Тегеран в региональном контексте <i>Карине Тер-Саакян</i>10	Внутриполитическая обстановка в Иране — апрель 2012 <i>Виктор Надеин-Раевский</i>55
Ушат холодной воды для «пылкого» Нетаньяху <i>Юрий Филин</i>14	Арабские монархии Персидского залива — страх как фундамент объединения <i>Джавад Шабири</i>61
Иран — Таджикистан — Россия: освоение Евразии <i>Антон Евстратов</i>18	Каспийское море: Россия и Иран обречены на союзные отношения <i>Николай Кольчугин</i>66
Ислам как зеркало Европы <i>Гейдар Джемаль</i>23	Геополитический треугольник Южного Кавказа <i>Сергей Минасян</i>73
Иран на «черном»... континенте <i>Джавад Шабири</i>26	Центральноазиатский вектор Ахмадинежада — проблемы и перспективы <i>Денис Пурьжинский</i>78
Закроют ли ядерное досье Ирана на встрече «шестерки» в Багдаде? <i>Николай Кольчугин</i>31	Ситуация в Иранском Курдистане <i>Сергей Дерин</i>83
Обама — Карзай: стратегический договор от рассвета до заката <i>Николай Евсеев</i>38	«Лучший из худших» <i>Антон Евстратов</i>87
Русский язык до дружбы с Ираном доведет <i>Геннадий Литвинцев</i>43	Российский «креативный класс» против Ирана <i>Игорь Николаев</i>90
ШОС — это по нашему! <i>Александр Николаев</i>46	Иран и Афганистан в планах США и НАТО: следствия для евразийского проекта России <i>Леонид Шершнев</i>95

Иран в Евразийском контексте внешней политики России <i>Сергей Небренчин</i>100	Последние не взятые бастионы <i>Антон Евстратов</i>131
Аншлюс в благородных семействах <i>Гейдар Джемаль</i>105	Персидский ковер национальных проблем <i>Лана Раванди-Фадаи</i>135
Американская гегемония на Востоке и ядерная программа Ирана <i>Николай Кольчугин</i>109	Курдский сепаратизм — поддержат ли его из Армении? <i>Карине Тер-Саакян</i>140
Посол Ирана в Азербайджане отозван — что дальше? <i>Сергей Петров</i>115	«Зеленый квадрат» <i>Гейдар Джемаль</i>145
Иранские эксперты о МАГАТЭ: особый взгляд.....120	Ядерное «досье» Ирана и стратегия России <i>Николай Кольчугин</i>153
Постсоветская Центральная Азия: особенности военного строительства <i>Станислав Иванов</i>126	Перспективы российско-иранского сотрудничества <i>Денис Пурьжинский</i>160
	Иран и Запад в борьбе за грузовые и газовые потоки из Центральной Азии <i>Рустам Махмудов</i>165

Краткое содержание

В очередном выпуске «Современного Ирана» рассматривается самый широкий круг вопросов, от внутренней ситуации в Исламской Республике до внешней политики Тегерана в Африке и Евразии.

В своей статье «*Внутриполитическая обстановка в Иране — апрель 2012*» Виктор Надеин-Раевский, в частности, пишет: «Внутриполитическая обстановка в Иране после предвыборных страстей разрядилась и народ встретил иранский новый год, который растягивается в стране практически на целый месяц.

Праздничное настроение иранцев не смогли поколебать ни угрозы израильской атаки на ядерные объекты Ирана, ни ужесточение санкций против Исламской Республики. Собственно израильские угрозы раздаются уже не первый год и к ним, похоже, население давно привыкло, оставив заботу о безопасности страны «силовикам».

Однако, несмотря на некоторое охлаждение внутриполитических страстей, в апреле все-таки проходили горячие политические дебаты, по крайней мере, в иранском меджлисе. На сей раз всплеск дебатов в парламенте состоялся вокруг экологических проблем страны. В последние годы в стране широко обсуждались масштабные ирригационные проекты. Наконец, наступил «момент истины» — правительство решило приступить к их реализации некоторых из них. В апреле 2012 года об этом объявил президент Ирана Махмуд Ахмадинежад.

Весной 2012 года кроме реальных экологических проблем иранская экономика столкнулась с уже знакомой для Исламской республики виртуальной проблемой — атаками в киберпространстве. На сей раз команды хакеров нанесли удар по объектам нефтяной промышленности Ирана. В сетях министерства нефтяной промышленности и предприятий отрасли появился новый вирус «Vireg». Для отражения этой атаки и предотвращения подобных атак в будущем, в министерстве нефти был оперативно создан кризисный центр. Иранские СМИ сообщили, что от кибератак пострадало министерство нефти и ряд дочерних компаний.

Впрочем, на развитие внутриполитической ситуации в Иране по-прежнему оказывает влияние давление извне, и попытки подорвать ситуацию в стране. Естественно, что иранские правоохранители, несмотря на праздничные настроения в связи с иранским Новым годом — праздником Новруз, не снижали активности и, в апреле 2012 года сообщили о новых успехах в борьбе с сепаратистами в провинции Систан-Белуджистан».

Материал Джавада Шабири «*Арабские монархии Персидского залива — страх как фундамент объединения*» рассматривает тему иранофобии на Аравийском полуострове. «Выдающейся и общей чертой монархий Персидского залива является боязнь Ирана. И боязнь эта, как в случае с Израилем и Азербайджаном, не менее участников ССГ страдающих острой иранофобией носит «экзистенциальный» характер, то есть не подкреплена логикой. Но, как и в случае с глубокой интеграцией, иранофобия у каждого участ-

ника ССГ имеет свои нюансы, и борются с ней в каждом государстве по-разному...

Основная причина волнений в Аравии — отнюдь не мифическая «рука Ирана», а вполне себе реальный эгоизм правящей арабской верхушки. Вчерашняя встреча в Эр-Рияде показала, что кроме Саудовской Аравии и Бахрейна это понимают практически все участники ССГ. А вслед за этим пониманием разрабатывается и новая тактика стран Залива в отношении Исламской Республики — от противостояния к конструктивному диалогу.

В основе интеграционных процессов на аравийском полуострове лежит самый прочный фундамент — страх за свое будущее и необходимость физического выживания династий. Согласитесь, страх за собственное будущее — очень сильный стимул, позволяющий преодолеть невероятное...»

Об общности позиций России и Исламской Республики и необходимости сотрудничества в вопросах урегулирования правового статуса Каспийского моря пишет в материале *«Каспийское море: Россия и Иран обречены на союзные отношения»* Николай Кольчугин. «Политическое, экономическое и культурное влияние России в Азербайджане, Казахстане и Туркменистане явно преувеличено и в настоящий момент уменьшается. Нельзя не признать, что стремление постсоветских государств проводить самостоятельную внешнюю политику, желание придерживаться дипломатического разнообразия в выборе политических партнеров и не отказываться от выгодного экономического сотрудничества с Западом, опасаясь реакции Кремля, стали реалиями сегодняшнего дня.

Россия на пространстве Каспийского бассейна, а также на прилегающем Южном Кавказе и Центральной Азии вынуждена конкурировать с США, Европейским Союзом, Китаем, Турцией, а также Ираном. Как представляется нам, значение российского сотрудничества с Исламской Республикой недооценивается отечественными политиками, в том числе и в вопросах взаимодействия наших стран в процессе выработки правового статуса Каспийского моря и единых для всех пяти прикаспийских государств механизмов совместного использования его ресурсов», — отмечает автор и констатирует: «Достижение консенсуса вокруг правового статуса и режима экономического использования Каспийского моря без выработки совместной позиции Ирана и России невозможно».

О деятельности прозрадного антииранского лобби в России рассказывает материал Игоря Николаева *«Российский «креативный класс» против Ирана»*. «Вся мощь пропагандистского аппарата российского либерализма разворачивается в сторону стран, сотрудничество с которыми необходимо прежде всего самой России по одной простой причине — только в сотрудничестве с ними она имеет шансы остаться Державой, а не сырьевым придатком Европы и США. По странному совпадению, бешеную ненависть оппозиции вызывают именно те страны, сотрудничество с которыми «категорически противопоказано» России Госдепартаментом США. Но это ведь — не более чем совпадение, не правда ли?», — отмечается в статье. «Стоило состояться телефонному разговору Владимира Путина с Махмудом Ахмадинежадом, разговору достаточно теплому и конструктивному, стоило наметиться прогрессу на переговорах по «иранскому ядерному досье» (а это означает устранение формальных препятствий для диалога с Ираном), как тут же представители российского «креативного класса» обрушились на Иран со

вполне прозападными обвинениями — в «подстрекательстве к терроризму» и «нарушении прав на свободу слова».

Сложные переплетения национальных проблем в Иране рассматриваются в статье сотрудника Института Востоковедения РАН Ланы Раванди-Фадаи «*Персидский ковер национальных проблем*». «Начнем с сухих цифр. Основными этническими меньшинствами в Иране являются азербайджанцы 24%, гилаки и мазандаранцы 8%, курды 7%, арабы 3%, белуджи 2%, туркмены 2%, луры 2%, армяне, ассирийцы, евреи, и грузины. Племенные группы: бахтияры, луры, кашкайцы, а также другие. Совершенно очевидно, что при таком разнообразии одна из наиболее важных задач правительства ИРИ — это сохранение целостности государства, являющимся многонациональным...»

Отдельно следует выделить в журнале материал Станислава Иванова «*Иранцы должны быть уверены, что россияне — их друзья*», в котором проводится критический разбор скандального заявления теперь уже бывшего начальника Генерального Штаба РФ Николая Макарова. Напомним, что в апреле 2012 года Макаров заявил, что «Ядерная программа Ирана представляет угрозу безопасности России». Говоря о скандальном заявлении Макарова автор задает вопрос: «А почему угрозу по мнению российского военачальника представляет именно Иран? Более того, Н.Макаров еще больше сгустил краски, заявив о возможном попадании потенциального ядерного оружия Тегерана в руки экстремистов. Почему-то его ничуть не заботит, в чьи руки попадет ядерное оружие НАТО, Индии, Пакистана, Израиля, да и самой России? Не найдется ли очередной «брейвик» или психически неустойчивый офицер, который нечаянно или умышленно сбросит атомную бомбу? Не взорвется ли еще одна атомная подлодка с ядерным оружием на борту? Не произойдет ли новая авария при перевозке или хранении ядерных материалов? Ведь пока лишь бомбардировка ВВС США мирных японских городов Хиросима и Нагасаки, да халатность советских специалистов на Чернобыльской АЭС привели к ядерным катастрофам с многочисленными жертвами среди мирного населения. А если вспомнить не так давно вскрывшуюся масштабную нелегальную деятельность пакистанского ученого-атомщика Хана по экспорту ядерных технологий, то ведь, как установило следствие, на него работали сотни западных специалистов и десятки фирм».

В статье подчеркивается, что «Новая Россия в лице Ирана имеет не только надежного соседа и партнера в торгово-экономической и других сферах, но и страну, которая способствует повышению уровня региональной и национальной (внутрироссийской) безопасности» и приводятся конкретные примеры взаимодействия России и Ирана по самым острым международным проблемам. «Вышеупомянутое интервью начальника Генштаба России прозвучало резким диссонансом и оказалось по своему тону в какой-то мере провокационным по отношению к Ирану. Российская общественность в очередной раз была озадачена: что это — поиск новых внешних врагов России или неуклюжая попытка российского истеблишмента сделать реверанс в пользу США и Израиля за счет Ирана? Означает ли это поворот от нагнетавшейся в последнее время в российских СМИ антиамериканской и антинаатовской кампании в противоположную сторону или это лишь стремление «идти в ногу» с Западом на иранском направлении?», — задает вопрос автор.

Станислав Иванов

Иранцы должны быть уверены, что россияне — их друзья

Опубликованная в «Иран.ру» 26 апреля 2012 года статья политического обозревателя Владимира Шекина «Фатальная ошибка «полковнца» Макарова» весьма точно отражает общественное мнение большинства россиян в отношении Ирана.

Риторический вопрос автора: «Это личное мнение Макарова или новая позиция Кремля?» довольно прозрачен. Насколько известно, генерал Макаров никогда открыто не высказывал своего мнения ни по одному вопросу внешней политики России. Это прерогатива Кремля и реализует ее, как правило, сам президент, его окружение или МИД России. Судя по тому, что господина Макарова после скандального интервью телеканалу «Russia Today» в отставку не отправили, в данном случае, он выступил в непривычной для себя роли и лишь озвучил позицию своего политического руководства.

Теперь по существу этого интервью, якобы признающего ядерную угрозу России со стороны Ирана. Более того, в нем Н.Макаров еще больше сгустил краски, заявив о возможном попадании потенциального ядерного оружия Тегерана в руки экстремистов. Почему-то его ничуть не заботит, в чьи руки попадет ядерное оружие НАТО, Индии, Пакистана, Израиля, да и самой России? Не найдется ли очередной «брейвик» или психически неустойчивый офицер, который нечаянно или умышленно сбросит атомную бомбу? Не взорвется ли еще одна атомная подлодка с ядерным оружием на борту? Не произойдет ли новая авария при перевозке или хранении ядерных материалов? Ведь пока лишь бомбардировка ВВС США мирных японских городов Хиросима и Нагасаки, да халатность советских специалистов на Чернобыльской АЭС привели к ядерным катастрофам с многочисленными жертвами среди мирного населения. А если вспомнить не так давно вскрывшуюся масштабную нелегальную деятельность пакистанского ученого-атомщика Хана по экспорту ядерных технологий, то ведь, как установило следствие, на него работали сотни западных специалистов и десятки фирм.

Что же касается Исламской Республики Иран, то она является довольно мощной региональной державой с тысячелетней историей и вековыми традициями российско-персидских отношений. На данном этапе страна, насчитывающая около 80 млн чел., поступательно развивается во всех областях, включая ядерную энергетику, ракетостроение, исследование космоса и т.д. По заключению МАГАТЭ и российских специалистов на АЭС «Бушер», безопасность и надежность ядерных объектов Ирана отвечает мировым стандартам.

Иранское руководство наиболее последовательно выступает за скорейшее и справедливое решение палестинской проблемы, оказывает посильную помощь палестинцам. Кто же может быть против этого? Ведь сегодня палестинцы оказались изгоями на своей исторической родине. При явном попустительстве мирового сообщества народ Палестины не только не смог создать своего государства, но и оказался изолирован в десятках стран и анклавов (сектор Газа, Западный берег реки Иордан, меньшинства в Государстве Израиль, Иордании, Ливане, Египте и других арабских странах). Инициативы Ирана по скорейшему разрешению палестинской проблемы должны занять центральное место в повестке дня Совета Безопасности ООН. Все очевиднее становится, что, не решив этой проблемы, нельзя обеспечить мир и безопасность на Ближнем Востоке.

Новая Россия в лице Ирана имеет не только надежного соседа и партнера в торгово-экономической и других сферах, но и страну, которая способствует повышению уровня региональной и национальной (внутрироссийской) безопасности. По заявлению руководителя российского антинаркотического ведомства В.Иванова, иранские власти задерживают и изымают из оборота свыше 30% наркотиков, перебрасываемых через эту страну с афганского направления в Россию и страны СНГ (для сравнения: РФ с ее многочисленными спецслужбами удается изъять на своих границах лишь 4% наркотиков, остальное их количество распространяется в России и следует транзитом в Европу). В самом Иране организована широко-массштабная профилактическая работа по предотвращению производства и потребления наркотиков. Международные эксперты советуют изучать опыт иранских властей в борьбе с распространением наркотиков.

Иран также стал надежным барьером на путях миграции арабских наемников из «Аль-Каиды» и международных террористов всех мастей. Особенно это было заметно в период, так называемых, 1-й и 2-й чеченских войн в России. Совместно с Россией Иран играет заметную стабилизирующую роль на Южном Кавказе, в зоне нагорно-карабахского конфликта и на Каспии, выступает против дальнейшей интернационализации региональных проблем и вмешательства внешних сил.

В последнее время российско-иранские отношения несколько осложнились. Затягивание в предыдущие несколько лет российской стороной сроков пуска АЭС «Бушер», поддержка в Совете Безопасности ООН четырех резолюций по введению ограничительных санкций в отношении Ирана, принятие РФ дополнительных, односторонних санкций по сворачиванию военно-технического сотрудничества с Ираном, в частности, аннулирование контракта на поставку оборонительного оружия (ЗРК «С-300») — все это вызвало естественное раздражение и непонимание со стороны наших иранских партнеров. Но при этом российские власти продолжали утвер-

ждать, что каких-либо свидетельств о военном характере иранской ядерной программы нет и Иран не представляет собой угрозы ни России, ни мировому сообществу. Примерно такие же заявления делали и официальные представители США, ЕС и Израиля, говоря лишь о гипотетической угрозе со стороны Ирана в последующие годы. Общеизвестно, что Иран, в отличие от Израиля и ряда других стран, подписал Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), допускает, пускай и с некоторыми оговорками, инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты. Как совершенно справедливо заметил в своей статье В. Щекин, духовный лидер ИРИ аятолла Хаменеи в религиозной фетве (имеет силу указа главы государства) официально провозгласил отказ Ирана от создания ядерного оружия. Те, кто знает Восток не понаслышке, понимают всю ценность и весомость такого заявления иранского руководителя. Недавно в Стамбуле состоялась очередная встреча делегации Ирана с «шестеркой» международных посредников по иранской ядерной проблеме, готовится следующий раунд переговоров в таком же формате в Багдаде.

На этом фоне вышеупомянутое интервью начальника Генштаба России прозвучало резким диссонансом и оказалось по своему тону в какой-то мере провокационным по отношению к Ирану. Российская общественность в очередной раз была озадачена: что это — поиск новых внешних врагов России или неуклюжая попытка российского истеблишмента сделать реверанс в пользу США и Израиля за счет Ирана? Означает ли это поворот от нагнетавшейся в последнее время в российских СМИ антиамериканской и антинаатовской кампании в противоположную сторону или это лишь стремление «идти в ногу» с Западом на иранском направлении?

Насколько оправданным является участие России в дальнейшем ужесточении антииранских санкций, которые уже не только затрудняют деятельность государственных структур ИРИ, но и все более заметно сказываются на благосостоянии широких народных масс. Односторонний разрыв контрактов в области ВТС нанес определенный ущерб и российскому бюджету. Неужели мы, как США и Израиль, рассчитываем при этом на дестабилизацию внутривосточного положения в Иране и рост народного недовольства правящим режимом? Прошедшие недавно парламентские выборы в Иране показали, что попытки экономически «задушить» страну лишь еще больше сплотили иранское общество вокруг правящего режима.

Страны-обладатели ядерного оружия упорно цепляются за свои ракетно-ядерные арсеналы и время от времени заявляют о готовности применить ядерное оружие в случае, если им не хватит для своей защиты обычных вооружений или возникнет реальная угроза их национальной безопасности. Разоруженческие процессы в ядерной области явно не соответствуют темпам научно-технического прогресса и развития современных обществ. Новые вызовы Человечеству возникают с большим опережением намерений ядерных держав разоружаться. Международный терроризм, наркоугроза, техногенные и природные катаклизмы, появление принципиально новых видов оружия и технологий двойного назначения оставляют все меньше времени для маневра великих держав, которым, сидя, в буквальном смысле слова, на арсеналах из тысяч ядерных боеголовок, становится все более сложно удерживать, так называемые, «пороговые» страны от овладения ядерными технологиями и получения доступа к ядерному

оружию. Весьма не просто обеспечить техническую и физическую защиту многочисленных ядерных объектов гражданского и военного назначения. Трагические события на японских АЭС показали всю хрупкость и недостаточный уровень защиты ядерных объектов даже в стране с передовыми достижениями в научно-технической области.

Весьма проблематичным стал и такой термин времен «холодной войны» как «ядерное сдерживание». Получается, что одни страны получили возможность обладания ядерным оружием и теперь всячески стараются его сохранить, одновременно ограничивая число стран «ядерного клуба», а другим — это категорически запрещено. Более того, не имея скольконнибудь достоверных данных о военной составляющей иранской ядерной программы, Вашингтон не только продолжает курс на дальнейшую международную изоляцию и экономическое «удушение» ИРИ, но и, наряду с Израилем, угрожает решить эту проблему военным путем. Время от времени в западных СМИ публикуются сценарии ракетно-бомбовых ударов по Ирану, называются их конкретные сроки, очерчиваются какие-то «красные линии» и прочие элементы информационного и пропагандистского давления на Тегеран. И, если Вашингтон и Тель-Авив делают это по вполне понятным причинам (их явно не устраивает само существование правящего режима ИРИ), то зачем же втягиваться в эту антииранскую кампанию России?

Как представляется, россиянам гораздо выгоднее и логичнее сохранить нормальные, взаимовыгодные, добрососедские отношения со своими соседями по Каспийскому морю — иранцами. Россия могла бы более активно выступить в роли посредников между Ираном и Западом (СБ ООН) в налаживании мирного и конструктивного диалога по всем острым проблемам и, в первую очередь, по ситуации вокруг иранской ядерной программы. Иран сейчас, как никогда, нуждается в международной поддержке и контактах с внешним миром и для него становятся крайне важными любые заявления и действия России на иранском направлении. Становится все более очевидным, что нельзя все дальше «загонять Иран в угол». Можно сказать, что сегодня российско-иранские отношения проверяются на прочность и здесь уместно вспомнить широко известную поговорку: «Друг в беде — настоящий друг». Иран, как и любая другая страна, требует к себе со стороны России и всего мирового сообщества уважительного и доброжелательного отношения.

Если явно неуместное высказывание российского военачальника в отношении Ирана можно отнести лишь к периоду смены власти в Кремле и связанной с этим некоторой неразберихой в верхах, то это еще не так страшно. Гораздо хуже было бы, если бы это интервью стало поворотным пунктом в российской внешней политике на иранском направлении, что чревато многими негативными последствиями, как для Ирана, так и для России.

Вряд ли от этого выиграет и мировое сообщество. Ведь сегодня на повестке дня стоят гораздо более острые международные проблемы (палестинская, курдская, кипрская, кашмирская, нагорно-карабахская, морское пиратство, афганская наркоугроза, всеобщее и полное ядерное разоружение и др.), которые Человечество может решить лишь совместными усилиями.

Карине Тер-Саакян

О некоторых итогах визита главы МИД Армении в Тегеран в региональном контексте

29 апреля глава МИД Армении Эдвард Налбандян по приглашению своего иранского коллеги Али Акбара Салехи прибыл в Тегеран с официальным визитом. В тот же день состоялась встреча Налбандяна с президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом. Армянский министр передал Ахмадинежаду личное послание президента Армении Сержа Саргсяна, в ответ на которое Махмуд попросил передать свои самые лучшие пожелания армянскому коллеге и всему армянскому народу.

Все это, конечно, хорошо и только укрепляет отношения между двумя соседними странами. Однако в соседнем Азербайджане весьма неприязненно, если не сказать больше, относятся к армяно-иранским отношениям, противопоставляя их азербайджано-израильским. Официальный Баку ни много ни мало обвиняет Тегеран в отходе от «исламских ценностей».

За день перед визитом Налбандяна в Иран, в Баку побывал глава МИД Израиля Авигдор Либерман. По словам аятоллы Казема Садиги, Иран надеется, что правительство Азербайджана не намерено тесно сблизиться с Израилем. «Все соседние с нами государства должны осознать, что Израиль является нашим врагом номер один. Интересы западных политиков идут вразрез с интересами и духовностью мусульманских народов. Мы желаем, чтобы правительства региональных стран вместе со своими народами противостояли израильскому режиму, чтобы в дальнейшем не сталкиваться с большими проблемами», — заявил аятолла. Заявление иранского священнослужителя дало повод азербайджанской стороне в очередной раз обвинить Иран в пособничестве «стране-оккупанту», то есть Армении, вновь приведя мифические цифры о «миллионе шиитских беженцев» и 20% «оккупированной территории». В Баку всерьез считают, что Иран не должен сблизиться с Арменией, а напротив, объявить ее врагом №1, как это сделали в Баку и теперь в восторге от собственной смелости, повторяют это на каждом углу. Тегерану даже указывается, что поддержка Армении идет с «интересами и духовностью мусульманских народов».

Как пишет весьма одиозное азербайджанское издание AZE.az, «прежде чем давать соседним странам советы о том, для кого Израиль является «врагом номер один» и чем может обернуться сотрудничество соседей

Ирана с еврейским государством, иранским аятоллам необходимо для себя уяснить, что врагом номер один для Азербайджана останется Армения. Азербайджан также желает аятоллам соседнего Ирана время от времени вспоминать, что в двух странах живут мусульмане, и призывает по этой причине вместе противостоять режиму в Армении. Если же для Ирана судьба соседних карабахцев, изгнанных из своих земель, безразлична и он не видит по ту сторону реки то, что можно видеть без бинокля — а именно, разрушенные и опустошенные мусульманские села, святыни и кладбища — то Азербайджану тем более будет трудно видеть то, что имеет место в далеком восточном Средиземноморье, с которым Азербайджан, увы, не граничит. Азербайджано-израильские отношения будут развиваться соразмерно ирано-армянским, и не тегеранским лицемерам давать в этой связи азербайджанцам какие-то советы. Чем шире будет сотрудничество между Ираном и Арменией, тем шире будут связи Азербайджана с Израилем», — пишет издание.

Далее упоминается и пограничный мост, газопровод, строительство железной дороги Нефтеперерабатывающий завод в Гюмри, не говоря уже о нефтепроводе Тавриз-Ерасх. Все это, по мнению Баку, дает право Азербайджану закупать оружие против Ирана и Армении у Израиля.

Стороны обсудили ход работ по реализации совместных проектов. По словам Ахмадинежада, Иран прилагает особые усилия для развития отношений с Арменией в разных сферах. Подчеркнув важность проведения железнодорожной линии Иран-Армения, а также ЛЭП и нефтепровода Иран-Армения, президент отметил, что необходимо прилагать усилия для увеличения объемов товарооборота между Ереваном и Тегераном. «Должны быть подготовлены необходимые документы для свободной торговли на ирано-армянской границе. После получения независимости Армения развивала отношения с Ираном, были реализованы крупные совместные проекты. Для налаживания свободной торговли на границе между Ираном и Арменией официальные лица должны подготовить необходимые условия. Это даст пользу для еще большего укрепления связей между странами», — сказал Ахмадинежад.

В свою очередь, глава МИД Армении отметил, что для развития двусторонних торгово-экономических отношений созданы благоприятные возможности, и следовательно, необходимо использовать их.

Для Армении наличие рядом дружественной мусульманской страны является одним из гарантов собственной безопасности, особенно при нерешенном карабахском конфликте. И армянские власти не могут не приветствовать взвешенную и четкую позицию Ирана в карабахском вопросе. Более того, в 2010 году Иран отказался пропустить военные грузы для Азербайджана. По словам главы МИД Ирана Али Акбара Салехи, Армения является страной, занимающей важное положение в регионе. «Иран готов стать посредником между Азербайджаном и Арменией в урегулировании нагорно-карабахского конфликта», — заявил он, сообщает агентство Mehr.

На совместной пресс-конференции с главой МИД Армении Эдвардом Налбандяном в Тегеране Салехи сказал, что Иран хочет мирного решения нагорно-карабахского конфликта. «У нас есть интересы на Южном Кавказе, поэтому мы стремимся к миру в нем», — отметил он. В декаб-

ре прошлого года в интервью журналу «Современный Иран» г-н Салехи особо подчеркнул, что Иран был в числе первых государств, признавших независимость и Армении, и Азербайджана. Он всегда стоял за сохранение территориальной целостности Азербайджана и поддерживал резолюции ООН по этому вопросу. Иран всегда выступал за мирное разрешение конфликта в Нагорном Карабахе, он раньше всех других стран предпринял шаги для урегулирования карабахского конфликта и приложил много усилий для того, чтобы карабахский кризис был разрешен мирным путем. Однако вмешательство ряда третьих государств стало препятствием на пути плодотворных дипломатических усилий Ирана в этом направлении.

«Да, Иран высказал готовность стать посредником между двумя дружественными ему государствами: Республикой Азербайджан и Арменией. По нашему мнению, региональные кризисы должны регулироваться в сотрудничестве между государствами региона, и внерегиональное вмешательство не только не решит подобных проблем, но и приведет к дальнейшему осложнению этих отношений», — сказал тогда Салехи.

Что касается армяно-иранских экономических отношений, то глава МИД Ирана подчеркнул, что необходимо прилагать усилия, чтобы в стране увеличились объемы двустороннего товарооборота. Полная реализация двусторонних совместных программ, таких как строительство железной дороги, нефтепровода и электростанции, а также новое сотрудничество в других сферах приведут к осуществлению совместных целей.

Кроме встреч с президентом ИРИ и министром ИД, Эдвард Налбандян также встретился со спикером парламента Ирана Али Лариджани. «Политика Ирана направлена на улучшение отношений со странами региона и урегулирование конфликтов в рамках переговоров и взаимопонимания», — заявил иранский спикер. Он отметил, что за последние годы сотрудничество между парламентами Армении и Ирана эффективно развивается. Лариджани заявил, что реализация совместных экономических проектов станут шагом вперед к углублению отношений между двумя странами, отметив важность укрепления связей между частными секторами двух стран. Он подчеркнул, что отношения между Ираном и Арменией имеют хороший потенциал для развития в различных областях.

Глава МИД Армении Эдвард Налбандян также подчеркнул важность и потенциал укрепления отношений между странами, отметив, что парламенты двух стран играют важную роль в расширении армяно-иранских связей. «Армения считает крайне важным установление дружественных связей с Исламской Республикой Иран во всех областях», — сказал Налбандян. Армянский министр подчеркнул роль торгово-экономического сотрудничества между Ираном и Арменией для улучшения двусторонних отношений.

Действительно, основным показателем взаимоотношений между странами является экономика. Именно поэтому в ходе визита Налбандяна в Тегеран были затронуты и вопросы торгового сотрудничества. Вполне возможно, что хорошие политические связи, тем более динамично развивающиеся, помогут развитию экономических отношений. Как известно, у Ирана и Армении нет особых разногласий и поэтому расширять экономическое сотрудничество — в интересах обеих стран.

Прямо пред визитом главы армянского внешнеполитического ведомства, правительство Ирана одобрило соглашение об упрощении проезда через армяно-иранский пограничный пропускной пункт. Согласно данному соглашению, стороны должны предоставлять совместные услуги по упрощению международных грузовых и транспортных перевозок через армяно-иранский пограничный контрольно-пропускной пункт Нордуз-Мегри.

В этом случае нелишне напомнить, что совсем недавно правительство Армении утвердило технический регламент «Нормы технической эксплуатации магистрального нефтепровода». В обосновании отмечается, что проект технического регламента разработан с целью строительства нефтепровода Иран-Армения, сдачи его в эксплуатацию и утверждения норм эксплуатации. Начало строительства нефтепровода намечено на осень 2012 года. Трубопровод диаметром 8 дюймов (203 мм) и протяженностью 365 км предполагается сдать в эксплуатацию в 2014 году. По подписанному соглашению в феврале 2012 года Иран планирует поставлять в Армению 1.5 миллиона литров бензина и дизтоплива в день. По некоторым данным, уже есть источники финансирования, так что трубопровод, скорее всего, не постигнет участь Nabucco, амбициозного и дорогостоящего проекта, который без иранского газа просто не заработает.

Обобщая вышесказанное, на наш взгляд, сотрудничество между Арменией и Ираном будет развиваться по нарастающей, несмотря на предстоящие в 2013 году выборы президентов в обеих странах. И еще очень важное обстоятельство — две страны показывают пример того, что в регионе можно сотрудничать, невзирая на разность вероисповедания. А Азербайджану можно посоветовать только одно — прежде чем упрекать армянских и иранских историков, нелишне вспомнить, какому государству принадлежало Карабахское ханство. А то получается, что ни Персидской, ни Российской империй не было, а был один большой Азербайджан, которого нет ни на одной карте мира до 1920 года.

Юрий Филин

Ушат холодной воды для «пылкого» Нетаньяху

Провозглашенная Израилем готовность «покарать» Иран — тем более в одиночку — все более начинает походить на банальный блеф. Что, кстати, лишний раз доказывает: политики современной генерации, к сожалению, все чаще исходят из неких виртуальных, т. е. ими же самими сконструированных величин, а не из искусства реально возможного.

Пылкие головы двух нынешних израильских лидеров — премьера Биньямина Нетаньяху и министра обороны Эхуда Барака (особенно, конечно, первого из них) попытался тут на днях остудить бывший израильский премьер Эхуд Ольмерт. В интервью телеканалу CNN он настоятельно рекомендовал правительству страны не только не бомбить Иран самостоятельно, но и, главное, рассматривать удар по Ирану лишь как «последнее средство» — когда как все остальные возможности будут уже исчерпаны.

«Пока я знаю одно: иранские лидеры не переступили черту, за которой начинается разработка ядерного оружия. Все говорит о том, что они как минимум обдумывают свои действия и не рвутся вперед, тщательно рассчитывая свои шаги», — отметил Ольмерт. Ну а уж если нападать на Иран, считает он, то делать это можно лишь в составе широкой международной коалиции во главе с США. Ведь если действовать в одиночку, то Иран тут же использует все имеющиеся у него возможности для ответного удара. А такой поворот событий будет иметь непредсказуемые последствия. Вот почему Ольмерт не слишком доверяет нынешнему правительству Биньямина Нетаньяху, который не раз заявлял, что Израиль готов самостоятельно напасть на Иран.

И Ольмерт отнюдь не первый представитель израильского истеблишмента, кто недвусмысленно предостерег нынешнее руководство страны от атаки на Иран — за последнее месяц-другой целый ряд бывших высших должностных лиц Израиля сделали примерно то же самое.

«С небес на землю»

Начал же эту кампанию по возвращению нынешнего руководства страны «с небес на землю» более чем информированный человек — бывший глава

«Моссада» Мейр Даган. В середине марта в интервью CBS он предостерег своих нынешних коллег, что нападение на Иран неминуемо вызовет ответный ракетный удар по Израилю, который чреват самыми «разрушительными» последствиями. «Я думаю, что Израиль окажется в очень серьезной ситуации», — предупредил бывший шеф прославленной на весь мир разведки. Кроме того, Даган скептически оценивает саму эффективность военного удара по иранским ядерным объектам, которых он насчитал не четыре, а «дюжины». Никакая военная атака, считает бывший шеф «Моссада», не приведет к остановке иранской ядерной программы — в лучшем случае, это может лишь на время временно задержать ее реализацию.

Явным диссонансом по отношению к заявлениям нынешнего израильского руководства прозвучала и оценка Даганом иранского руководства. Нынешний режим в Иране, в т.ч. президент страны Махмуд Ахмадинежад вполне рациональны, отметил он. «Они (руководство Ирана) просчитывают все последствия своих действий... Они ведь дорого заплатят (за просчеты)... и я думаю, что в данный момент иранцы... очень осторожны», — свидетельствует Даган. Как же эти слова разительно отличаются от риторики в адрес того же Ахмадинежада, к которой сплошь и рядом прибегает нынешнее израильское руководство, обвиняющее президента Ирана в неадекватности и стремлении при первой возможности уничтожить Израиль.

Ну а недавно еще более «лестными» эпитетами наградил нынешнее руководство Израиля бывший руководитель израильской службы безопасности «Шин Бет» Юваль Дискин. Человек, которого еще год назад Биньямин Нетаньяху с почестями отправлял в отставку, возьми, да и заяви во всеуслышание: «Моя самая большая проблема в том, что у меня нет веры в современное руководство, которое подводит нас к грани войны с Ираном». «Поверьте мне, я долго наблюдал их (Биньямина Нетаньяху и Эхуда Барака) вблизи... Это не те люди, которым бы я доверил управление Израилем во время событий такого масштаба». По словам Дискина, проблема в том, что оба израильских лидера действуют иррационально, под влиянием «мессианского мышления», хотя никакими мессиями не являются. По мнению бывшего шефа израильской спецслужбы, руководство страны вводит людей в заблуждение относительно иранской проблемы. При этом, он убежден, что удар по ядерным объектам не замедлит, а лишь ускорит появление у Ирана атомного оружия.

А финальный ушат холодной воды вылил на нынешнее политическое руководство Израиля не кто иной, как глава израильского Генштаба Бени Ганц. В опубликованном на прошлой неделе интервью, сообщает The Washington Post, он «посмел» заявить, что Иран предпочтет не создавать ядерную бомбу. Это как же так: премьер Израиля убеждает всех, что «коварный» Иран вот-вот обзаведется бомбой — а тут его начальник Генштаба говорит фактически прямо противоположное? А Ганц хотя и подтверждает, что израильские вооруженные силы будут готовы выполнить приказ руководства страны, тем не менее, не думает, что в этом году настанет «критический момент».

Маниакальное мессианство

При этом глава израильского Генштаба называет иранских лидеров «крайне разумными людьми», которые до сих пор раздумывают, стоит ли

«проходить лишнюю милю» и начинать изготавливать ядерное оружие. «Я полагаю, что это стало бы гигантской ошибкой, и не думаю, что он захочет проходить эту лишнюю милю», — заявил Ганц, говоря об аятолле Али Хаменеи. Отметив, что высший руководитель Ирана, конечно, может изменить свою позицию, Ганд напомнил, как Хаменеи неоднократно заявлял, что его страна не намерена создавать ядерное оружие.

Какой же итог складывается из этой цепочки заявлений бывших (и нынешних — если брать в расчет Ганца) представителей израильского руководства? А тот, что самые осведомленные люди Израиля (экс-глава «Моссада», бывший шеф службы безопасности, экс-премьер и даже нынешний глава Генштаба) фактически солидаризируются в том, что Иран — во всяком случае, в настоящий момент — явно не тот противник, против которого тут же надо начинать войну. Более того, в той или иной мере все перечисленные представители израильского истеблишмента сходятся во мнении, что Иран вообще не намеревается обзаводиться ядерным оружием.

Что же тогда представляет собой на этом действительно экспертном фоне истерика нынешнего политического руководства Израиля? А как раз то самое стремление выдать виртуальное за действительное, которым все чаще грешит современная политика. «Иранский режим открыто призывает к нашему уничтожению. И он лихорадочно работает над созданием ядерного оружия для достижения этой цели», — вопит на весь мир Нетаньяху. И такое маниакальное «мессианство» (по выражению вышеупомянутого Дискина) израильского премьера действительно может привести к катастрофе и Израиль, и весь регион, да и дестабилизировать обстановку во всем мире.

Причем, не стоит забывать, что «апологетами» Ирана в данном случае выступают отнюдь не союзники Тегерана, а его очевидные оппоненты — чего только стоит перечисление их бывших и нынешних постов и регалий. Более того, все они отнюдь не склонны к всеобъемлющему миру с Ираном. Тот же бывший шеф «Моссада» Даган в упомянутом интервью призывает одновременно к активизации подрывной деятельности против нынешнего иранского режима. Но при этом г-н Даган отчетливо видит перед собой катастрофические последствия лобовой атаки на Иран, за которую ратует нынешний израильский премьер. Это чистейшей воды авантюра, чреватая смертельной угрозой для самого Израиля, хором предупреждают оппоненты Нетаньяху. Борьбу против Ирана прекращать не надо — пусть активизируется разведывательно-диверсионная работа по поддержке иранских сепаратистов и оппозиционеров. Вот только ставить своим «мессианством» страну и мир на грань катастрофы явно не стоит.

В итоге, похоже, у израильских «ястребов» уходит из-под ног почва. Даже американский президент Барак Обама, которому в предвыборный год явно невыгодна вся эта «иранская заваруха» с непредсказуемыми последствиями, начинает сдерживать Нетаньяху и даже подает кое-какие обнадеживающие сигналы Тегерану. Все — израильские «ястребы» остаются в явном меньшинстве, угроза войны, чреватая перерасти в крупномасштабный конфликт, который вполне может выйти за пределы даже Большого Ближнего Востока, постепенно снижается.

Вдруг, откуда ни возьмись...

И вот тут, откуда ни возьмись, появляется начальник российского Генштаба Николай Макаров со своим заявлением о том, что Иран-де все-таки угрожает своими ракетами (которые, дескать, вот-вот будут начинены ядерными боеголовками). Причем — угрожает даже России. Ну что тут сказать, кому больше посочувствовать — иранцам (которых это заявление не просто оскорбило, но и вообще заставило усомниться в поддержке со стороны России) или нам, гражданам РФ? И думается, что как бы ни расстроило это заявление «российского Мольтке» наших иранских соседей, печалится (да что там печалится — бить тревогу во все колокола) нужно, прежде всего, нам, россиянам. Это как же можно чувствовать себя в безопасности, если начальник родного Генштаба не усмотрел никакой опасности для России ни в трех сотнях ядерных боеголовок Израиля, ни в ядерном арсенале Индии и Пакистана — но зато углядел еще никем не видимую (вследствие ее полного отсутствия) угрозу со стороны еще не ядерного Ирана? И вот именно после того, как наш главный военный стратег обнаружил в себе такие глубокие познания военно-стратегической ситуации, и стало по-настоящему страшно за самих себя.

Впрочем, «казус Макарова» — дело явно не шуточное. К сожалению, его слова свидетельствуют о том, что откровенно прозападная партия российского руководства пустила корни уже и в высших военных органах нашей страны. Но это — уже немного другая история. Причем, довольно длинная.

Антон Евстратов

Иран — Таджикистан — Россия: освоение Евразии

Три недели назад посол Ирана в Таджикистане Алиасгар Шердуст сообщил СМИ о намерении его страны экспортировать газ в Китай через Таджикистан, Афганистан и Киргизию. Более того, уже достигнута договоренность между главами ИРИ, Таджикистана и Афганистана, встретившимися в Душанбе, о строительстве трубопровода. Инициатором данного проекта выступил таджикский президент, так как именно его страна ощущает острый недостаток газа. Новый газопровод должен пойти в Таджикистан через афганскую территорию.

По мнению Шердуста, благодаря своему потенциалу и поддержке Ирана Таджикистан сможет стать региональным экспортером электроэнергии.

Помимо газовых труб решено по тому же маршруту возвести трубопровод для транспортировки воды из Таджикистана в Иран (опять же — через Афганистан). По расчетам иранских и международных специалистов, в настоящее время в Таджикистане задействовано только пять процентов водных ресурсов. Остальные девяносто пять — просто уходят в соседние страны.

Иранская инициатива и путинский план инфраструктурного контура

Разумеется, важность данного проекта трудно переоценить. В условиях санкций против Исламской Республики со стороны США и их европейских союзников, ей просто необходимо для сохранения экономической стабильности наращивать экспорт энергоносителей в другие страны. Наиболее реальные покупатели, в том числе и иранского газа, на данный момент — на востоке. Самыми крупными и, как следствие, самыми перспективными из них являются Китай, Индия и Пакистан. Уже практически достроен «Седьмой транснациональный газопровод», который соединит Исламскую Республику с Пакистаном, в котором газ составляет 53% энергетического баланса страны. Через пакистанскую территорию в ближайшем будущем трубопровод может быть протянут далее — до границ Индии и Китая. Таким образом, разработанный в Душанбе проект поставок газа в Поднебес-

ную через Центральную Азию — вполне вписывается в контекст иранской внешнеэкономической политики, проводимой ИРИ в последнее время. Ну а потребности в газе небольших региональных государств еще более увеличивают его выгоду.

Более того, иранский проект вполне вписывается в «план Путина» по формированию мощного инфраструктурного контура ШОС, который позволит реализовать колоссальный транзитный потенциал региона и приблизит дату создания энергетического клуба в рамках этой организации, о чем сам Владимир Путин говорил в ноябре прошлого года на саммите глав правительств ШОС. Как предполагается, в состав клуба войдут представители министерств энергетики стран-участниц ШОС, а также ведущие энергетические компании. Интересно отметить, что в условиях, когда между Россией и Казахстаном (впрочем — и некоторыми другими странами Центральной Азии) имеет место конкуренция из-за поставок энергоносителей в Китай, данный клуб при активном участии Ирана мог бы сыграть роль площадки для улаживания разногласий.

Реализации иранского проекта способствуют и многочисленные транспортные проекты Исламской Республики в данном регионе, реализуемые, прежде всего, в рамках создания магистрали «Север-Юг». Особенно это касается строительства железной дороги из Кашгара, расположенного на западе Китая в Иран через афганскую провинцию Герат. Имеет ИРИ также весьма тесные экономические связи с Таджикистаном, в котором вкладывает средства в строительство гидроэлектростанции Сангтуда-2, сельское хозяйство и промышленность.

По мнению некоторых наблюдателей, реализация данного проекта может реанимировать и идею строительства линии высоковольтной передачи на Пакистан, в которую Россия готова вложить \$0,5 млрд, то есть — четверть от необходимого объема инвестиций.

Кстати, энергетическая сфера считается привлекательной для инвестирования и иранскими предпринимателями, которые активно вкладываются, например, в энергосистему Таджикистана. Речь идет о проекте Шурабадской ГЭС, строительстве нескольких малых электростанций планах по финансированию строительства крупнейшей в Центральной Азии Рогунской ГЭС. Необходимо отметить, что объем инвестирования признается двумя сторонами недостаточным. Тот же Алиасгар Шердоуст в своем выступлении отмечал, что «иранский частный сектор в Таджикистане, в основном вовлечен в сельское хозяйство, промышленность, производство цемента и строительство мелких электростанций».

Реализации иранского проекта способствуют и многочисленные транспортные проекты Исламской Республики в данном регионе

«Узбекский фактор»

Все это дает Ирану преимущества и перспективы в реализации проекта газопровода. Однако такая реализация неизбежно сталкивается и с целым рядом проблем геополитического и геоэкономического порядка.

Во-первых, сразу следует отметить, что реакция США и Запада на строительство газопровода от Ирана до Китая последует однозначно негативная. Не следует забывать недавний инцидент в Душанбе, в ходе которого помощник госсекретаря Соединенных Штатов по делам Центральной и Южной Азии Уильям Блейк выступил против упомянутого выше и гораздо менее амбициозного проекта строительства железной дороги между западным Китаем и Ираном. Нетрудно предположить, что газопровод, сводящий на нет всю систему международных экономических санкций против Исламской Республики, вряд ли будет благосклонно воспринят представителями Белого Дома и их союзниками. Нет сомнений в том, что их реакция будет более чем жесткой, особенно с учетом находящихся у них под контролем «исламских» экстремистов.

Кроме того, не стоит забывать, что Соединенные Штаты в ряде центральноазиатских государств имеют сильные позиции во властных структурах и располагают достаточным количеством рычагов для оказания давления на руководство этих стран.

**Новые лидеры
Кыргызстана
находятся
«в активном
поиске» нового
внешнего
сюзерена**

Свою роль может сыграть и Кыргызстан, где, в силу слабости центральной власти (причиной которой является череда революционных событий последних лет), имеет место серьезная политическая нестабильность и постоянная угроза вооруженного столкновения. Кроме того, новые лидеры Кыргызстана находятся «в активном поиске» нового внешнего сюзерена, и в их глазах США (через Турцию) выглядит куда как более предпочтительнее других кандидатур, что бы не заявлялось на официальном уровне.

Лидер Исламского движения Узбекистана Усмон Одил уже несколько лет как объявил правительству Кыргызстана джихад. Наибольшая опасность «взрыва» присутствует в южных районах страны, населенных преимущественно узбеками, серьезно пострадавшими в недавних этнических столкновениях. Усугубляет ситуацию коррумпированность киргизской армии, государственных и правоохранительных структур. В таких условиях строить газопровод на киргизской территории, мягко говоря, небезопасно.

Фактически попал под контроль Вашингтона Узбекистан, который, хотя и не будет принимать участие в строительстве газопровода, тем не менее, способен оказывать давление на соседей.

Зависит от Узбекистана и Таджикистан, импортировавший у него тот же газ. В последнее время данный импорт практически сошел на нет из-за того, что Ташкенту пришлось наращивать объемы поставок топлива в Китай, являющийся основным покупателем данной продукции у режима Ислама Каримова.

Вообще именно с Узбекистаном у Ирана наиболее сложные отношения во всем Центральноазиатском регионе. С первых лет своего существования молодая республика рассматривала ИРИ как союзника таджикских сепаратистов Бухары и Самарканда.

Кроме того, подчеркнута прозападный режим Каримова стремится позиционировать себя как оплот США и Европы в противостоянии их с Россией и

Ираном. Таким образом Узбекистан встал на позиции открытой враждебности ИРИ. Внешнеполитические решения руководства страны подтверждают такую ее ориентацию. Когда в 1995 году американский конгресс ввел против Ирана экономические санкции, Узбекистан единственный из постсоветских государств открыто поддержал эту меру. Сегодня ирано-узбекские отношения остаются более чем прохладными, что явно не способствует реализации такого крупного международного проекта, как газопровод до Китая.

А о возможных «рисках» прокладки труб на территории Афганистана, фактически лишённого какой-либо вменяемой инфраструктуры, администрации, полицейских сил, и вовсе упоминать бессмысленно. Достаточно сказать то, что правительство не контролирует большую часть территории страны, и для реальных «владельцев» того или иного «княжества» подписание президентом Карзаем какого-либо договора мало что значит.

Иран-Таджикистан: восточные тонкости

Примечательно, что и Таджикистан, в который ИРИ вкладывает, как было замечено выше, значительные средства, отнюдь не является стопроцентно надежным союзником. Внешне все выглядит просто замечательно: за прошедшие годы между РТ и ИРИ было подписано более ста соглашений и договоров о совместном сотрудничестве в различных областях политики, экономики и культуры. По данным, которые приводит Эрадж Багбан «сегодня на территории Таджикистана успешно развиваются и работают около 160 иранских компаний различного профиля. В перспективе — открытие еще нескольких совместных предприятий и проектов. Товарооборот между двумя странами за прошлый год превысил 180 млн долларов. Иран является одним из лидеров в общем объеме товарооборота РТ. Изучение языка фарси активно внедряется в таджикскую систему школьного образования. Оказывается большая помощь учебной литературой, организуются программы повышения квалификации преподавателей, стажировки студентов-иранистов. На иранские деньги построено несколько крупных библиотек, оборудованы иранские культурные центры с курсами изучения фарси. Один из них расположен в Душанбе (это Иранский культурный центр, который действует при поддержке Всемирного благотворительного комитета имени имама Хомейни «Им-дод» и Организации Ага Хана IV), второй — на севере страны — в Худжанде. Большое внимание уделяется бесплатному изучению основ Корана. ИРИ предоставляет квоты для обучения таджикских студентов в иранских вузах. Сейчас в Иране только по официальным данным обучаются более 400 граждан Таджикистана. В связи с этим, таджикская сторона просила иранцев зачислять таджикских студентов, прежде всего, в вузы со светской направленностью. Хороший вариант, если учесть, что достижениями иранской медицины пользуются во всем мире, как и услугами иранских строителей-инженеров. Тем более, что

«Сегодня на территории Таджикистана успешно развиваются и работают около 160 иранских компаний различного профиля»

светским, утилитарным профессиям таджикостанской молодежи, в силу географических, экономических, этнических (менталитет), языковых причин легче и удобнее обучаться в ИРИ, чем в Европе и США».

Но есть и более чем настораживающие моменты. Не вдаваясь в подробности, можно упомянуть, что в прошлом таджикское правительство несколько раз отказывалось от предложений Тегерана отменить визы между двумя странами. А проект создания совместного телеканала на персидском языке с подключением к нему Афганистана не был реализован именно из-за препятствий, чинимых таджикскими чиновниками. Интересно, что, несмотря на дефицит энергоносителей на территории республики, Таджикистан активно экспортировал их, в частности, в соседний Афганистан. Решение о приостановке экспорта, например, угля, правительство страны приняло лишь 27 апреля, когда получило отказ в поставке газа из Узбекистана и ощутив серьезный недостаток топлива.

Говоря о проблемах, связанных с реализацией идеи газопровода, можно перечислять еще массу препятствий. Например — проблемы с «географией» — ведь трубопровод проляжет по горным, сейсмоопасным территориям.

Впрочем, более весомым представляются все же проблемы не географические, а экономические.

В последнее время иранскому правительству пришлось ввести режим строгой экономии даже в отношении собственных граждан

В силу финансовых проблем, с которыми столкнулся Иран по причине введенных экономических санкций, его возможности финансировать масштабный проект вызывают серьезные вопросы. В последнее время иранскому правительству пришлось ввести режим строгой экономии даже в отношении собственных граждан, включая сокращение льгот и субсидий.

В этой связи особое значение приобретает взаимодействие Исламской Республики с Россией в рамках выстраивания нового Евразийского пространства, важность которого признавалась политическими деятелями обеих стран. Впрочем, помощь РФ в строительстве иранского газопровода в Китай имеет одно существенное «но». Дело в том, что Россия на данный момент является ведущим экспортером газа в Поднебесную. В случае реализации проекта иранского трубопровода, у нее появится мощный конкурент, занимающий второе место после нее в мире по запасам природного газа, и продающий его по более низкой цене. Тем не менее, Тегеран сам уже неоднократно предлагал России кооперацию в разработке месторождений, а также строительстве и использовании газопроводов. Таким образом, вместо конкуренции, которая приведет лишь к дальнейшему снижению цен на газ, страны-партнеры смогут устанавливать выгодные им цены на голубое топливо. Возможно, только в наиболее тесном сотрудничестве с Российской Федерацией Ирану удастся реализовать на данный момент весьма туманный проект, который не только способен вывести его из экономической изоляции, но и обеспечить серьезную выгоду обоим государствам-экспортерам.

Гейдар Джемаль

Ислам как зеркало Европы

В недавнем прошлом — всего три поколения назад — Европа была бесспорным центром мира. С конца 18-го века ведущие европейские державы активно занимались строительством колониальных империй. Если не брать в расчет специфическую историю заморской деятельности Испании и Португалии, относящуюся к более раннему периоду, имперское строительство таких стран как Великобритания, Голландия, Франция так или иначе пересекалось с зоной влияния Ислама. Когда британцы вторглись в Индию, империя Великих Моголов еще далеко не закончила свою экспансию на субконтиненте, что привело к прямому столкновению британского колониализма и центральноазиатской исламской традиции государственности.

Большинство колониальных захватов, касающихся мусульманских территорий, — если не считать Южную и Юго-восточную Азию — касалось тех стран, которые отпали от последнего халифата. Османский халифат, доживший до 1922 года, представлял собой могущественную силу и геополитическую угрозу для Европы вплоть до середины 18-го века, того самого, когда началась стремительная экспансия Запада по проторенным путям Александра Македонского.

В целом, несмотря на все претензии, которые можно предъявить османскому султанату, несмотря на заслуженный в 19-ом столетии сомнительный титул «больного человека Европы», последний халифат выполнил свою историческую миссию: он спас ближневосточное цивилизационное ядро от длительного пребывания в империалистическом рабстве. Несмотря на то, что подмандатные территории, перешедшей после Первой мировой войны по решению Лиги наций под контроль Великобритании и Франции (Ирак и Сирия, например) «познакомились» с политической зависимостью от чуждой и враждебной силы, этот период длился недолго — всего лишь одно поколение.

Таким образом, исламский мир пережил полный разгром и унижение только единожды в своей истории — от монголов Чингизхана. Запад же сумел установить свой административный контроль напрямую лишь на периферии исламского мира: Северная Африка, Индонезия, Малайзия, мусульманская Индия. Разумеется, к этому можно добавить и завоевания Центральной Азии и Кавказа со стороны Российской Империи. Генералы Кауфман и Скобелев также внесли свой вклад в тысячелетний западный проект «сдерживания Ислама».

В наше время расхожими стали разговоры об «исламизации Европы», о реванше Ислама за геостратегическое поражение в 20 веке. Да, либеральной мировой системе удалось поставить практически во всех странах исламского мира прозападных диктаторов, навязать умме проникнутый светским либеральным духом государственный строй, фактически создать условия криптоколониального контроля. Однако специфика исламского религиозного сознания такова, что сдерживание Ислама через административный контроль также бесперспективно как попытка вычерпать море ситом. Ислам ушел на улицы и площади, в подпольные и полуподпольные мечети, противопоставив себя видимой официальной надстройке так называемых «национальных государств», на которые была разделена мировая умма после Второй мировой войны. Одновременно с этим в Европе стали стремительно расти диаспорные сообщества мусульман.

Сам по себе рост числа мигрантов, исповедующих Ислам в наиболее развитых мусульманских странах не объясняет ту медийную истерику, которая была поднята в этой связи в последние годы. Не оправдывает само по себе существование диаспор на задворках постиндустриального общества и динамику радикального национализма, добившегося заметных успехов на европейской политической сцене. Приниженный второсортный статус мусульман Европы не позволяет им превратиться в серьезный внутренний фактор, влияющий на ход европейской истории. Есть нечто другое, вызывающее раскол в западном обществе.

На протяжении последних десятилетий набирает силу переход европейцев в Ислам. Количество новых мусульман Европы переходит в меняющееся качество европейской идентичности. Только в Германии, например, по официальным данным Ислам приняли не менее 150000 немцев (сюда не включаются немки, вышедшие замуж за мусульман и потомство от смешанных браков).

Эта растущая армия принявших Ислам европейцев поддерживается не менее солидным резервом мусульман, родившихся на европейской почве во втором и третьем поколениях. Многие из них получают прекрасное образование и становятся деятелями науки и культуры на своей новой родине. При этом они сохраняют исламскую идентичность, а иногда приходят к гораздо более радикальному пониманию политического Ислама, чем их родители.

Именно этот процесс и вызывает страх и агрессию у местных борцов за европейскую идентичность, у тех, кто формирует ряды «Национального фронта» Франции или расплодившихся по Центральной и Северной Европе бесчисленных «Партий Свободы». Неонацистское движение Европы, кстати, активно сотрудничающее с Израилем, питается не столько ненавистью к диаспорам, сколько неприятием растущего исламского тренда в своем собственном культурном поле.

Брейвик, расстрелявший 69 собственных земляков — таких же норвежских подростков, каким был он сам — и объясняющий это борьбой против исламизации Норвегии, как нельзя лучше выразил в этом парадоксе чего на самом деле боятся национал-либералы, составляющие стержень современного неонацизма.

Но это не единственный парадокс. Гораздо более глубокий состоит в том, что и рост диаспор на европейской земле и переход европейцев, разуверив-

шихся в парадигме западной цивилизации, в Ислам, и активизация неонацистов, противостоящих этим процессам — все это происходит с ведома и с подачи реальных хозяев Европы — старых традиционалистских кругов, связанных с наследственной знатью и клерикальным истеблишментом. Клубная власть Старого Света, которую не разгромили, а только слегка поугали в 1945 году нахлынувшие в Европу орды «американских варваров», никуда не делась — она просто ушла с публичной сцены в тень.

Однако именно эта клубная власть, опирающаяся на людей, чьи фамилии столетиями находились наверху социальной пирамиды, готовят сегодня монументальный переход к новому цивилизационному укладу, который будет являться ничем иным как полномасштабной консервативной революцией сверху.

Парламентская электоральная демократия обречена. Либеральный истеблишмент Европы — это умирающее явление. В основе этого духовного кризиса, который немедленно проявляется в социальной и экономических сферах, лежит утрата фундаментальной вещи, на которой покоится западное общество последние 100—150 лет: доверие.

В действительности, именно «доверие» стало квазирелигиозным содержанием того, что либеральные просветители называли «общественным договором». Европейцы утратили веру в Бога (а как писал Достоевский, «если Бога нет, то все позволено»). Коллапс традиционной христианской матрицы проявился в двух мировых войнах и толкнул ужаснувшуюся Европу к новой «религии» — культу социума. В этом смысле западный европеец стал своеобразным двойником *homo soveticus*: и тот и другой сделали своим божеством «всемирный человеёник» (по выражению Александра Зиновьева). Разумеется, «челоёник» в западном, сугубо либеральном формате.

Сегодня эта квазирелигия, доверие к социуму и к якобы избранной этим социумом власти, стремительно рассыпается. Ислам, пришедший в Европу, со своим радикальным антилиберализмом и безусловным утверждением трансцендентного принципа как единственного смысла, стал именно тем зеркалом, в котором европейцы обнаружили тщету всех своих философских и социологических иллюзий.

Россия, где крах социальной веры произошел несколько раньше чем на Западе, дает миру пример той бездны, которая открывается с окончательным распадом общественного договора.

Клубные элиты Запада знают, что переход к новому цивилизационному укладу, который будет покоиться на открытом социальном неравенстве, институтах новых привилегий, экономике постпотребления, и жесточайшей дегуманизации политического дискурса, невозможен без глубочайших потрясений, без беспощадного «перетряхивания» всех пластов человеческого пространства. Единственной интегральной формой таких потрясений, которые ведут к смене парадигмы и появлению «нового человека», является гражданская война.

Ее-то и готовят сегодня господа старого мира, которые нежданно для тех, кто еще не утратил веру в общечеловеческие ценности и социальное доверие, собираются вернуться, чтобы снова взять под свой контроль мировую историю.

Джавад Шабири

Иран на «черном»... континенте

Уже четверть века нарастает соперничество ведущих экономик мира за африканские ресурсы. Из года в год оно становится все более ожесточенным и приобрело все черты стратегического противостояния.

Африка занимает первое место в мире по запасам руд марганца, хромитов, бокситов, золота, платинидов, кобальта, ванадия, алмазов, фосфоритов, флюорита. Второе место — по запасам руд меди, асбеста, урана, сурьмы, бериллия, графита; третье — по запасам нефти, газа, ртути, железной руды; значительны также резервы руд титана, никеля, висмута, лития, тантала, ниобия, олова, вольфрама, драгоценных камней... От такого «куска» ни США, ни их традиционные конкуренты из Европы отказываться не намерены. И уж менее всего настроены пускать они на этот рынок новых игроков, чтобы там не говорилось о «свободе конкуренции».

Но если противостоять экономической экспансии Китая на «черный континент» Западу достаточно затруднительно, то противостояние иранскому проникновению Запад осуществляет более успешно.

Зачем Ирану Африка?

После победы Исламской революции расширение отношений со странами Восточной Африки стало одним из приоритетов во внешней политике Ирана. Рахбар Али Хаменеи в период пребывания на посту президента ИРИ совершил ряд поездок в африканские государства, в том числе — в Танзанию, Мозамбик и Зимбабве, которые тогда находились на передовой линии борьбы с режимом апартеида ЮАР.

Визиты носили исключительно политический характер и проходили в период, когда политическое руководство Ирана еще находилось под сильным влиянием идеи «экспорта Исламской революции». Впрочем, сама эта идея не представляет собой чего-то уникального и не является некоей уникальной особенностью именно иранской революции. Идея «экспорта революции» родилась еще в период революции французской, через нее прошел СССР и Китай. Следует заметить, что нынешний «экспорт демократии» мало чем отличается от «экспорта революции», но если революционная романтика «мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» через пару десятилетий сменяется государственным прагматизмом, то «экспорт демократии», если судить по последним десятилетиям, является процессом непрерывным.

«Политическая романтика» ирано-африканского сотрудничества достаточно быстро перешла в сферу весьма прагматического сотрудничества. Правда, с одной, весьма существенной для Африки оговоркой. «Иранское проникновение» в Африку изначально строилось на других, отличных от Запада принципах, проистекающих из принципов исламской экономики и исламского банкинга. Соучаствуя в проектах по благоустройству в странах Африки, французские, американские, британские, бельгийские или норвежские западные компании получают прибыль, превышающую предоставляемые ими этим странам кредиты в 20 раз. Кроме того, они совершенно не озадачивают себя массой «мелочей», в частности, вопросами подготовки местных кадров, предпочитая эти кадры ввозить. Иран строил свои отношения на совершенно иных принципах, которые очень точно охарактеризовал бывший президент Танзании Али Хассан Мвиньи: «Если остальные страны дают нам рыбу, иранцы учат нас рыболовству».

К 2010 году, к моменту проведения в Тегеране Ирано-африканского форума, участие в котором приняли представители более чем сорока африканских государств, основные проекты Ирана в Африке включали в себя:

1. Проекты по поставке нефти и воды в Кению.
2. Создание совместной ирано-зимбабвийской инвестиционной компании.
3. Строительство заводов по производству цемента и асфальта на Коморских островах.
4. Строительство нефтеперерабатывающего завода, завода по сборке тракторов и фабрики по производству говяжьих консервов в Уганде.
5. Расширение 120-миллионного кредита от иранского банка Развития экспорта на покупку иранских тракторов для Сенегала.
6. Строительство первого центра диализа в Сьерра-Леоне.

Однако, одной из основных целей, к которым стремилась Исламская республика в отношениях со своими африканскими партнерами являлось стабильное получение урана для нужд иранской ядерной программы.

Здесь, кстати, есть примечательный момент. В прошлом году глава атомной программы Ирана профессор Ферейдун Аббаси заявил, что его страна владеет всеми стадиями процесса обработки урана и готова поделиться с «дружественными» африканскими странами всеми этапами технологии его обогащения — от добычи урана на рудниках до изготовления ядерного топлива для реакторов. Целью Ирана, по словам Аббаси, является помощь африканским странам, у которых есть урановые месторождения, в строительстве комбинатов по обогащению урана. Подобное стремление, то есть производство в других странах, можно истолковать как косвенное доказательство мирного характера иранской ядерной программы. Следует напомнить, что когда Израиль и Пакистан создавали свой ядерный потенциал, то приобретение урана в той же ЮАР осуществлялось ими совершенно нелегально. Но это — к слову.

Противостояние

Запад рассматривает Африку исключительно как собственную кладовую. И попытки проникновения в нее он воспринимает точно также, как добро-

порядочный гражданин Запада воспринимает попытку «чужака» залезть в принадлежащий ему гараж или чулан. Если почитать западные СМИ и послушать выступления тамошних политиков, то создается впечатление, что тот же Китай уже «положил Африку себе в карман». Экономические показатели опровергают подобный алармизм в оценках. Доминирующее положение Запада в Африке сохраняется, а суммарные экономические интересы других стран, в том числе и стран BRIKS, по оценкам «The Economist», составляют не более 10–15% от суммарных цифр Запада (общий объем суммарного товарооборота и кумулятивных инвестиций в континент) колеблются где-то на уровне 10–12% от объединенных цифр стран Запада. Но и этого вполне достаточно для «острой» реакции. А опыта в организации «проблем конкуренту» на континенте Запад накопил более чем достаточно в конкурентной борьбе с «заклятыми союзниками». Примеров тому более чем достаточно, стоит только вспомнить историю американско-французского соперничества за последние два десятилетия, в котором американская сторона успешно применяла технологию «цветных революций». Бурунди (1993–2005), Руанде (1990–1994), Заире/ДРК (1998–2002), Чаде (2006, 2008), Того (2005), Кот-д’Ивуаре (1999, 2002, 2011) — это хроника «разноцветных революций» по-африкански или теория «управляемого хаоса», организация социальных конфликтов разной интенсивности по американским технологиям.

В условиях Африки эти конфликты очень быстро превращались в вооруженное противостояние и акты геноцида, но кого на Западе останавливает кровь «каких-то африканцев»?

Примечательно, что внешне эти «цветные революции» изначально никогда не несли антифранцузской направленности. Но как-то так получалось, что африканские «демократы» выступали именно против профранцузских правительств, а на смену им приходили по большей правительств проамериканские. На это противостояние французская сторона расходовала огромные финансовые и материальные ресурсы, уступая свои позиции США. До экономики ли тут, если например в Кот-д’Ивуаре во «внезапно» вспыхнувшую гражданскую войну был втянут четырехтысячный французский мототворческий контингент.

Экспансия США на «черный континент» получила и законодательное обеспечение. В 2000 году Конгресс принял «Акт об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки». Как следствие — ежегодный прирост сырьевого импорта составил от 6 до 6,5%. А прямые американские частные инвестиции в континент составили на 1 января 2010 \$19,8 млрд. Следуя принципу «морской пехотой и инвестициями можно добиться гораздо больше, чем просто инвестициями», в структуре управлениями вооруженными силами США с 1 октября 2008 действует «Командование вооруженных сил по Африке» — АФРИКОМ. В Акте о его создании записано о том, что одной из главных его задач является охрана и контроль залежей природных ископаемых на континенте, а также путей их транспортировки.

Неудивительно поэтому, что для пресечения активности Ирана в Африке был использован весь потенциал, которым располагают США и его европейские союзники, которые ради борьбы с новым конкурентом забыли о бывших разногласиях. В ход были пущены и методы информационной войны, и возможности спецслужб.

В частности, западная пресса регулярно публикует материалы-«страшилки», раскрывающие «все коварство и злоумышления» иранской политики в Африке. Например вот этот «шедевр независимой аналитики»: «Иран укрепляет отношения с Зимбабве. Это не особая новость, поскольку Ирану нужны более крупные и более качественные источники урана. Новость в другом: они строят стратегический оборонный альянс. Очевидно, Зимбабве нечего предложить Ирану, кроме ресурсов и тел. Тел не солдат, а эмигрантов. В Зимбабве почти нет мусульманского населения. Его армия по мировым стандартам архаична. Однако помимо природных ресурсов у Зимбабве есть мощное эмигрантское население, которое оно экспортирует во многие страны, такие как Великобритания, Канада и США. Многие эмигранты хорошо образованы. При этом они сохраняют связь с семьями, оставшимися в Зимбабве, и чутко реагируют на ситуацию на родине. Благодаря образованию и знанию языка им несложно получать не самые высокие должности в госучреждениях и бизнесе в странах пребывания. Поскольку они не мусульмане, им не приходится сталкиваться с пристрастным отношением, привычным для мусульманского населения. А поскольку на Западе много выходцев из Ирана и Афганистана, Иран получает отличную сеть для сбора информации».

Но основное направление антииранской деятельности было иным. Санкции против Исламской республики и создаваемые препятствия в ее внешнеэкономической деятельности практически парализовали способность ИРИ в полном объеме выполнять взятые на себя перед африканскими странами экономические обязательства. Ситуацией тут же воспользовались проамериканские лобби в правительстве ряда африканских стран. 20 государств пригрозили закрыть свои посольства в Тегеране в ответ на то, что они называют «неспособностью» Ахмадинежада выполнить обещания, данные во время его визитов в Африку. Недовольство Ираном в Африке искусственно раздувалось, поддерживалось и стимулировалось, что создавало благоприятную почву для всевозможных провокаций, как это произошло в истории с Сенегалом, который называли «иранскими воротами в Африку».

Экспорт в Сенегал в 2009 году оценивался в 16 млн долларов и превысил объемы товарооборота Ирана со всеми африканскими странами, вместе взятыми. Особое развитие ирано-сенегальские отношения получили при Ахмадинежаде. Иран построил в африканской республике химический завод и предприятие по сборке автомобилей. Результатом тесных отношений с Ираном стало голосование сенегальской делегации в ООН против резолюций, осуждающих Иран за нарушения прав человека.

Тесные связи привели к появлению проекта по строительству в Сенегале завода по переработке сырой нефти. Реализация этого проекта вполне могла превратить африканскую республику в одного из экспортеров нефти.

Идея была выдвинута еще летом 2007 года, однако неоперативность иранцев и их «умение» затягивать любой вопрос массой согласований привели к тому, что к 2010 году стороны все еще оставались на стадии переговоров. Чем, собственно, и воспользовались западные спецслужбы.

Во второй половине 2010 года в Нигерии задержали партию оружия. Западные СМИ тут же выдвинули версию, что оружие «предположительно иранского происхождения» и «предположительно предназначено повстанцам из

Движения демократических сил Казаманса», региона на юго-западе Сенегала. При всей шаткости и неубедительности этой версии, проамериканское лобби в Сенегале и ряде других африканских стран использовало ситуацию для раздувания антииранской истерии. В результате инцидента Сенегал понизил уровень дипотношений с Ираном и отозвал своего посла из Тегерана.

Для урегулирования конфликта министр иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи экстренно посетил с визитом Дакар и предложил сенегальцам помощь в размере \$ 200 млн. Сенегал вроде бы согласился с тем, что эпизод является провокацией сил, «стремящихся навредить крепнувшим ирано-сенегальским связям», однако спустя несколько недель, 23 февраля 2011 года МИД Сенегала опубликовал заявление, в котором говорилось, что из оружия, которое Иран поставлял повстанцам, были убиты сенегальские солдаты. А затем руководство Сенегала заявило о разрыве дипломатических отношений с Ираном.

И это — лишь один эпизод борьбы западной коалиции с иранским проникновением на «черный континент»...

Изучая вопрос драматического развития отношений Ирана со странами африканского континента, нельзя не заметить, что есть еще страна, которую из Африки «выдавливают» столь же жестко и беззастенчиво. Эта страна — Российская Федерация. Впрочем, вопрос об объединении усилий на африканском направлении политическими элитами двух стран даже не ставится на повестку дня. Возможно потому, что наряду с провалами, у Тегерана на черном континенте есть и более чем положительные результаты. Впрочем, об этом — в другой раз...

Николай Кольчугин

Закроют ли ядерное досье Ирана на встрече «шестерки» в Багдаде?

Как считают во внешнеполитическом ведомстве Исламской Республики, позитивный ответ Ирана на призыв координатора внешней политики Европейского Союза Кэтрин Эштон, приведший к возобновлению переговоров по иранскому ядерному досье, перевел диалог на основу уважения ядерных прав Ирана. Сам факт проведенных в середине апреля в Стамбуле переговоров между Ираном и группой «5+1» (Россия, США, Франция, Великобритания, Китай и Германия) вокруг ядерной программы Ирана сейчас рассматривается в качестве положительного прорыва в отношениях Тегерана с мировым сообществом.

Прошедшее десятилетие было временем бесконечного конфликта между Ираном и Западом в вопросе о ядерной программе. Запад постоянно обвинял ИРИ в попытках создать ядерное оружие, а Тегеран постоянно отрицал эти обвинения. Стамбульская встреча дает определенные основания говорить о вероятном закрытии иранского ядерного досье в ближайшей перспективе.

Накануне Стамбула: в одном шаге от военной пропасти

Стоит напомнить, что стамбульским переговорам предшествовало беспрецедентное нарастание конфронтации между США, Израилем и Ираном, грозящее перейти в вооруженное столкновение. В этой связи западные СМИ представляли переговоры в Стамбуле как последнюю попытку избежать силового принуждения Исламской Республики к отказу от своей ядерной программы, для чего активно раскручивалось клише «последний шанс для Ирана», введенный в оборот американским президентом Обамой. Поэтому стамбульские переговоры «шестерки» посредников с Ираном имели беспрецедентно высокую актуальность. В случае их неудачи прогнозировался не просто очередной этап эскалации напряженности вокруг ИРИ, а появление нового военного очага, масштабного и непредсказуемого по последствиям вооруженного конфликта на южных рубежах Российской Федерации.

Примечательно, что именно в этот период российское внешнеполитическое ведомство выступило на стороне Ирана против односторонних санкций

США и их союзников, которые стали прямо называться в России «диктатором со стороны ряда стран и произволу на международной арене». Россия ясно давала понять, что будет использовать все свое дипломатическое влияние, чтобы выступать против вооруженного решения проблемы иранского ядерного досье. МИД РФ обещал блокировать любые дальнейшие санкции против Ирана и выступать против любой новой резолюции в Совете Безопасности ООН. «Мы считаем, что санкции по отношению к Ирану потеряли свою полезность», — отмечал Геннадий Гатиллов, заместитель министра иностранных дел России.

Глава МИД России Сергей Лавров немного позже отмечал, что «односторонние санкции против Ирана ряда государств не способствуют разрешению иранской ядерной проблемы, а направлены лишь на удушение экономики этой страны». Речь идет об односторонних санкциях, противоречащих согласованной ООН позиции, принятых накануне США и Европейским Союзом в одностороннем порядке в дополнение к существующим коллективным санкциям. Действительно, новый транш санкций, запущенный в начале 2012 года, со всей очевидностью был направлен не на предотвращение распространения ядерного оружия в Иране, а на удушение иранской экономики с явным расчетом на провоцирование внутреннего недовольства населения страны.

В. Путин в своей статье «Россия и меняющийся мир», посвященной внешней политике и опубликованной накануне президентских выборов в России, отмечал, что «Запад слишком увлекся «наказанием» отдельных стран. Чуть что — хватается за санкционную, а то и за военную дубину». По мнению Путина, логика такого поведения контрпродуктивна, весьма опасна и ни к чему хорошему не приводит. В отношении Ирана в этой статье теперь уже президент России высказался весьма недвусмысленно: «Убежден, решать проблему нужно только мирным путем. Мы предлагаем признать право Ирана на развитие гражданской ядерной программы, включая право обогащать уран. Но сделать это в обмен на постановку всей иранской ядерной деятельности под надежный и всесторонний контроль МАГАТЭ. Если это получится — тогда отменить все действующие против Ирана санкции, включая односторонние».

**В поддержку
российского
подхода к
оценке западных
действий против
ИРИ фактически
выступил и Китай**

В поддержку российского подхода к оценке западных действий против ИРИ фактически выступил и Китай, антиамериканская позиция которого наиболее отчетливо проявилась в неприятии нефтяного эмбарго против импорта иранской нефти. Китай наряду с Россией осудил усилия США по расширению односторонних санкций против Ирана. «То, что Китай закупает иранскую нефть, относится к двусторонним торговым отношениям и представляет собой обычную рыночную сделку, соответствующую любым международным торговым правилам», — считают в Пекине.

Для российской и китайской позиций стала характерна общая оценка пристального и предвзятого внимания США к ядерной программе Ирана. Обе страны считают, что обвинения Белого дома в адрес ядерной программы Ирана имеют не правовой, а политический характер. В конце концов, суще-

ствуют другие государства, чьи ядерные программы не вызывают никаких споров и не являются предметом озабоченности международного сообщества. Причина конфликта вокруг ядерной программы Ирана, как справедливо отмечает независимый аналитик и автор «Foreign Policy Journal» Абдулхасем Байанат, заключается в исламском государственном устройстве Ирана. Источником конфликта явилось «сочетание стремления Тегерана к овладению ядерной энергией и политической идеологии Ирана», которая выражается в проводимой им внешней политике, особенно на Ближнем Востоке, где у США есть совершенно противоположные интересы. Соединенные Штаты своей целью считают сдерживание растущей мощи Ирана и снижение его влияния в регионе. И для достижения этой цели они готовы действовать вопреки международному общественному мнению.

Бесспорно, что реакция России и Китая на нагнетание военной угрозы в отношении Ирана удержала США от поспешных, необдуманных военных действий против Тегерана. Можно назвать и несколько других существенных факторов: само значение Ирана для стабильности в регионе, проблемы, возникшие из-за экономического кризиса и неудач в политике США на Ближнем Востоке, неустойчивое, и даже ставшее более уязвимым после «арабской весны», положение Израиля. Поэтому Белый дом предпочел вместо одобрения планов Израиля на молниеносную войну с Ираном, сконцентрироваться на стратегии, которая учитывает одновременно «все возможные варианты» в отношении Ирана. Дело в том, что Соединенным Штатам хорошо известно, что Израиль не настолько силен, чтобы осуществить самостоятельно и успешно военную угрозу против Ирана, а в случае такой ошибки платить за неудачу пришлось бы американцам, которые и так уже стали в мусульманском мире олицетворением зла и насилия.

В этих условиях, похоже, Белому Дому для сохранения своего образа «хозяина» стали также нужны дипломатические подвижки в решении иранской ядерной проблемы. Действительно правду говорят, что лучше отступить, чем потерпеть очевидное поражение, в данном случае внешнеполитическое. Кроме того, не вызывает сомнений, что перед выборами в США в «иранской уступчивости» заинтересован и лично Барак Обама. Ведь теперь можно говорить американским избирателям о том, что военная истирия вокруг Ирана дала положительный результат. Тегеран, судя по последним выступлениям руководителей страны, в свою очередь, явно хотел нормализовать свое сотрудничество с международным сообществом и был уверен, что его ядерные исследования не представляют военной угрозы. Судя по комментариям не только экспертов, но и официальных лиц из многих стран мира, можно говорить, что Стамбульский раунд переговоров был намного успешнее по сравнению с теми переговорами, что проходили ранее. Реакция со стороны США на итоги встречи, как не странно, также была более позитивной, чем негативной. Очередной раунд переговоров состоится в последней декаде мая т.г. в Багдаде. Насколько можно рассчитывать на то, что появившийся позитив сохранится до начала этого раунда переговоров, можно в определенной степени судить по позиции внешнеполитического ведомства Ирана к его проведению. Глава МИД ИРИ Али Акбар Салехи сообщил о разработке «дорожной карты» к багдадской встрече, но при этом оговаривается, что любые прогнозы в отношении вероятных итогов этих переговоров пока делать преждевременно.

Иранская дипломатия о перспективах встречи с «шестеркой» в Багдаде

Иранское руководство неоднократно отмечало, что ищет путь закрытия ядерного досье Ирана «выигрышный» для обеих сторон, однако до встречи в Стамбуле в Тегеране больше указывали на необходимость корректировки позиции Запада, которая, якобы мешает укреплению взаимного доверия. С этой точки зрения, то есть с точки зрения «шестерки» выслушивать иранское мнение, результаты диалога в Стамбуле расцениваются Ираном в целом как позитивные. И в дальнейшем не вызывает сомнений, что игнорирование прав Тегерана на продолжение ядерных исследований не при каких условиях не будет приемлемым для иранской стороны, и не только затруднит переговорный процесс, но может опять привести к его приостановке. Во внешнеполитическом ведомстве ИРИ надеются, что переговорщики в ходе последующих раундов переговоров и при принятии решений серьезно отнесутся к выдвигаемому иранцами принципу: «Ядерная энергия для всех, ядерное оружие никому».

Иранцы считают, что при таком подходе до достижения «шестеркой» общих взглядов с Тегераном останется не такой уж долгий путь. В МИД ИРИ также указывают на другие «неоспоримые факты текущей ситуации», которые должны быть приняты во внимание переговорщиками. Во-первых, это политическая безрезультативность действующих санкций и угроз против Ира-

на, исламский режим под их давлением выстоял и сдаваться не намерен. Во-вторых, отсутствие доказательств и заключений международного сообщества о стремлении ИРИ к созданию ядерного оружия. Исходя из этого, в Тегеране полагают, что дальнейшее давление со стороны США и ЕС на иранскую позицию на переговорах непродуктивно и «шестерка» должна отказаться от ведения переговоров с позиций силы.

С другой стороны, иранская дипломатия видит опасения Европы в связи с последствиями нефтяного эмбарго против Ирана для самих европейских экономик, отмечает несогласие ряда стран ЕС с общей позицией, и, в итоге, делает вывод о

возможности нарастания разногласий между западными государствами. По мнению МИД ИРИ, данное обстоятельство снижает их зависимость в рассмотрении иранского ядерного досье от США и заставляет европейцев быть более осторожными при проведении диалога с Ираном, реально оценивать возможные последствия любого необдуманного и поспешного «враждебного» решения в отношении Исламской Республики. В целом, как считает глава иранского внешнеполитического ведомства, конструктивная позиция и новые предложения Тегерана дали толчок процессу закрытия иранского ядерного досье, и теперь можно надеяться, что в ближайшем будущем это фальсифицированное, по мнению Ирана, досье будет закрыто навсегда.

Пресс-секретарь МИД ИРИ Рамин Мехманпараст на недавнем брифинге с участием местных и зарубежных журналистов в Тегеране заявил, что отмена санкций против Ирана может стать первым конструктивным шагом в

В Тегеране полагают, что дальнейшее давление со стороны США и ЕС на иранскую позицию на переговорах непродуктивно

сторону нормализации взаимодействия и диалога между сторонами. Говоря о вероятности отмены или ослабления некоторых санкций против Ирана после предстоящей в Багдаде встречи с представителями группы «5+1», он отметил, что если западные и европейские государства примут решение отменить незаконные санкции против Тегерана, это будет «признаком их движения в правильном направлении».

В действительности же, внешнеполитическое ведомство Ирана отдает себе отчет в том, что пока принятие подобных решений «шестеркой» остается маловероятным. Оценивая консультации западных держав со своими союзниками перед переговорами в Багдаде, в МИД ИРИ считают, что они, по-прежнему, направлены на получение уступок от иранской стороны. Иранцы продолжают рассматривать заявления и высказывания официальных лиц США и их союзников, как «психологические и агитационные провокации в целях давления на Тегеран перед началом багдадского раунда переговоров».

Касаясь комментариев и прогнозов о пожелании Евросоюза, чтобы Иран предпринял существенные шаги к созданию доверия и свертыванию программы обогащения урана, 8 мая пресс-секретарь МИД ИРИ заявил: «Этими разрозненными комментариями они стараются отодвинуть на задний план суть переговоров и заранее нагнетают антииранскую атмосферу».

Встреча в Багдаде, по прогнозам иранской дипломатии, может дать хорошие результаты, если она будет проходить в атмосфере «доброжелательства и сотрудничества, направленной на урегулирование общих проблем сторон».

Как видно, иранская дипломатия намерена придерживаться в Багдаде своей твердой позиции, и подает сигналы о том, что ожидать принципиальных уступок со стороны Тегерана у Запада пока нет оснований. МИД ИРИ заранее предупреждает мировое сообщество о том, «что Иран не допустит ущемления прав великого иранского народа». Иранская дипломатия предлагает за основу надо брать принцип «уважения прав народов» и допускает, что «решение большинства противоречий на переговорах в Багдаде возможно при устранении несправедливости в мире». Тесная увязка своей позиции по ядерной программе с национальной идеей и волей иранского народа, ссылки на неправомерное ограничение законных прав Тегерана на ядерные исследования, имеющие мирный характер, являются неотъемлемой частью идеологического аргументирования позиции Ирана на переговорах.

Иранская дипломатия намерена придерживаться в Багдаде своей твердой позиции, и подает сигналы о том, что ожидать принципиальных уступок со стороны Тегерана у Запада пока нет оснований

Иранский атом и МАГАТЭ: доказательств нет, одни подозрения

Положительные результаты апрельской встречи в Стамбуле «шестерки» с Ираном дали основания для возобновления прерванного диалога и в формате Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Ведь до

сих пор этой организацией ООН не собрано никаких доказательств того, что иранцы тайно создают ядерное оружие. В преддверии нового раунда переговоров «шестерки» в Багдаде у международного сообщества, по-прежнему, нет убедительных доводов против Тегерана. Поэтому проведению очередной инспекции МАГАТЭ на ядерных объектах Ирана, а вернее новым выводам ее специалистов, придается весьма высокое значение, и не только в Иране. В России тоже хотели бы иметь авторитетное заключение МАГАТЭ.

Новый раунд переговоров между представителями МАГАТЭ и Ирана пройдет в Вене 13–14 мая. Представитель Исламской Республики при МАГАТЭ Али Асгар Солтанийе оценивает это согласие ИРИ на возобновление переговоров, как демонстрацию желания Ирана сотрудничать с Агентством и его готовности представить доказательства в том, что «деятельность Исламской республики в атомной сфере целиком имеет мирный характер». По его словам, новый раунд переговоров должен определить «формы ответов его страны» на вопросы МАГАТЭ. Напомним, что иранские контакты с инспекторами Агентства были приостановлены после визитов в Тегеран делегаций МАГАТЭ в январе-феврале этого года.

Одна из основных целей переговоров Ирана и МАГАТЭ — определить рамки и порядок международного мониторинга иранских ядерных объектов. Ведь речь идет о суверенитете страны, пустить инспекторов во все места по их желанию, вряд ли, согласилось бы и любое другое государство. Так, после февральского визита своих инспекторов в ИРИ Агентство заявило, что его представителям запретили доступ на военный объект в Парчине, а иранцы заявляют, что это посещение необходимо было согласовывать заранее, до приезда в Иран. МАГАТЭ не согласовывало, и получается, что поставило тем самым иранские власти перед необходимостью отказа.

Тем не менее, западные страны использовали факт отказа для аргументации того, что на этом объекте ведутся ядерные исследования, целью которых является разработка и получение ядерного оружия. В докладе МАГАТЭ по этой же причине была выражена «серьезная обеспокоенность» в связи с возможным военным характером ядерной программы Ирана. Сейчас же Иран, якобы, готов разрешить представителям МАГАТЭ посетить этот ядерный объект. Об этом сообщало Radio France Internationale со ссылкой на посла Ирана во Франции Али Ахани. Правда, еще 6 марта этого года Иранское информационное агентство (ИРНА) официально сообщало о том, что Иран готов пойти на допуск инспекторов МАГАТЭ в Парчин. Тем не менее, в западных СМИ и в этом, по сути, позитивном решении Тегерана, нашли очередное «персидское лукавство». Associated Press со ссылкой на анонимные источники утверждает, что Тегеран, вероятно, осуществляет в настоящее время работу по устранению следов радиации после испытаний нейтронного детонатора на ядерном объекте Парчин.

Эти обвинения как-то не очень вяжутся с готовностью Ирана предоставить под контроль МАГАТЭ другой важный объект своей ядерной инфраструктуры — завод в Фордо, запуск которого особо волновал противников иранской ядерной программы, прежде всего, Израиль. Кстати, здесь уместно напомнить, что Израиль в отличие от Ирана не подписал Договор о нераспространении ядерного оружия, а потому перед МАГАТЭ не отчитыва-

ется, хотя, по мнению многих экспертов, является обладателем ядерного оружия. В этой связи предложение Ирана «шестерке» о том, что Израиль должен взять на себя те же обязательства перед МАГАТЭ, что и Исламская Республика, с точки зрения международного права представляется вполне логичным. Более того, эта иранская инициатива с позиций мирового сообщества, а не отдельных враждебно настроенных к ИРИ государств, видимо, заслуживает особого внимания и может быть отнесена к конструктивным мерам по обеспечению ядерной безопасности в целом.

Предстоящие венские переговоры в формате МАГАТЭ, разумеется, израильскую ядерную тему затрагивать не будут. Иранскими специалистами на них будут решаться важные технические и юридические вопросы сотрудничества Тегерана с МАГАТЭ. Эти переговоры должны подготовить предметную базу для политических решений в Багдаде. «Главной темой обсуждения на встрече представителей Ирана и МАГАТЭ станет формат будущей возможной договоренности, в рамках которой МАГАТЭ и Исламская республика урегулируют разногласия и снимут те вопросы, которые у Агентства к Ирану остаются», — полагает директор российского Центра энергетике и безопасности Антон Хлопков. Список этих вопросов, которые изложены в предыдущих докладах МАГАТЭ, есть. Речь идет, в том числе и о незадекларированной ядерной деятельности, то есть о работах, которые, по мнению экспертов МАГАТЭ, могут иметь и военное применение.

В заключение хотелось бы разделить оптимизм советника Верховного лидера Ирана Голам Али Хадад Адель, который выражает уверенность относительно положительных итогов предстоящего раунда переговоров с МАГАТЭ в Вене. Противники Ирана в последнее время снизили уровень критики Исламской Республики. Встречи в Вене, а потом и в Багдаде, как ожидают в Тегеране, смогут убедить мировое сообщество в отсутствии стремления у Ирана к обладанию ядерным оружием. Снятие пусть и недоказанных обвинений в адрес Ирана, наконец-то, может создать международную правовую основу для политического решения иранской ядерной проблемы и отмены санкций и других дискриминационных ограничений в отношении Исламской Республики.

При этом не будем забывать, что подход американских властей к переговорам непредсказуем. Многие иранские эксперты считают, что поскольку Белый Дом подвергается давлению со стороны сионистского лобби, внешнеполитический курс США в отношении Ирана стал инструментом для привлечения голосов на предстоящих президентских выборах в Америке. Однако позиция США в «шестерке» — это всего лишь один голос. Россия и Китай в качестве постоянных членов Совета Безопасности и участников этих переговоров имеют свое мнение и, вряд ли, последуют за Вашингтоном. Заместитель секретаря Совета национальной безопасности ИРИ по вопросам внешней политики и международной безопасности Али Багери накануне предстоящих переговоров с МАГАТЭ и встречи «шестерки» в Багдаде провел консультации с главой МИД РФ Сергеем Лавровым и министром иностранных дел Китая Мацзяо Су. Результаты переговоров в Москве и Пекине, как не скрывают в Иране, позволяют надеяться на объективное рассмотрение иранского «ядерного досье».

Николай Евсеенко

Обама — Карзай: стратегический договор от рассвета до заката

Майский визит Б. Обамы в Афганистан, результатом которого стало заключение соглашения о стратегическом партнерстве до 2024 года, уже более чем широко прокомментирован российскими экспертами. Но большинство этих комментариев выдержано в духе столь модной ныне «политкорректности» и, следовательно, не акцентируют внимания на последствиях данного соглашения как для региона, так и для постсоветского пространства Центральной Азии.

Разумеется, полный анализ последствий американо-афганского партнерства для, например, России, никак не вписывается в формат одной статьи, поэтому есть смысл осветить лишь несколько его аспектов, оставляя их подробный разбор «на потом».

И начать следует с констатации очевидного — данное соглашение означает, что Афганистан полностью встраивается в американскую конструкцию Большой Центральной Азии (New Silk Road). Более того — в рамках этого соглашения Афганистан становится инструментом проведения политики США в регионе, рычагом, с помощью которого США и их союзники будут манипулировать региональной стабильностью, регулировать с пользой для себя уровень угроз для приграничных с Афганистаном государств.

Тонкие моменты стратегического партнерства

Как бы ни пытались сторонники Карзая и официальные лица в Вашингтоне говорить о том, что подписание этих соглашений есть свидетельство возросшей самостоятельности Афганистана на международной арене — все обстоит с точностью до наоборот. Эти соглашения — практически калька Гандамакского договора 1879 года, лишившего Афганистан права на проведение самостоятельной внешней политики и ставившего тогдашнего афганского эмира Якуб-хана под контроль британского представителя в Кабуле.

Разумеется, внешне все обстоит более чем благопристойно. Ряд российских комментаторов стараются особо подчеркнуть два положения Соглашения — во-первых, к концу 2014 г. страну должны покинуть все американские солдаты, за исключением инструкторов, призванных помогать

афганской армии, а также «незначительной» группировки спецназа для «контртеррористических операций» против «Аль-Каиды». Во-вторых, выделяется то обстоятельство, что упомянутые инструкторы и спецназовцы, которые останутся в стране после 2014 г., будут размещаться на афганских военных базах. В качестве примера «доброй воли и уважения к суверенитету Афганистана» приводятся закрепленные в Соглашении положения о том, что две наиболее «больные» для администрации Карзая темы — ночные рейды и тюрьма на авиабазе в Баграме передаются под «полный контроль афганской стороны».

Все это — правда, но — далеко не вся правда. Прежде всего, численность инструкторов Соглашением не оговаривается. Кроме того, ни слова не сказано о служащих частных военных компаний и о численности «Корпуса восстановления», под прикрытием которого в случае необходимости можно разместить в Афганистане сколько угодно военнослужащих. Продолжая тему численности инструкторского корпуса не стоит забывать о том, что в него волеются (согласно ранее заключенным соглашениям) еще и британские, и индийские инструктора, что вызывает обоснованные сомнения в искренности заявлений о «незначительных количествах иностранных инструкторов».

С «афганскими военными базами» получается еще более интересно. В соответствии с Соглашением, все активы и имущество, которые находятся в распоряжении американских войск будет оставаться таковым в течение неопределенно длительного периода времени. Таким образом, речь идет лишь о том, что военная инфраструктура, созданная ISAF, передается афганскому правительству во временное пользование, а это, согласитесь, трудно назвать укреплением суверенитета.

Аналогичная история происходит с тюрьмой на Баграмской авиабазе. Дело в том, что уже на протяжении года американская сторона освобождает из этой тюрьмы заключенных, занимающих высокое положение в рядах Талибана и других группировок, в рамках переговоров с афганской вооруженной оппозицией, проходящих в Катаре. Реализацией «программы стратегического освобождения» США преследуют две цели: поддержки в рабочем состоянии каналов связи с вооруженной оппозицией и — укрепление своего влияния в среде исламских экстремистов. Зачем это нужно — чуть позже.

Говоря о «тонкостях» Соглашения комментаторы упускают из виду еще одно его положение, которое начисто перечеркивает разговоры о «возросшей самостоятельности Афганистана» — положение о том, что контроль воздушного пространства страны будут осуществлять американские специалисты и за ними же сохраняется бесконтрольное право осуществлять любые формы воздушного движения по всему Афганистану.

Ну и отдельная тема — финансовая поддержка, которую США и НАТО будут оказывать администрации Карзая и афганским силам национальной безопасности в долгосрочной перспективе. Соглашение предусматривает обязательства США «по поддержке социального и экономического развития Афганистана» на срок 2024 года. Однако, организация такого финансирования не предусматривает конкретных сумм. Предполагается, что каждый год администрация Президента будет запрашивать определенную сумму у Конгресса, а рассчитываться эта сумма будет исходя их конкретных политических реалий Афганистана.

На самом деле подобная схема позволяет США использовать «социально-экономические нужды Афганистана» для финансирования всей внешне-политической деятельности в Центральной Азии, начиная от реализации программы New Silk Road и заканчивая операциями спецслужб. Представители администрации Карзая этого момента не понимают и намекают, что «афганская сторона хотела бы, чтобы США взяли на себя более конкретные обязательства по оказанию финансовой помощи Афганистану». Их проблема заключается в том, что они искренне считают, что Соглашение разработано под нужды Афганистана. На самом деле, это Соглашение имеет совершенно иную цель — закрепление американских позиций в регионе и использование Афганистана в качестве плацдарма для американской экспансии в Центральной Азии.

Против кого партнерствуем?

Вообще, говоря о Соглашении, и Барак Обама, и бывший посол Афганистана в США Тайеб Джавад высказались с потрясающей откровенностью. Экспосол прямо заявил о том, что Соглашение свидетельствует о намерениях Америки остаться в его стране и не удержался от грозного намека: «если у кого-то из соседей есть недобрые намерения (в отношении Афганистана — Н.Е.), они будут знать, что США намерены присутствовать здесь и дальше».

Но Обама высказался еще откровеннее: «Мы не собираемся пытаться построить здесь страну по образу и подобию Америки или искоренить последние остатки Талибана, это потребовало бы намного больше лет, намного больше долларов и намного больше американских жизней. Наша задача — уничтожить «Аль-Каеду», и именно к этому мы и движемся».

Экс-посол прямо заявил о том, что Соглашение свидетельствует о намерениях Америки остаться в его стране

Анализ истории отношений США с «Аль-Каедой» позволяет любому независимому наблюдателю сделать вывод о том, что речь давно уже не идет об уничтожении этой организации, а об установлении над ней, а значит — над суннитским радикализмом, полного контроля и включения ее в инструментарий внешней политики США. И если «ближневосточная Аль-Каеда» уже работает в нужном для Вашингтона ключе, объявив своими основными противниками Тегеран и Дамаск, то с

центральноазиатской, афганской, пакистанской и сяньцзян-уйгурской «Аль-Каедами» все еще зыбко и полного контроля достичь не удалось. А между тем, без подчинения себе экстремистов в этих регионах, дальнейшее продвижение США в регион будет затруднено и стратегические цели, шагом к достижению которых является американо-афганское соглашение, останутся нереализованными.

Сводить Соглашение к «урегулированию афганского вопроса» — значит, проявлять близорукость. Соглашение это не является сугубо двусторонним, а несет значительные вызовы другим странам региона. Первыми его последствия ощутят на себе постсоветские государства Центральной Азии, Россия, Пакистан и Иран. А следующим на очереди будет Китай.

Данное утверждение не несет в себе ни грана алармизма. Констатация факта, не более того. Оставив в стороне «китайскую» и «пакистанскую» проблематику, следует несколько подробнее остановиться на вызовах, которые несет Соглашение для Ирана и России.

Разговоры о том, что за время пребывания натовских войск в Афганистане, производство героина там выросло в несколько десятков раз, что сейчас там производится 90% потребляемых в мире опия — давно уже стали общим местом, шикарнейшей темой для журнальных статей, детективных романов и киносценариев. Но за этим информационным мусором легко забывается суть проблемы. В действительности речь идет о новой опиумной войне, которую ведут Соединенные Штаты против остального мира. Афганский опиум стал элементом внешнеполитической стратегии США, более того — он стал инструментом экономики. Это отдельная и огромная тема, поэтому ограничусь цитатой из подлинного документа — отчета влиятельного аналитического Центра США — СИС (Committee on Institutional Cooperation), посвященного стратегии в отношении использования афганского опия: «Опять же, есть возможность направить действия по борьбе с незаконным оборотом наркотиков конкретно против повстанчества путем выборочного осуществления мер, которое фактически не затрагивает коррумпированных властей и лиц, связанных с незаконным оборотом наркотиков и поддерживающим правительство».

Это, по сути, как раз именно то, что представляет собой политика США в отношении оборота наркотиков в Афганистане — обеспечении обогащения от оборота наркотиков нынешней афганской администрации. Стоит ли удивляться тому, что выращивание опиумного мака и экстрагирование опия-сырца происходит сегодня на всей территории Афганистана, а в провинциях Нангархар, Хост, Пактия, Гильменд, Кунар, Балх, городах Кундуз и Файзабад создан замкнутый промышленный цикл, включающий в себя выращивание опиумного мака, экстрагирование опия-сырца, его переработку в морфий, основание героина и далее в конечный продукт — героин гидрохлорид его складирование и крупнооптовую реализацию на героиновых рынках пакистанского Читраля и афганского Кандагара. Кстати, в том же Кандагаре вполне официально развернута полноценная банковская сеть кредитования под будущие урожаи опиумного мака. А до июля 2011 всем в Кандагаре заправлял глава местного провинциального совета — Ахмад Вали Карзай, сводный брат нынешнего афганского президента.

Но это — частности. Более интересно другое. Большая часть прибыли, получаемой через оборот наркотиков, проходит через американские банки. И из этих средств США частично компенсируют свои расходы на ведение операций в Афганистане и на осуществление экспансии в регионе.

Не вызывает сомнений и другое обстоятельство. По итогам реализации Соглашения произойдет активизация террористического подполья на территории Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Только малосведующие люди могут говорить о том, что это подполье «исламистское». На самом деле ядро этого подполья составляют люди, тесно связанные с резидентурами американских и английских спецслужб, работающих на территории Афганистана. Кстати, в этой связи хотел бы заметить, что разговоры о массовой поддержке населением центральноазиатских республик этого подполья, основанные на том, что якобы у афганских узбеков и таджиков

общие интересы и общие устремления с их «братьями» по ту сторону границы — это не более чем широко распространенное заблуждение, миф, который искусственно подпитывается извне. Да, они говорят про общую историю и язык, но их интересы и геополитическая ориентация расходятся все дальше. Население Таджикистана тяготеет к России, стремится попасть в интеграционное поле, а помыслы афганских таджиков все больше устремляются на Запад, откуда сейчас идет поток материальной помощи.

В отношении Ирана негативные последствия Соглашения более чем очевидны. Во-первых, используя свое эксклюзивное положение в отношении воздушного пространства, США будут совершенно спокойно и вполне «легитимно» использовать данное обстоятельство для ведения авиа- и радиоэлектронной разведки против Ирана. А во-вторых, поток помощи террористам белуджистанской «Джундаллы» будет увеличен в рамках программ финансирования и поддержки антиправительственных групп на территории Ирана.

Но главное пожалуй в том, что Соглашение как часть программы New Silk Road наносит удар по идее евразийской интеграции в рамках Таможенного Союза и Единого экономического пространства и по планам создания к 1 января 2015 Евразийского экономического союза. Фактически, и Соглашение, и New Silk Road — это эпизоды новой «Большой Игры», борьбы за Центральную Азию, в которой места России уже не будет, а постсоветские республики полностью перейдут в орбиту внешней политики США.

Геннадий Литвинцев

Русский язык до дружбы с Ираном доведет

Странные дела происходят порою в окружающем мире. Судите сами, говоря о необходимости создания Евразийского Союза, Единого экономического пространства — лидеры центральноазиатских государств ни слова не говорят о необходимости углубленного изучения русского языка. Доходит до смешного — ряд политиков в Кыргызстане и Таджикистане выступают с предложениями, чтобы изучение русского языка в этих государствах финансировала... Россия. По принципу — знание языка «нашими трудовыми мигрантами — ваша, дорогие россияне проблема». Говорить о других постсоветских государствах и не приходится, там только заикнись о русском языке — и тут же попадешь в категорию «пособников имперской России и клятых врагов независимой республики». И в это время, на этом фоне — в иранских школах вводится изучение русского языка.

По распоряжению главы образовательного ведомства Ирана Мехди Навида в качестве обязательного второго иностранного языка (после английского) детям с 6-го класса предложат на выбор изучать русский, немецкий, итальянский, испанский или французский. При этом, по мнению многих экспертов, русский скорее всего станет в этой пятерке лидером по популярности.

О причинах предпочтения, думаю, много говорить не стоит. Наши страны соседствуют и связаны многовековыми традициями отношений, разносторонним сотрудничеством в политической, экономической и культурной сферах. По словам главы МИД Ирана Али-Акбара Салехи (сказанным, правда, по другому поводу), «русский язык входит в число шести языков международного общения, и необходимо осознать, что люди, говорящие на этом языке, занимают особое место в мире благодаря своим способностям в научной, промышленной, культурной областях и геополитическим успехам».

Ничто так не сближает народы, как знание языков и культуры друг друга. Но и учить иностранный язык, хотя бы и самый «великий и могучий», никто не станет, во всяком случае в массовом порядке, без видимой перспективы его применения с пользой для себя. Думаю, что включение русского языка в школьную программу — дружеский и одновременно прагматичный

шаг Ирана в сторону России, напрямую связанный с реализацией крупных двухсторонних проектов. Прошедшая недавно в Иране конференция по российско-иранскому сотрудничеству показала оживление интереса двух стран друг к другу. Известно, что некоторое похолодание наших отношений в последние годы, приостановка совместных планов больно ударили и по России и по Ирану. Из-за западного давления российский «Газпром» вынужден был уйти с прибыльных и перспективных месторождений иранских энергетических ресурсов. Потери российских компаний только от заморозки оружейных контрактов с Ираном достигают, по некоторым оценкам, миллиард долларов в год. Известные политические перемены в России, вступление в должность президента РФ Владимира Путина порождают надежды на положительные сдвиги в российско-иранских отношениях, на решительное исправление допущенных ошибок и недоработок.

При этом экономическое сотрудничество давно уже пора дополнять гуманитарными связями, взаимодействием в социальной сфере, научным и культурным обменом. Здесь опыта нашим странам явно не хватает. Введение русского языка в иранских школах становится первым по-настоящему размашистым шагом в этом направлении. Тем самым Иран демонстрирует позитивный подход к развитию дружеских отношений с нашей страной, показывает их долгосрочный характер. Мы в России должны заметить и оценить этот знаменательный жест, и ответить соответствующим образом. Для начала наша страна должна помочь наладить обучение иранских школьников и студентов русскому языку, подготовить необходимые кадры преподавателей. Возможно, с преподавания русского языка в иранских школах начнется новая российская геополитика. Иран ощутит дружеское участие России, а мы — поддержку интересов своей страны Ираном на Ближнем и Среднем Востоке.

У нас есть определенные заделы и традиции. Еще в 2009 году в Москве был представлен учебник грамматики русского языка, разработанный специально для говорящих на фарси студентов и школьников российскими и иранскими лингвистами. «Это первый учебник по русской грамматике для говорящих на фарси, полностью учитывающий культурные особенности Ирана и сделанный на современном языковом материале, — говорила, представляя учебник, один из его авторов профессор кафедры русского языка МГУ Марина Сидорова. — Учебник полностью выверен для использования в странах ислама. В примерах парень и девушка, только что познакомившись, не идут целоваться на дискотеку. Пособие вычитано с точки зрения соблюдения деликатных моральных норм, студентов в нем ничего не будет смущать».

Пособие, разработанное Сидоровой совместно с доцентом кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Тегеранского университета Сейедом Хасаном Захраи, издано одним из крупнейших иранских издательств. Это первый случай издания учебника русского языка в Иране. В книге используются не только российские реалии, но и иранские: например, рядом с русским Новым годом соседствует Новруз. В тексте использованы впечатления российских путешественников от пребывания в Иране. «Мы рассчитываем, что не только в Иране, но и в Узбекистане, Таджикистане, Азербайджане, где часть населения говорит на фарси, будут использовать этот учебник», — добавила Сидорова. Вышедший в 2009 году учебник — первый из серии, в рамках которой предполагается издать восемь учебных пособий по русскому языку.

Преподавание персидского языка в ряде специализированных средних школ Москвы организовано стараниями Культурного представительства Исламской Республики Иран. Здесь школьники имеют возможность посещать факультативные занятия по освоению языка Фирдууси и Саади.

Широкое взаимодействие, массовый контакт носителей богатейших культур России и Ирана не может не обогатить духовный мир народов двух стран, не сказаться положительно на расцвете искусств. Иранский писатель и переводчик Керим Кешаварз утверждает, что образованные люди его страны, читая рассказы Антона Чехова, настолько поражаются близостью нарисованных им картин персидской народной жизни, что в восхищении повторяют народную поговорку: «Дорогой, да ты говоришь на нашем языке!».

Уместно вспомнить, что просвещенные персы еще в XIX веке были знакомы с русской классикой в оригинале и в переводах на западно-европейские и восточные языки. Первые переводы произведений русской литературы на персидский язык появились в Иране в самом начале XX века. Это были «Горе от ума» А. С. Грибоедова, рассказы Л. Н. Толстого и А. М. Горького. Русские переводные произведения становились частью национальной литературы, способствовали ее обогащению и развитию. В начале XX века расширились многосторонние связи Ирана и России. В это время в Иране в городе Тебериз открылась русская школа, где преподавали русский язык. Общеизвестно, что первые переводы произведений Л. Н. Толстого в Иране — легенды «Ассирийский царь Ассархадон» и рассказа «Чем люди живы» — были сделаны именно преподавателями этой школы в 1906 году. Однако настоящее развитие перевод произведений русских писателей в Иране получил в 40-х и 50-х годах XX века. Именно в эти годы на персидском языке появились произведения многих русских и советских писателей. В настоящее время в Иране работает целая группа переводчиков с русского языка — Казем Ансари, Керим Кешаварз и Сурош Хабиби. В последние годы переводчики очень активно начали заново переводить шедевры русских писателей на персидский язык с русского. Например, только за последние два десятилетия произведения Л. Н. Толстого выдержали в Иране около ста изданий. Однако современные русские писатели, по словам профессора Тегеранского университета Дж. Карими-Мотахар, переводятся еще в недостаточном объеме. Конечно, переведены многие произведения таких русских писателей XX века, как М. Шолохов, В. Набоков, А. Солженицын, И. Бунин, А. Ахматова, М. Цветаева, о некоторых написаны монографии и критические исследования. Однако, по мнению профессора, этого недостаточно для того, чтобы дать по-настоящему полное представление персидским читателям о русской литературе XX века.

Думаю, то же самое можно сказать и о переводах персидской литературы на русский язык. Если поэзия великих персидских классиков Фирдууси, Рудаки, Хайяма, Саади, Хафиза, Джами в переводах А. Фета, В. Брюсова, М. Кузьмина, И. Сельвинского, В. Державина, Д. Самойлова пользуется широким признанием и любовью в нашей стране, то современная иранская литература русскому читателю, мягко говоря, известна гораздо меньше. И дело, как я понимаю, не за переводчиками — они-то, пожалуй, и сейчас найдутся. Дело за читателями, за воспитанием в молодых поколениях интереса к жизни и культуре соседней страны.

Александр Николаев

ШОС — это по нашему!

Официальные заявления об итогах совещания глав Министерств иностранных дел стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества в Пекине были полны благостных заявлений об «очередных серьезных шагах вперед», «традиционной обстановке дружбы и взаимопонимания» и прочей комплиментарности. Министру иностранных дел РФ С. Лаврову и его коллегам из Казахстана, КНР, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана удалось согласовать повестку предстоящего саммита глав государств-членов ШОС в Пекине 6–7 июня, что подается как большой успех. Но на самом деле, достигнутые на совещании договоренности уже в краткосрочной перспективе приведут к кризису внутри ШОС. И без того достаточно невнятная организация рискует погрязнуть в двусторонних противоречиях стран-участниц.

В определенной мере, ШОС в своем нынешнем состоянии представляет собою слепок с российской внешней политики последних лет: оторванной от реальной международной ситуации, не способной адекватно оценить собственные возможности, не имеющей ясных приоритетов и целей, более имитирующей деятельность, чем реально принимающей участие в решении международных проблем, реактивной и страдающей от чувства собственного величия.

Основная проблема ШОС заключалась в том, что три государства, составляющих костяк и ядро этой организации — РФ, КНР и Казахстан, в период ее создания в 2001 году имели совершенно разные цели. Для Китая это была возможность создания «организации прикрытия» для своей экономической экспансии в Центральную Азию и формирования буферной зоны, огораживающей его от американского проникновения в регион.

«Многовекторный» Казахстан, устав от бесплодных попыток договориться с ельцинской Россией об интеграции «евразийского пространства» воспринимал ШОС как возможность интеграции Центральной Азии с собой во главе.

Что касается России, то ее активность в создании Организации была продиктована стремлением получить дополнительные козыри в диалоге с Западом,

стремлением убедить его, что в Центральной Азии влияние России не ослабло, что она по-прежнему способна влиять на ситуацию в регионе. А следовательно — должна восприниматься этим самым Западом не тем, что она есть на самом деле, а как равноправный партнер.

Скучные, но показательные цифры

За истекшие с момента создания ШОС 11 лет сближения целевых установок этих стран не произошло. Секретариат Организации может сколько угодно писать в своих документах о том, что ШОС «занимает видное место в мировой архитектуре международных отношений», что она «превратилась в крупную международную организацию, способную решать как проблемы безопасности, так и вопросы экономического и гуманитарного сотрудничества» — все это лишь попытка выдать желаемое за действительное. За те же 11 лет нет ни одного сколько-нибудь значимого примера, когда позиция или действия ШОС действительно оказали бы влияние на международную политику или процессы в регионе.

Более того, центробежные тенденции в ШОС продолжают нарастать. И хотя об этом не принято говорить, но объективная реальность, статистика и реалии внешнеэкономических связей представляют для России картину совершенно не внушающую оптимизма. Только в отношениях с Китаем динамика внешнеторгового оборота выглядит достаточно впечатляющей (если, конечно, закрыть глаза на его структуру). За 2011 год произошло увеличение товарооборота с Казахстаном на 30,6% и с Узбекистаном на 15,1%. Радоваться этому обстоятельству можно только в том случае, если не знать, что за аналогичный период товарооборот Казахстана с ЕС увеличился на 32%, а Узбекистана — на 20%.

Еще более печально выглядит статистика по Кыргызстану и Таджикистану. Экспортные поставки Бишкека в 2011 году в Швейцарию возросли в 3,4 раза, в Узбекистан — в 3 раза, в Казахстан — в 1,6 раза, в Россию — аж на 9,9%. В 2011 г. объем взаимной торговли России и Таджикистана снизился по сравнению с аналогичным периодом 2010 года на 8,6% и составил 810,4 млн долларов США, российский экспорт вырос на 7,0% (720,4 млн долларов США), а импорт из Таджикистана снизился на 57,9% (90,0 млн долларов США).

Но и на этом проблемы укрепления экономических связей России внутри ШОС не исчерпываются. Происходит сокращение доли военно-технического сотрудничества России со странами-участницами Организации. В это связи более чем показателен пример Казахстана. Заместитель министра обороны Казахстана Талгат Жанжуменов, недавно заявил, что оборонные закупки должны носить «многовекторный характер...Мы покупаем технику не только у Москвы, мы покупаем все лучшее». Как следствие — государственный концерн «Укроборонпром» объявил о заключении соглашения о производстве в Казахстане бронетранспортеров БТР-4. Южнокорейская судостроительная компания STX объявила о намерении построить верфь на Каспии, на которой можно будет строить корабли водоизмещением свыше тысячи тонн. Турецкая фирма Aselsan строит в Астане предприятие по производству приборов ночного видения. Компания Eurosorter почти завершила строительство предприятия в рамках соглашения о поставке 45 вертолетов ЕС145

для Казахстана. Церемония открытия, кстати, состоится 6 июля — в день рождения президента Нурсултана Назарбаева. И, кроме того, Казахстан ведет переговоры с двумя израильскими компаниями IAI и Elbit о налаживании в Казахстане производства беспилотных летательных аппаратов. Примерно такая же ситуация по ВТС с РФ складывается и у других участников ШОС.

Из этого следует, что Россия за последние годы не только не укрепила своего положения в Центральной Азии, но и стремительно утрачивает лидирующие позиции в ШОС. Ну а сами страны-участники Организации все решительно отказываются от пророссийской ориентации во внешней политике и все больше стараются реализовать собственные цели. Показательно в этой связи мнение президента Китайского института международных исследований Цюй Сина, что «уже сейчас в ШОС существует ряд проблем, которые пока не нашли практического решения». Накопление нерешенных проблем — прямой путь к недееспособности ШОС. Но, такое впечатление, российская дипломатия стремится не к разрешению уже накопившихся проблем, а смело идет по пути их увеличения.

В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань?

Должен заметить, что иностранные аналитики более адекватны и объективны в оценке ШОС и складывающейся внутри этой Организации ситуации. Представитель института стратегических исследований Монголии Нямжав Соергэрэл на VII форуме ШОС совершенно справедливо заметила, что «расширение Шанхайской организации сотрудничества может привести к ослаблению организации, организация не может нарастить мощь только за счет увеличения количества ее членов. Напротив, она может утратить свою силу в том случае, если в ряды ее участников войдут конфликтующие между собой страны. Очень важно иметь в составе те государства, между которыми не возникают конфликты. Иначе это станет препятствием для механизма работы ШОС». Но не умея дать качество, российская дипломатия предпочитает работать на количество. В 2007 году в Бишкеке в состав организации в качестве наблюдателей вошли Иран, Пакистан и Индия. В 2009 году на встрече в Екатеринбурге (РФ) главы государств ШОС приняли решение о предоставлении статуса партнера по диалогу ШОС Шри-Ланке и Республике Беларусь. Каким образом предполагалось урегулирование острых спорных вопросов между Китаем и Индией, Индией и Пакистаном — тайна великая есть. Как показали последующие события — никакое урегулирование не предполагалось, а решать свои проблемы страны должны были в формате двустороннего диалога.

Но и этого показалось мало. На состоявшемся 11–12 мая саммите глав МИД было принято решение о предоставлении статуса наблюдателя при ШОС Афганистану и статуса партнера ШОС по диалогу Турции. Кроме того, в выступлении Сергея Лаврова содержался намек на решение вопроса о полноправном членстве в Организации Индии и Пакистана: «Наверное, настало время по-новому взглянуть на этот вопрос. Долго держать его в подвешенном состоянии контрпродуктивно. Считаем важным подготовить решение глав государств ускорить согласование универсальных финансовых, юридических и административных условий для приема новых членов, обозначив конкретные сроки исполнения этого поручения».

Складывается впечатление, что под ШОС закладываются мины замедленного действия, а российская сторона, при молчаливом одобрении Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, ведет дело к тому, чтобы ШОС превратился еще в одну аффилированную с США международную организацию.

Судите сами. Дрейф Индии в сторону США является свершившимся фактом и не замечают его только «профессионалы со Смоленской площади». Этот дрейф объективно обусловлен тем, что Россия сегодня ничего Индии дать не может. Ни в экономическом, ни в военно-техническом, ни в политическом плане. Времена, когда Россия могла выступить арбитром в противостоянии Индия-Китай ушли в прошлое. Сегодня РФ стремительно теряет свои позиции даже на традиционном для нее рынке вооружений Индии. Проамериканская ориентация Дели — объективный и неизбежный процесс, а разговоры о БРИКС как новом «центре силы» давайте оставим геополитическим мечтателям, на которых столь богата Москва.

Столь же объективной реальностью является прокитайская ориентация Пакистана. И лихорадочные попытки США исправить отношения с этой страной вызваны именно тем, что Китай приходит туда «всерьез и надолго». Другое дело, что свой «вход» в Пакистан Китай осуществляет в лучших традициях стратагем Лао-Цзы, на «бархатных лапках», но историки советско-афганской войны отлично знают о том, что проникновение Китая началось в Пакистан именно тогда, и все эти годы Китай только наращивал свое присутствие.

Убежденность, что грядущее предоставление Кабулу статуса наблюдателя позволит ШОС в дальнейшем «выступать с согласованной позицией по афганской проблеме и закрепить за собой если не главную, то весьма значительную роль в регионе» является откровенной маниловщиной. Соглашения Афганистана о стратегическом партнерстве с США, Великобританией и Индией — это свершившийся факт, и по крайней мере в ближайшей время руководство Афганистана будет строить свою политику в соответствии с этими соглашениями. У России и ШОС в целом просто не хватит денег для того, чтобы «перешибить» американское влияние в этой стране.

Ну а предоставление Турции статуса «партнера по диалогу» вообще лежит за гранью логики. Это секретариат ШОС может убаюкивать себя и российских налогоплательщиков рассказом о том, что «интерес турецких властей к этой региональной организации свидетельствует о расширении круга мировых держав, признающих ее в качестве серьезного игрока». Все эти годы ШОС демонстративно дистанцировалась от членов Североатлантического альянса — и вдруг этакий кульбит. В реальности же вступлением (даже со всеми ограничениями статуса «партнера») в ШОС Турция решает сразу две задачи: первую, тактическую — внедрение наблюдателя от НАТО в эту организацию. Вторую, стратегическую — создание собственной лоббистской площадки для реализации интересов Турции в Центральной Азии, продвижение идей тюркского единства под эгидой Анкары.

Иран и алогичность

Вообще, алогичность (если не сказать резче) заявлений российского МИДа по поводу ШОС порою просто ставит в тупик. Например, с подачи России в

проект декларации, которую предстоит принять в июне, внесена следующая фраза: «одностороннее и ничем не ограниченное наращивание ПРО одним государством или группой государств способно нанести ущерб международной безопасности и стратегической стабильности». Как совместить эту фразу с позицией ШОС по той же Турцией, которая дала согласие на размещение у себя элементов ПРО?

Ну а тезис о том, что ШОС будет «противодействовать использованию информационно-коммуникационных технологий в целях подрыва политической, экономической и общественной безопасности государств-членов, пресекать пропаганду идей терроризма, экстремизма и сепаратизма с использованием интернета» вызывает искренний смех. Подозреваю, что чиновники, готовившие эту фразу, просто не в курсе о том, сколько пользователей Интернета находится на территории Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. А вероятнее всего — они просто до сих пор не разобрались, что термины «facebook» и «twitter»-революции используются рядом специалистов в качестве дымовой завесы, своеобразной страшилки, не имеющей под собой реального содержания. Перефразируя Марка Твена — «слухи о влиянии социальных сетей на массовые выступления сильно преувеличены».

Впрочем, этот смех только усиливается после ознакомления с инструментарием, которым ШОС намерено отстаивать интересы своих членов: «Предусматриваются такие меры, как заявления генерального секретаря; созыв внеочередного заседания совета министров или секретарей совбезов ШОС; направление миссий ШОС для ознакомления с обстановкой на месте»...

Но пиком алогичности явилась позиция ряда стран-участниц ШОС по Ирану. Пытаясь позиционировать себя на международной арене как некую силу, альтернативную Североатлантическому Альянсу, главы МИД РФ и Казахстана неоднократно подчеркивали необходимость решения вопроса по «иранскому ядерному досье» исключительно дипломатическими методами, отвергали силовое давление и односторонние санкции третьих стран. Более того, делая многозначительные лица, некоторые российские представители намекали о некоей «антиамериканской направленности» ШОС, ее потенциале как «нового полюса». «Надувание щек» закончилось в аккурат в момент, когда потребовалось принимать решение, способное осложнить отношения ШОС с Западом. «Поскольку Иран находится под санкциями Совбеза ООН, принять его по международному праву в постоянные члены ШОС не представляется возможным. Нужно менять устав, все базовые документы».

Ситуация с Ираном — это своеобразный индикатор того, чем на самом деле является ШОС. На сегодняшний день это совершенно декоративная организация, которая в среднесрочной перспективе может распасться из-за внутренних противоречий. На сегодняшний день нет никаких предпосылок к тому, чтобы ШОС стала альтернативной Западу силой. Такой грустный вывод — эта и есть объективная реальность, серьезно отличающаяся от красивой картинки, которую нам пытаются нарисовать чиновники от дипломатии.

Станислав Иванов

Ситуация в Ираке и перспективы отделения Иракского Курдистана

Еще накануне завершения вывода войск США из Ирака в декабре 2011 года курды выступили с идеей проведения национальной конференции с участием всех политических сил страны, чтобы решить назревшие к тому времени внутрииракские проблемы. Становилось все более очевидным, что,

получивший не без помощи курдов и американской администрации повторно портфель премьер-министра Нури аль-Малики, всячески затягивает выполнение своих предвыборных обещаний не только курдам, но и другим политическим силам страны. Более того, своими действиями или бездействием он создает реальную угрозу нового обострения внутривнутриполитической обстановки в Ираке.

Ряд провинций (Басра, Дьялла, Салахеддин) в соответствии с положениями новой конституции потребовали более широкой автономии, страну захлестнула волна задержаний предполагаемых баасистов, был выдан ордер на арест вице-президента Ирака Тарика аль-Хашеми, имела место попытка сместить с поста вице-премьера Салеха аль-Мутлака. Несмотря на то, что объемы добываемой нефти превысили довоенный уровень, социально-экономическое положение страны коренным образом не улучшилось, население даже крупных городов испытывало перебои с подачей электроэнергии и воды, масштабы коррупции госаппарата увеличились в разы, напряженность в этно-конфессиональных отношениях сохранилась, продолжались вылазки боевиков и теракты. Особенно неблагоприятным оставалось положение в центральных и южных районах Ирака.

В этих условиях лидер победившего на парламентских выборах альянса «Иракийя» А.Аллави заявил, что не будет участвовать в заседаниях подготовительного комитета упомянутой выше конференции, пока действующий кабинет министров не выполнит основные требования, так называемых, Эрбильских соглашений. Глава Курдистанского региона Масуд Барзани, в свою очередь, выразил сомнение в целесообразности дальнейших усилий по созыву национальной конференции, обвинил премьер-министра Н.аль-Малики в авторитаризме, в том, что он ведет страну в тупик и не исключил, что на предстоящих в сентябре текущего года провинциальных выборах в регионе может одновременно пройти референдум о формах дальнейшего взаимодействия между Эрбилем и Багдадом, что предполагает провозглашение независимости Иракского Курдистана. Следует заметить, что на июнь 2012 года в Эрбиле намечено проведение общенационального форума лиде-

ров и представителей национально-освободительного движения курдского народа. Как ожидается, главным пунктом повестки дня может стать вопрос о провозглашении независимости Южного Курдистана и всеобщих мерах по содействию и поддержке данного исторического процесса. Не менее важной темой будет вопрос о положении курдов в Турции, Иране и Сирии и перспективах их борьбы за свои национальные права и свободы.

Насколько реален сценарий создания независимого Иракского Курдистана, каковы позиции и возможная реакция других заинтересованных государств по этому вопросу?

Как известно, иракские курды в тесном взаимодействии с войсками иностранной коалиции приняли самое активное участие в свержении режима Саддама Хусейна и строительстве нового демократического федеративного государства. Включающий в себя три северные провинции Ирака Курдистанский регион стал субъектом федерации с самыми широкими правами. Уже сегодня Иракский Курдистан обладает многими атрибутами государства (флаг, гимн, законодательная, исполнительная, судебная власти, конституция, региональный свод законов, спецслужбы, вооруженные силы (бригады «пешмерга»), внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность и т. п.). В столице региона — Эрбиле и других крупных курдских городах аккредитовано уже несколько десятков иностранных дипломатических и торговых представительств, курдский язык признан вторым государственным языком в стране, регион получает пропорционально своей численности 17 % от поступлений в госбюджет за счет продажи нефти. Весьма солидно курды представлены и в Багдаде (президент Ирака — курд Джаляль Талабани, они занимают 6 постов федеральных министров, включая пост министра иностранных дел, другие важные должности в правительстве и силовых структурах, в парламенте имеют фракцию свыше 50 депутатов). В период затянувшегося на многие месяцы внутривнутриполитического кризиса в стране после парламентских выборов марта 2010 года именно курды смогли выступить посредниками между ведущими избирательными блоками арабов А.Алави и Н.аль-Малики и добиться компромиссного варианта формирования новых органов власти. 17 апреля 2012 г. в интервью телекомпании «Аль-Джазира» Дж.Талабани заявил, что в интересах курдов оставаться в едином демократическом Ираке и решать возникающие внутривнутриполитические проблемы конституционным путем.

До последнего момента курды надеялись, что новое правительство и парламент помогут решить жизненно важные для них задачи, а именно: реализовать положения статьи 140 конституции о проведении референдума по административной принадлежности города Киркук с прилегающими нефтеносными районами, принять новый закон об углеводородах, разрешающий им распоряжаться своими природными ресурсами, включить бригады «пешмерга» в регулярные вооруженные силы государства. Однако ожидания курдских лидеров не оправдались. Никаких шагов им навстречу со стороны центрального правительства не последовало. Более того, из Багдада начали раздаваться требования об аннулировании уже подписанных региональным правительством с иностранными компаниями контрактов на разведку и добычу нефти и природного газа, о передаче центральным властям тяжелых вооружений (танков, артиллерии, самолетов), доставшихся курдам после разгрома армии С.Хусейна. Одновременно аль-Малики заключил много-

миллиардные контракты с США на поставку 36 современных боевых самолетов F-16, вертолетов, другой боевой техники и вооружений. Поскольку внешних врагов у современного Ирака нет, то курды вполне резонно заподозрили федеральные власти в попытках, тем самым, нарушить сложившийся баланс внутривнутриполитических сил.

Таким образом, включение в повестку дня курдских лидеров вопроса о провозглашении независимости Иракского Курдистана становится как бы закономерным шагом и вытекает из реально складывающейся в стране ситуации. И, если при всем широком спектре самих курдских партий и движений, результат возможного референдума по независимости региона довольно предсказуем (подавляющее большинство иракских курдов за осуществление своей вековой мечты — независимое существование), то извне сторонников этой идеи практически нет.

США хотя и вывели свои войска из Ирака, но продолжают с помощью дипломатических, политических, финансово-экономических, военно-технических и других рычагов оказывать значительное влияние на Багдад и Эрбиль. В ходе недавнего визита президента Курдистанского региона Ирака М. Барзани в США Б. Обама подтвердил заинтересованность в сохранении единого Ирака, пообещав курдам снять некоторые препятствия в налаживании прямых связей и контактов между Вашингтоном и Эрбилем и содействовать в сглаживании противоречий на линии Багдад — Эрбиль. Якобы, США все же перевооружают Ирак для защиты от внешнего врага, а не для подавления курдов.

Как и ожидалось, уход американских войск из Ирака усилил здесь влияние региональных держав, в первую очередь, Турции и Ирана. Турция ведет весьма сложную игру, стремясь параллельно развивать отношения с центральным правительством Ирака и Курдистанским регионом. По принципиальным вопросам (вопросы безопасности, транспортировка иракской нефти, таможенные и пограничные вопросы) Анкара действует с оглядкой на Багдад. Что касается приграничной торговли, экономических и культурных связей с Иракским Курдистаном, то здесь Турция действует без ограничений и весьма активно, налажены турецко-курдские связи и контакты практически во всех сферах и на всех уровнях, включая взаимодействие по предотвращению терактов и попыток Рабочей партии Курдистана использовать иракскую территорию для подготовки операций против турецких властей и правительственных войск.

Иран стремится также развивать свои отношения и с Багдадом и с Эрбилем, но приоритет при этом отдается центральному правительству, что в какой-то мере объясняется тем, что более близкое Тегерану арабо-шиитское большинство занимает ключевые посты в руководстве Ираком. И хотя иракские шииты сегодня раздроблены и далеко не все ориентированы на Иран, но все же, в перспективе, как полагают духовные лидеры Ирана, шиитская молодежь должна играть ключевую роль в будущем Ираке. Создание независимого курдского государства на севере Ирака не отвечает национальным интересам Ирана по ряду причин. Во-первых, распад Ирака на несколько частей объективно ослабляет все его регионы, в том числе и близкие Ирану, южные шиитские провинции. Во-вторых, тем самым, создаются предпосылки для нового вмешательства в дела региона внешних сил (США, Израиль, НАТО, Турция и т. п.) и арабо-суннитского альянса под эгидой Саудовской

Виктор Надеин-Раевский

Внутриполитическая обстановка в Иране — апрель 2012

Внутриполитическая обстановка в Иране после предвыборных страстей разрядилась и народ встретил иранский новый год, который растягивается в стране практически на целый месяц. Праздничное настроение иранцев не смогли поколебать ни угрозы израильской атаки на ядерные объекты Ирана, ни ужесточение санкций против Исламской Республики.

Собственно израильские угрозы раздаются уже не первый год и к ним, похоже, население давно привыкло, оставив заботу о безопасности страны «силовикам». Однако, несмотря на некоторое охлаждение внутриполитических страстей, в апреле все-таки проходили горячие политические дебаты, по крайней мере, в иранском меджлисе.

На сей раз всплеск дебатов в парламенте состоялся вокруг экологических проблем страны. В последние годы в стране широко обсуждались масштабные ирригационные проекты. Наконец, наступил «момент истины» — правительство решило приступить к их реализации некоторых из них. В апреле 2012 года об этом объявил президент Ирана Махмуд Ахмадинежад.

Решением правительства было решено начать воплощение в жизнь проекта по обеспечению пустынных регионов страны водой из Каспийского моря для сельскохозяйственных и промышленных нужд. Как заявил министр энергетики Ирана Маджид Намджу, первый этап проекта предполагает создание водоопреснительной станции и прокладку трубопровода протяженностью 150 километров до города Семнан, население которого достигает 200 тысяч жителей. Мощность станции составит 200 миллионов кубометров воды в год, или 548 миллионов литров в день¹.

Казалось бы масштабный и важный проект должен был получить всеобщую поддержку, однако все оказалось не так просто. Намерение властей направить каспийскую воду в пустынные районы страны вызвало протесты депутатов из северо-западных провинций страны, которые сразу напомнили о проблемах вокруг озера Урумия, расположенного на границе двух иранских провинций — Восточный и Западный Азербайджан. Высыхающее озеро Урумия и солевые отложения, разносимые ветром, ухудшают экологическую обстановку в регионе и фактически делают невозможной

¹ Иран реализуют проект по обеспечению городов в пустыне водой из Каспия http://www.iran.ru/rus/print_news.php?news_id=79861

сельскохозяйственную деятельность. Депутаты от региона возмутились намерением направить воду в пустынные районы вместо спасения озера Урумия, а член парламента Салман Закер заявил, что «озеро Урумия — сердце Азербайджана». По стойкому убеждению депутата, высыхание озера будет иметь опасные последствия и, обращаясь к правительству, депутат потребовал ответить «на крики великого народа Азербайджана»². Таким образом, чисто экологическая проблема трансформировалась в национальную, что в последнее время происходит и в стенах парламента, и на площадях некоторых иранских городов.

Собственно масштабы проекта таковы, что при его реализации следует учитывать и немаловажный международный аспект. Так, руководитель Центра общественных связей Росрыболовства Российской Федерации Александр Савельев отметил, что намерение Ирана осуществить проект по ежегодной откачке из Каспийского моря до 200 млн кубометров воды и использовать ее после опреснения в ирригационных целях, безусловно, скажется на экосистеме Каспия. Александр Савельев напомнил, что уровень Каспийского моря за последние годы падает, а влияние такого огромного отбора воды из Каспия на воднобиологические ресурсы моря, требует серьезного изучения³.

Естественно, что следует ожидать реакции и со стороны других прикаспийских государств, и вряд ли эта реакция будет позитивной. Однако к международной критике добавляются и критические высказывания в адрес проекта и в самом Иране. Проект критикуют, прежде

всего, за его недостаточное научное обоснование⁴ и высокую стоимость. Таким образом, новая инициатива иранского правительства с неизбежностью вызовет протесты и у соседей Исламской Республики и создаст юридические проблемы в отношениях с другими прикаспийскими государствами, не говоря уже о настроениях среди населения северо-западных регионов страны.

Весной 2012 года кроме реальных экологических проблем иранская экономика столкнулась с уже знакомой для Исламской республики виртуальной проблемой — атаками в киберпространстве.

На сей раз команды хакеров нанесли удар по объектам нефтяной промышленности Ирана. В сетях министерства нефтяной промышленности и предприятий отрасли появился новый вирус «Viper». Для отражения этой атаки и предотвращения подобных атак в будущем, в министерстве нефти был оперативно создан кризисный центр. Иранские СМИ сообщили, что от кибератак пострадало министерство нефти и ряд дочерних компаний. По сообщениям неназванных должностных лиц из министерства нефти в

2 Respond to People's Needs or be Condemned: MPs Call Out Against Channeling of Caspian Water to Ahmadinejad's Birth-Region <http://www.payvand.com/news/12/apr/1261.html>

3 Намерение Ирана забирать большое количество воды из Каспия скажется на экосистеме, считают в Росрыболовстве http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=79874

4 Respond to People's Needs or be Condemned: MPs Call Out Against Channeling of Caspian Water to Ahmadinejad's Birth-Region <http://www.payvand.com/news/12/apr/1261.html>

В сетях министерства нефтяной промышленности и предприятий отрасли появился новый вирус «Viper»

компьютерных системах министерства появились «технические проблемы». Атаки на компьютерные системы, по-видимому, были начаты еще в марте, а в апреле достигли критической стадии. Вирус «Viret» удалил информацию из некоторых компьютеров. По-видимому, этот вирус может удалять информацию из компьютерного оборудования и отключать его от серверов. Между тем, представитель министерства нефти Алиреза Никзад заявил, что основным базам данных министерства не был нанесен ущерб, потому что публичные серверы отделены от основных⁵. По словам чиновника, вирус повредил только «публичную информацию».

Меры для предотвращения ущерба и противодействия дальнейшим атакам были приняты незамедлительно: сотрудникам министерства, национальной нефтяной компании, нефтехимических, нефтеперерабатывающих и распределительных компаний был отрезан доступ к Интернету. Кроме того, были заблокированы Интернет-услуги в ряде центров нефтяной промышленности⁶. Таким образом, борьба внешних сил против промышленных инфраструктур страны вступила в новую фазу привнеся из виртуального киберпространства реальных проблемы для ключевой отрасли иранской экономики.

Впрочем, на развитие внутривнутриполитической ситуации в Иране по-прежнему оказывает влияние давление извне, и попытки подорвать ситуацию в стране. Естественно, что иранские правоохранители, несмотря на праздничные настроения в связи с иранским Новым годом — праздником Новруз, не снижали активности и, в апреле 2012 года сообщили о новых успехах в борьбе с сепаратистами в провинции Систан-Белуджистан. По словам командующего Корпуса Стражей Исламской Революции генерал-майора Мохаммада Али Джафари, силы корпуса обезвредили «террористическую группу», которая планировала совершить теракты во время празднования праздника Новруз. Операция была проведена спецподразделением «Кодс» («Иерусалим») на юго-востоке страны⁷. При задержании террористов силы КСИР обнаружили большое количество техники, горючего материала и ручные гранаты.

Насколько известно, именно сепаратисты из числа белуджей, исповедующих суннитскую ветвь ислама, получали поддержку от секретных служб США и Запада и, по-видимому, несмотря на официальное объявление в США организации «Джундалла» террористической, эта поддержка, похоже, не прекратилась. Боевики организации оказались причастны не только к террористическим операциям, но и к наркотрафику. Между тем, в апреле иранские власти сообщили и об успехах в борьбе с оборотом наркотиков. Так, руководитель штаба по борьбе с наркотиками МВД Ирана Али Моайеди на встрече с главой МВД Катара (встреча состоялась 9 апреля в Тегеране), заявил, что иранская полиция за год изъяла из незаконного оборота 430 тонн наркотических веществ⁸. По словам чиновника, изъяты нарко-

5 Iranian Oil Industry Hit By Cyber Virus http://www.eurasiareview.com/24042012-iranian-oil-industry-hit-by-cyber-virus/?utm_source=feedburner&utm_medium=email&utm_campaign=Feed%3A+eurasiareview%2FVsnE+%28Eurasia+Review%29

6 Там же.

7 КСИР заявляет об уничтожении в Иране террористической группы http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=79635

8 Полиция Ирана изъяла 430 тонн наркотиков за минувший год http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=79664

тики, в основном гашиш, предназначались преимущественно для продажи на территории государств Персидского залива. По словам Моайеда, иранская полиция достигла наивысших в мире успехов по борьбе с незаконным наркотрафиком, и, по его словам, другие государства мира разделяют это мнение. Отметим, что ежегодно Иран выделяет на борьбу с наркотрафиком около одного миллиарда долларов.

Процессы над наркоторговцами завершились суровыми наказаниями виновных. Так, 25 апреля 2012 года пять человек, осужденных по обвинению в торговле наркотиками, были казнены в тюрьме Шахруд. Четверо из осужденных — граждане Афганистана, обвиненные в «хранении большого количества наркотиков». Отметим, что Афганистан является мировым лидером по производству наркотиков, поставляя на международный «черный рынок» около 90% всех производимых в мире опиатов.

Вместе с тем эффективность иранских правоохранительных органов в борьбе с наркоугрозой отмечают и российские правоохранительные органы, все теснее взаимодействующие с иранскими коллегами⁹. Однако, несмотря на высокую эффективность деятельности иранских правоохранителей и суровость уголовной ответственности за транспортировку и распространение наркотиков проблема борьбы с наркоугрозой остается на повестке дня.

Жесткость уголовного законодательства в Исламской Республике сочетается и с регулярно проявляемыми акциями милосердия, которые демонстрирует руководство Исламской Республики. В апреле для этого представился весомый повод. 1 апреля Иран отмечал годовщину провозглашения Исламской Республики. В этот день в Иране была окончательно ликвидирована монархия, и государственной религией был объявлен ислам шиитского толка. По случаю очередной годовщины республики, по предложению председателя Верховного суда Ирана аятоллы Садека Амоли Лариджани, Рахбар Али Хаменеи дал согласие на помилование и сокращение срока заключенным в стране. В общей сложности под амнистию попали 1002 человека¹⁰.

Если попытаться обрисовать обстановку внутри страны, то следует признать, что несмотря на нагнетание напряженности вокруг ядерной программы Ирана в мировых СМИ и муссирование информации об ожидающихся израильских или американских ударах по ядерным объектам республики, обстановка, как в столице страны, так и в провинциях, остается спокойной и, похоже, иранцы не уделяют особого внимания внешним угрозам. Для Ирана характерна развитая дорожная инфраструктура, не уступающая современным мировым образцам, гидроэлектростанции, современные электростанции, использующие энергию ветра, тепловые электростанции — всего 450 электростанций по стране. Все это построено на «нефтяные» доходы и разумно используется, что вывело Иран на 15 место в мире по производству электроэнергии в мире, о чем в начале апреля напомнило министерство энергетики Ирана¹¹.

Эти достижения страны производят действительно глубокое впечатление и

9 Там же.

10 Аятолла Хаменеи согласился помиловать и смягчить наказание заключенным http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&_n=1&news_id=79568

11 Iran currently world's 15th major electricity producer <http://www.payvand.com/news/12/apr/1248.html>

свидетельствуют о развитости инфраструктуры страны. Однако, несмотря на праздничное настроение иранцев, страна все-таки помнит о враждебном окружении. Так, ученые-ядерщики и преподаватели университетов, павшие жертвами терактов, в которых власти обвиняют США и Израиль, стали национальными героями. Одной из жертв террора стал в 2011 году Маджид Шахриари, похороненный на площади перед центральной мечетью Тегерана Имам-заде Салех. На черную мраморную плиту с портретом этого уважаемого народом ученого-ядерщика, преподавателя университета и любимца студентов, люди постоянно несут цветы.

Впрочем, судьба погибших не останавливает интереса иранской молодежи к исследованиям в области ядерной физики. Тысячи молодых людей изъявили желание работать именно в этой сфере. Это вполне укладывает в мироощущение иранцев, по-прежнему готовых к самопожертвованию, для которых патриотизм — это искреннее устремление. В этих условиях общего всплеска неприятия давления на права Ирана, как государства, резко пошла на спад и волна оппозиционных настроений двухлетней давности. Давление на страну вызвало настроение всеобщего противодействия зарубежному диктату. Иранская молодежь производит хорошее впечатление. С одной стороны молодые люди — патриотичны, с другой — они готовы критиковать власти, и не стесняются делать это. Такие настроения неперемнная часть мироощущения современного Ирана. Воспитанные на Интернете юноши и девушки, а в этой 75 миллионной стране 16 миллионов пользователей Интернета, несмотря на зарубежные оценки, поддерживая, например Ахмадинежада, одновременно и критикуют его.

В Иране продолжают дебаты по самому широкому кругу проблем. Например, активная, даже напористая внешняя политика Ирана, вызывает определенные расхождения в позиции правящих кругов. Так, в начале апреля стало известно, что глава Совета по политической целесообразности Ирана Али Акбар Хашеми Рафсанджани предложил восстановить отношения с США. Такие важные внешнеполитические решения относятся к компетенции Рахбара — высшего духовного руководителя Ирана. Соответственно от решения духовного лидера страны Али Хаменеи и зависит принятие решения такого масштаба. Однако, по словам начальника Генштаба вооруженных сил Ирана, генерала Сейеда Хасана Фирузабади, аятолла Хаменеи даже не комментировал к обсуждению данное предложение. Не оно обсуждалось и на Высшем совете национальной безопасности. При этом генерал отметил, что «Вашингтон всячески старается восстановить с нами отношения, несмотря на то, что с самого начала победы Исламской революции в Иране США, объявив нам войну, терпят поражения на ее различных этапах»¹².

Вместе с тем, сама история с возможной корректировкой внешнеполитического курса страны интересна, в первую очередь самим фактом появле-

Активная, даже напористая внешняя политика Ирана, вызывает определенные расхождения в позиции правящих кругов

12 Аятолла Хаменеи не принял предложение Рафсанджани восстановить отношения с США — глава Генштаба ИРИ//http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=79653

ния идеи восстановления отношений с «большим сатаной». Важно и то, что публично, на пресс-конференции озвучен и сам факт появления такого предложения, и личность, от которой оно исходит. Соответственно примечательна и реакция, точнее ее отсутствие со стороны рахбара. Похоже, что непосредственно перед переговорами в Стамбуле по ядерной программе Ирана в «стан противника» было отправлено послание о том, что в иранском руководстве циркулирует идея о восстановлении отношений с главным международно-политическим противником. Это послание, похоже, должно было настроить заокеанского адресата на ожидание позитивных результатов со стороны иранских переговорщиков и сигнализировать о готовности решить проблему. Естественно, что карты иранская сторона не раскрывала, опасаясь и чрезмерных ожиданий со стороны партнеров и эскалации давления при ожидаемых уступках.

Однако весь ход интриги показывает, что у нее был и внутривосточный адрес. Иранской общественности направлялось послание совершенно иного смысла, чем ориентированное вовне: позиция иранского лидера непреклонна и страна не собирается отказываться от своих принципов, а ядерная программа — это национальное достояние страны и ее неотъемлемое право. Во всяком случае, идеей восстановления отношений с главным противником национальное достоинство иранцев никоим образом не ущемлялось, в то же время подчеркивался по-прежнему непререкаемый авторитет высшего духовного лидера страны. Одновременно демонстрировалась и конструктивная обстановка в стране, свободная для дискуссий по самому широкому кругу проблем.

Джавад Шабири

Арабские монархии Персидского залива — страх как фундамент объединения

Основное совещание лидеров ССАГПЗ (Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, ССГ — Д.Ш.), в который входят на сегодня Королевство Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Оман, как правило, проходит в декабре. Но значение завершившегося вчера «консультативного совещания» в Эр-Рияде ничуть не меньше. Два претендента на лидерство в союзе арабских монархий, КСА и Катар, провели дипломатическую «разведку боем», прозондировав возможную реакцию других членов ССГ перед началом нового этапа противостояния и попутно согласовав несколько тактических вопросов предстоящей интеграции.

Как это и принято в таких случаях, медиа, кстати, достаточно скромно освещавшие это событие, не преминули отметить «атмосферу братства и единства». Но не братство и единство витали в атмосфере встречи. Основными эмоциями собравшихся на совещание «нефтяных котлов Залива» были страх и неуверенность. Страх перед внутренними проблемами. Страх перед нарастающим влиянием Ирана. Неуверенность в своем основном стратегическом партнере — США.

«Возьмемся за руки друзья...»

Основная идея, которая интенсивно обсуждается с самого начала в регионе «Арабской весны» — это интеграция участников ССГ по типу «объединенной Европы». Необходимо отметить, что с марта 2012 монархии Персидского залива немало сделали для повышения финансовой привлекательности подобной интеграции. Еще в минувшем году было объявлено о том, что для помощи Иордании и Марокко в «преодолении внутренних трудностей» (читай — для профилактики внутренних волнений) создан фонд в размере \$5 млрд, которые будут поровну распределены между двумя этими странами.

К предстоящей в декабре встрече руководителей ССГ на прошедшем вчера совещании рассматривался и вопрос о создании еще двух аналогичных фондов, наполнение которых будет происходить за счет членских взносов

государств-участников ССГ: первый фонд — для помощи Бахрейну и Оману (называется сумма в \$20 млрд), второй — для Йемена и Египта. Ну и для того, чтобы вопрос интеграции стал совсем уж привлекательным — выдвинут достаточно амбициозный проект Трансаравийской железнодорожной сети, которая объединит транспортные системы монархий Залива. Стоимость проекта — \$100 миллиардов и утверждается, что финансирование проекта особых проблем не вызовет.

Фактически, тактика монархий Залива в борьбе с нарастающими социальными проблемами остается неизменной — заливать эти проблемы нефтедолларами. Но, оказывается, сверхдоходы от нефти не гарантируют внутренней стабильности. Информация из Бахрейна и восточных провинций Саудовской Аравии крайне скудна, но и то, что чудом попадает в медиа, позволяет с уверенностью утверждать: ни жесточайшие репрессии, ни фактическая оккупация Бахрейна не привели к снижению накала как социального противостояния, так и противостояния межконфессионального — между суннитской правящей верхушкой и шиитскими общинами, составляющими большинство в ряде регионов.

Неспособность саудовской династии справиться с собственными внутренними проблемами и взятыми на себя обязательствами по «наведению порядка» в Бахрейне остальными государствами-участниками ССГ однозначно расцениваются как слабость режима. И на прошедшем вчера совещании предложение представителей саудовской Аравии о более глубокой интеграции, вплоть до создания арабского супер-государства (которое вполне можно рассматривать как «Новый Халифат»), встретило, мягко говоря, весьма прохладное отношение других участников. Поддержку этому предложению высказали только два государства — Бахрейн и Катар, что вполне логично. Бахрейн сегодня по сути является «оккупированной территорией» и физическое выживание династии аль-Халифа зависит от степени лояльности к Королевству. 1500 солдат Королевства находятся в Бахрейне уже 15-й месяц, и саудовский и бахрейнский флаги теперь везде рядом в этой стране — от контрольно-пропускных пунктов до международного аэропорта. Катар же, как было сказано выше, уже примеряет на себя «майку лидера» и надеется, что ему удастся окончательно обыграть саудовскую династию в интриге за главенство в ССГ.

Что же касается остальных участников, то к идее более глубокой интеграции и «нового Халифата» они пока относятся весьма настороженно. Не отказываясь в принципе от обсуждения этой темы, участники ССГ, по сути, основное препятствие видят в стремлении КСА к безусловному доминированию в данном объединении. Об этом совершенно открыто говорят, например, в Дубае и Дохе: «Ультраконсервативные взгляды Саудитов могут послужить препятствием для наших отношений с другими странами».

Особенности иранобоязни в Персидском заливе

Выдающейся и общей чертой монархий Персидского залива является боязнь Ирана. И боязнь эта, как в случае с Израилем и Азербайджаном, не менее участников ССГ страдающих острой иранофобией носит «экзистенциальный» характер, то есть не подкреплена логикой. Но, как и в случае с

глубокой интеграцией, иранофобия у каждого участника ССГ имеет свои нюансы, и борются с ней в каждом государстве по разному.

Разумеется, вина за обострение внутренних конфликтов в монархиях возлагается, и особенно громко говорят об этом наиболее «потерпевшие» — Саудовская Аравия и Бахрейн, на внешние силы, а конкретно — на Исламскую Республику Иран. Сколь много правды в подобных заявлениях — можно судить по ряду фактов. С самого начала событий бахрейнская оппозиция открыто заявила о том, что не намерена свергать короля Хамада бен Ису Аль Халифа. Целью и главным требованием манифестантов является отстранение от должности премьера Бахрейна Халифа бен Сальмана Аль Халифа (дядю короля, занимающего этот пост уже сорок лет) и всего кабинета министров. Также оппозиция требовала освобождения политзаключенных, предоставления больших прав шиитскому большинству, усиления борьбы с коррупцией и проведения внеочередных парламентских выборов.

Стоит процитировать мнение американских экспертов, изложенное в работе «The Arab Shi'a: The Forgotten Muslims» (2000, RAND Corporation): «суннитская правящая семья аль-Халифа установила авторитарный порядок, который исключает шиитов из общественной жизни и позволяет дискриминировать их экономически. Они более свободны, чем шииты Саудовской Аравии, где они составляют явное большинство, и против них не проводятся столь жестокие кампании, как проводились против шиитов в Ираке. И тем не менее, всякий раз, когда они пытались добиться компенсации за дискриминацию с помощью законных, мирных и демократических механизмов, их отбрасывали назад, против них проводили репрессии и их вводили в отчаяние еще более жестокими мерами подавления со стороны правящей семьи суннитского меньшинства. /.../ Поскольку они составляют большинство общества, их требование демократии и равных возможностей автоматически рассматривается правящей олигархией как угроза существующему порядку».

Таким образом, основная причина волнений в Аравии — отнюдь не мифическая «рука Ирана», а вполне себе реальный эгоизм правящей арабской верхушки. Вчерашняя встреча в Эр-Рияде показала, что кроме Саудовской Аравии и Бахрейна это понимают практически все участники ССГ. А вслед за этим пониманием разрабатывается и новая тактика стран Залива в отношении Исламской Республики — от противостояния к конструктивному диалогу.

С совершенно беспрецедентной, а по меркам тех же саудитов — так и вообще изменнической, инициативой неофициально выступил недавно Катар, предложивший через третьих лиц Ирану отказ от вмешательства в Сирию в обмен на улучшение отношений и расширения сотрудничества в освоении морских месторождений природного газа. Кувейт и Оман вообще стараются избегать открытого дипломатического противостояния с Ираном, а Объединенные Арабские Эмираты официально конфликтуют с ИРИ в вопросах трех островов, в реальности постоянно подчеркивает свою готовность оказать содействие Ирану в решении его проблем, связанных с блокированием финансовой системы и международных расчетов. До недавнего времени через ОАЭ пролегал основной маршрут «серого экспорта» в Иран, и бизнес Эмиратов совершенно не намерен отказываться от столь сладкой прибыли в угоду антииранским настроениям.

У части экспертов стало весьма модным обвинять Иран в прямолинейности, негибкости, недипломатичных и неполиткорректных заявлениях. Словом — все плохо и курс Ирана нуждается в серьезной корректировке на основании рекомендаций этих экспертов. В реальности дело обстоит с точностью до наоборот. Используя внутренние противоречия внутри ССГ, Иран ведет филигранную дипломатическую игру, обеспечивая собственную безопасность на этом направлении. Последний визит министра информации (VEVAK) Хейдара Мослехи в Саудовскую Аравию и проведенные там достаточно результативные переговоры с верхушкой династии — яркий пример тонкости и гибкости. Впрочем, этот пример далеко не еденичен. Дипломатия Ирана на этом направлении более чем активна.

Монархическая загадка про Вашингтон: К сердцу прижмет или к иблису пошлет?

Успехам иранской дипломатии в немалой степени содействует общая неуверенность участников ССГ в позиции Вашингтона. С одной стороны — видимых изменений не происходит, Аравия остается «непотопляемым авианосцем» США, а Пятый флот — гарантом ее безопасности.

Чтобы подтвердить нерушимость стратегического партнерства с «нефтяными котами», администрация Обамы на днях приняла решение возобновить поставки оружия в Бахрейн, которые были приостановлены после событий на Жемчужной площади в феврале 2011. Во время недавнего визита в Вашингтон наследного принца бахрейна Салмана Хамида аль-Халифа, последний убеждал и вице-президента Джо Байдена, и Хиллари Клинтон, и Леона Панетту, что имела место «трагическая случайность, которая больше не повторится». Принц, судя по всему, был более чем убедителен, Вашингтон сделал вид, что поверил, что в следующий раз народные выступления будут подавляться исключительно демократическими методами. Представитель Госдепартамента Виктория Нуланд заявила, что Бахрейн предпринял ряд важных шагов в направлении реформы, но многое еще предстоит сделать. Вместе с тем, она отметила, что поддержание обороноспособности Бахрейна является одним из «важнейших компонентов» приверженности Америки задаче сохранения стабильности в регионе Персидского залива.

Стремясь убедить участников ССГ в том, что «инцидент на жемчужной площади предан забвению», на вчерашнюю встречу был делегирован президент Национального совета по американо-арабским отношениям Джон Г. Энтони, который в своем выступлении перед собравшимися «высоко оценил усилия Саудовской Аравии и ОАЭ в деле защиты стабильности в Бахрейне». Инцидент, с американской точки зрения, возможно и исчерпан, но в монархических душах осадок остался. На том же вчерашнем заседании, как впрочем и в его преддверии достаточно много говорилось о том, что уход США из Ирака и Афганистана является предвестником сокращения присутствия США в Персидском Заливе. Монархи Залива докатились в своем неверии до откровенного цинизма — они усомнились даже в Хиллари Клинтон, которая убеждала их в марте в том, что «приверженность США сотрудничеству со странами ССГ является непоколебимой». В кулуарах ССГ гуляют слухи о том, что Вашингтон может в любой момент достичь стратегических договоренностей с Ираном и, ради этого, попросту

сдать ту же саудовскую династию. А потому, на всякий случай, монархии рассматривают варианты защиты собственного благополучия без активной помощи США.

Было бы верхом наивности утверждать, что кризисные явления, которые обнажились ранее и вчера на консультативном совещании, являются непреодолимыми, а ССГ находится в кризисе. Столь же наивными являются надежды и на то, что утратив лидерство в ССГ, Саудовская Аравия распалется на части.

Все конфликты и противоречия внутри ССГ не носят антагонистического характера. Факторов, объединяющих монархии, гораздо больше, нежели того, что разводит их в стороны.

По прежнему идет активное обсуждение идеи формирования единого командования вооруженными силами. Полным ходом идет реализация ядерной программы монархий Залива (о которой, в отличие от иранской, мир не знает ничего, а МАГАТЭ сохраняет упорное молчание). А значит — впереди нас ждут неожиданные политические решения, способные оказать серьезное влияние на ситуацию не только в регионе, но и во всем мире. В основе интеграционных процессов на аравийском полуострове лежит самый прочный фундамент — страх за свое будущее и необходимость физического выживания династий. Согласитесь, страх за собственное будущее — очень сильный стимул, позволяющий преодолеть невероятное...

Николай Кольчугин

Каспийское море: Россия и Иран обречены на союзные отношения

На Каспии Россия нуждается в союзе с Ираном, поскольку политика и интересы Москвы в этом регионе уже совершенно ясно и недвусмысленно поставлены под вопрос. Политическое, экономическое и культурное влияние России в Азербайджане, Казахстане и Туркменистане явно преувеличено и в настоящий момент уменьшается. Нельзя не признать, что стремление постсоветских государств проводить самостоятельную внешнюю политику, желание придерживаться дипломатического разнообразия в выборе политических партнеров и не отказываться от выгодного экономического сотрудничества с Западом, опасаясь реакции Кремля, стали реалиями сегодняшнего дня.

Россия на пространстве Каспийского бассейна, а также на прилегающем Южном Кавказе и Центральной Азии вынуждена конкурировать с США, Европейским Союзом, Китаем, Турцией, а также Ираном. Как представляется нам, значение российского сотрудничества с Исламской Республикой недооценивается отечественными политиками, в том числе и в вопросах взаимодействия наших стран в процессе выработки правового статуса Каспийского моря и единых для всех пяти прикаспийских государств механизмов совместного использования его ресурсов.

Достижения консенсуса без Ирана невозможно

Процесс выработки правового статуса Каспийского моря слишком затянулся и, как считают многие эксперты, подписание Конвенции о правовом статусе Каспия в ближайшей перспективе маловероятно.

Согласно заключенному в 1940 г. договору между Ираном и СССР, Каспий был объявлен общим внутренним бассейном этих двух сопредельных государств, которым они должны были пользоваться совместно. Такой статус, признанный мировым сообществом, предоставлял обеим странам равные права на судоходство и рыбную ловлю, причем в пределах до 10 морских миль от своего побережья каждая из сторон имела исключительное право пользования этим пространством. Статус Каспия является спорным вопросом с тех пор, как перестал существовать Советский Союз. Как справедливо отмечается, правительство СССР заключило договор от имени всех бывших союзных республик, то нынешние их правопреемники — прикаспийские

государства Россия, Азербайджан, Туркменистан и Казахстан не могут односторонне отказаться от его выполнения. Иначе говоря, увеличение числа прикаспийских государств — субъектов международного права не влечет за собой изменения нынешнего статуса Каспия без принятия нового соглашения между ними.

Россия, Азербайджан и Казахстан выдвигают единое предложение — разделить дно по срединной линии, а водную поверхность моря оставить общей. Более того, они уже подписали соответствующие двусторонние соглашения о разделе морского дна. То есть, раздел шельфа северной части Каспийского моря уже осуществлен двусторонними межгосударственными договорами. На три упомянутых государства придется 64% подводной площади Каспийского моря. Из 36% оставшейся площади морского дна Ирану достается всего от 11 до 14%, что никак не устраивает Тегеран, ведь предлагаемая ему доля Каспия будет наименьшей.

В южной части Каспия в треугольнике между Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном достичь аналогичных договоренностей пока не удалось. Туркмения выступает за разграничение дна и недр Каспийского моря на секторы, либо зоны, на основе принципа срединной линии по договоренности с сопредельными Казахстаном и Ираном и противоположным Азербайджаном. Иран, в свою очередь, не признает легитимность двусторонних соглашений России по Каспию с Азербайджаном и Казахстаном. Не трудно заметить, что чаще всего, именно в адрес его представителей на переговорах раздаются обвинения в неконструктивной позиции и несговорчивости.

Иран, действительно, остается в жесткой оппозиции «срединной» модели решения каспийской проблемы. Тегеран твердо стоит на своем, желая превратить морское дно в «кондоминиум», то есть за общее владение морем, в том числе его недрами, а если это невозможно, то на делении Каспия на пять равных национальных долей по 20%.

В Иране считают, что в соответствии с нормами международного права любое изменение правового статуса Каспийского моря после распада СССР может приниматься только на основании консенсуса, то есть согласия всей пятерки прикаспийских государств, а до этого момента принятые ранее договора между СССР и Ираном 1921 и 1940 годов остаются в силе. Следуя этим положениям, до окончательного определения правового статуса Каспийского моря, любые действия прибрежных государств, противоречащие существующему статусу или не получившие одобрения всех пяти прикаспийских стран, с позиций международного права оцениваются Тегераном как неприемлемые.

Тем не менее, Россия своей позиции не изменила, а Иран и Туркменистан границы «азербайджанского сектора» до сих пор не признают. Таким образом, формула каспийской «пятерки» выглядит не как «3 + 2», а как «2 + 1 + 2», а именно, Азербайджан находится в срединном положении: с Россией и Казахстаном у него территориальных разногласий нет, но с Ираном и Туркменией они остаются. Похоже, что здесь и спрятана самая болевая точка непримиримости в каспийском диалоге.

Большинство экспертов в области каспийской проблематики практически уверены, что тройка других прикаспийских стран не согласится с выделением Тегерану требуемой доли. При обсуждении этой проблемы представи-

тели России, Казахстана и Азербайджана неоднократно и недвусмысленно давали понять ИРИ о необходимости отказа от позиции требования 20% доли как бесперспективной и тормозящей переговорный процесс. Более того, по мнению некоторых экспертов, ряд крупнейших углеводородных блоков в южной части Каспия расположен таким образом, что независимо от того, площадь иранской зоны составит 14% или 20%, они все равно будут расположены на стыке зон с другими государствами.

Таким образом, на данный момент, после подписания соглашений с Азербайджаном и Казахстаном российский сектор Каспия целиком обозначен, в то время как остальные страны региона втянуты в сложные конфликты по поводу раздела месторождений. Как показывает отсутствие результатов переговоров в пятистороннем формате, позиции Ирана и Туркмении, у которых есть свой взгляд на раздел моря, Россию, видимо, уже мало интересуют. Наша часть Каспия отделена от их претензий секторами Казахстана и Азербайджана.

Тегеран не акцентирует негативного отношения к позиции России

Несмотря на то, что российская позиция по правовому статусу Каспия оценивается в Иране в основном негативно, иранское руководство воздерживаются от любых высказываний, которые могли бы задеть Кремль. По мнению иранских экспертов, правительство стремится сохранить существующее равновесие в отношениях с Россией. Действительно, на уровне публичных заявлений иранские власти стремятся не акцентировать внимание на разногласиях между Москвой и Тегераном, в том числе и по каспийской проблематике. Али Акбар Велаяти, бывший министр иностранных дел Ирана, а в настоящее время советник Верховного лидера Ирана аятоллы Хаменеи, полагает, что для Ирана важно стремление России сохранить свое влияние в постсоветских государствах Каспийского бассейна, так как оно направлено против стран Запада, особенно против Соединенных Штатов.

В то же время иранские власти не сделали ни одного заявления, которое бы свидетельствовало о пересмотре своих притязаний на 20-процентную долю Каспия. Главнокомандующий ВМС Ирана Хабибулла Саяри, как сообщало информагентство Мехр, заявил, что «для обеспечения своих интересов в акватории Каспийского моря Иран осуществляет тщательный контроль 20 процентов территории при помощи вооруженных сил». Известно, что в попытке решения каспийского вопроса Тегеран уже доходил до применения метода запугивания.

Например, в июле 2001 г. иранские эсминцы и воздушные силы предприняли угрожающие действия в отношении азербайджанского судна, занимавшегося разведкой морского дна. В 2003 году Азербайджан вел переговоры с США об укреплении водных границ страны, защите принадлежащих республике нефтегазовых месторождений от атак террористов и неприятельских сил. Одним из главных фигурантов тех самых переговоров был бывший министр обороны США Дональд Рамсфелд. После переговоров военный министр, давая заявление в прессу, не уточнил, о каких именно террористах идет речь. И до сих пор Иран время от времени считает своим долгом

озвучивать предупреждения в адрес Баку о недопустимости привлечения в зону Каспия иностранных военных сил.

Не будем забывать, что еще в феврале 1997 года сенатор Роберт Бирд в своей речи «Американская политика по отношению к Каспийскому региону» назвал Азербайджан стратегическим партнером США на Кавказе, а в августе президент Билл Клинтон объявил Каспийский регион зоной национальных интересов США. И, как утверждают аналитики, получение доступа к каспийской нефти не единственная цель. Разумеется, что обеспечение интересов США и их союзников здесь предполагает вытеснение России из прикаспийского региона. А это уже прямая угроза безопасности России, в противостоянии с которой Иран, как указано выше, выступает на стороне российских интересов. Несомненно, что Россию это устраивает, тем более с учетом того, что ИРИ делает это безвозмездно и не требует каких-либо компенсаций. И даже если наши страны расходятся в вопросе о правовом статусе Каспия, то в данном вопросе интересы обеих государств совпадают.

Тем не менее, многие представители иранской политической элиты считают, что ирано-российские отношения носят неоднозначный характер. По их мнению, Москва использует Тегеран в качестве разменной карты в геополитической игре с Соединенными Штатами. Другие иранские государственные деятели и политологи полагают, не афишируя своей позиции, что это Ирану удастся использовать авторитет России для противодействия вмешательству в каспийские внутренние дела третьих стран и международных организаций. Очевидно одно, что США, в свою очередь, намерены сдерживать Россию и Иран в районе Каспия, содействуя милитаризации соседних держав ввиду «растущей важности безопасности Каспийского моря в этом богатом нефтью и газом регионе». Одним словом, наши страны обречены на единство в стремлении мешать американцам и европейцам закрепиться на берегах Каспия, примером чему может служить схожий подход к газопроводу из Туркменистана в Азербайджан по дну Каспийского моря.

Россия и Иран выступают категорически против плана Евросоюза

Осенью 2011 года Евросоюз предоставил Еврокомиссии мандат на проведение переговоров между Азербайджаном и Туркменистаном относительно правовой базы Транскаспийского газопровода. Таким образом, ЕС демонстрирует намерение прямо вмешаться в вопрос определения статуса Каспийского моря. Возможность реализации данного проекта, активизируемая заинтересованными силами в США и ЕС, беспокоит не только Россию, но и Иран. Москва и Тегеран выступают против строительства газопровода по дну моря, который к тому же и не разграничен.

Напомним, что Транскаспийский газопровод появился в 1996 году как проект, альтернативный российско-турецкому проекту «Голубой поток». Это совпало с объявлением со стороны США Черноморско-Каспийского региона зоной своих стратегических интересов. Был создан «Транскаспийский консорциум», в который вошли компании General Electric, Bechtel National и Shell. В 1998 году правительство США выделило \$1,3 млн на составление

ТЭО проекта, который предусматривал подачу газа с восточных месторождений Туркменистана в турецкий Эрзурум. Завершить строительство газопровода, по которому ежегодно планировалось экспортировать 16 млрд кубометров газа в Турцию и 14 млрд — на европейские рынки, предполагалось в 2002 году.

Проект был реанимирован в 2006 году — после «газовых войн» между Россией и Украиной. Теперь к проекту, судя по материалам СМИ, проявляет интерес и Казахстан. Сейчас главную поддержку проекту оказывает ЕС, а США как бы отошли на задний план. Тем не менее, именно США в августе 2010 года выделили Азербайджану \$1,7 млн для подготовки нового ТЭО проекта с учетом возможности участия в нем Казахстана. На эти же средства, как ожидается, будет обновлено и ТЭО строительства нефтепровода по дну Каспийского моря для подключения казахстанской нефти к нефтепроводу «Баку-Тбилиси-Джейхан».

В российско-иранских аргументах против этого газопровода чаще всего фигурируют ссылки на трудный рельеф дна и высокую сейсмическую нестабильность данной части Каспия. Для строительства газопровода потребуется согласие всех пяти прикаспийских государств, а Россия и Иран не меняли своего негативного отношения к проекту и в ближайшее время менять не собираются. Представить то, что газопровод начнут строить в условиях отсутствия согласия наших стран, нет оснований, хотя Баку и Ашхабад считают, что для строительства этой инфраструктуры достаточно их согласия. В принятом Европейской комиссией документе «Внешние энергетические связи Европейского союза» отмечается, что соглашение между ЕС, Азербайджаном и Туркменистаном относительно газопровода заложит основу строительства инфраструктуры, которая обеспечит транспортировку туркменского природного газа через Каспийское море. Сейчас к проекту Транскаспия, якобы, присоединяется и Казахстан. То есть, из четырех российских соседей по Каспию только Иран поддерживает Россию в этом вопросе.

Азербайджан, несмотря на то, что особой выгоды от транзитных платежей туркменского газа не видит, свой политический выбор сделал в пользу США и Евросоюза, усиленно продвигающих этот проект. Обострение отношений с Москвой из-за газопровода его не останавливает. Баку готов даже в ущерб собственным экономическим интересам, ведь туркменский газ на рынке Турции усилит конкуренцию с азербайджанским газом, идти и дальше на стратегическое сближение с Западом.

Говоря о совпадении позиций России и Ирана по туркменскому газопроводу через Каспий, необходимо учесть, что самый выгодный маршрут для транспортировки среднеазиатского газа лежит через территорию Ирана. Разумеется, Туркменистан и рад бы был сотрудничать в этой сфере с Ираном, но американское и европейское давление не позволяют этого сделать. Тем не менее, вне зависимости от мнения России Иран никогда не согласится на строительство этого газопровода. Не будем исключать того, что в случае отмены санкций против ИРИ и нормализации отношений с Европой маршрут через иранскую прикаспийскую низменность будет намного предпочтительнее, и с точки зрения себестоимости, и экологии, и технических решений.

Шелковый путь из России через Каспий проходит через Иран

США энергично пропагандируют свою инициативу под названием «Новый Шелковый путь». Его главная особенность состоит в том, что он должен изобрести и — обойти Иран. То есть, предлагается проложить новый транспортный коридор из Центральной Азии — в Южную, исключая «страну-изгой». Вопреки географии, логистике, здравому смыслу.

На недавней конференции в Душанбе, где рассматривались проблемы регионального экономического сотрудничества, связанные с Афганистаном, Соединенные Штаты пропагандировали свою инициативу под названием «Новый Шелковый путь». Особенность этого «пути» состоит в том, что он должен исключить Иран, т.е. новый транспортный коридор из Центральной Азии — в Южную должен пройти в обход «страны-изгоя». Помощник госсекретаря США по делам Центральной и Южной Азии Роберт Блейк выступил против реализации планов строительства железнодорожной магистрали из Кашгара (Китай) в Герат (Афганистан) и далее в Иран. Конкретнее сказать, идея объединить Китай, Киргизию, Таджикистан, Афганистан и Иран в рамках одного регионального проекта никак «не греет» американцев. Дело в том, что в этом проекте ведущая роль отводится Ирану, который для Вашингтона — как кость в горле.

Во всяком случае, свой Шелковый путь Россия открыла при самом активном участии Ирана и через его территорию. В Санкт-Петербурге 12 сентября 2000 года было подписано межправительственное соглашение о международном транспортном коридоре «Север-Юг» между Россией, Ираном и Индией. Страной-депозитарием соглашения выбран Иран. Руководящим органом проекта «Север-Юг» является координационный совет, председательство в котором осуществляется странами-участницами в порядке ежегодной ротации. В настоящее время к соглашению присоединились Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Оман, Сирия. Подали заявки на присоединение Турция и Украина.

Интерес многих стран к МТК не случаен, его сухопутный мост протяженностью около 4,5 тыс. км — от Балтики до порта Бендер-Аббас в Персидском заливе — соединит Северо-Западную и Центральную Европу со странами Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии. Основные преимущества коридора перед другими маршрутами (в частности перед морским путем через Суэцкий канал) в том, что он в два с лишним раза сокращает путь грузов. При этом стоимость перевозки существенно меньше, чем стоимость транспортировки по морскому пути.

Есть три маршрута следования грузов из России и Центральной Азии по коридору «Север-Юг», и все они ведут в Иран. Транскаспийский — через порты Астрахань, Оля и Махачкала. Подвоз и вывоз грузов в порты осуществляется российскими железными дорогами. Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, имеющие выход на сеть российских железных дорог, завершили в 2011 году строительство своих участков единой железнодорожной ветки с прямым выходом на Иран по пограничному переходу Теджен — Серахс. Есть еще и западная ветвь коридора МТК: направление Астрахань — Махачкала — Самур, далее по территории Азербайджана с выходом в Иран через пограничную станцию Астара. Сейчас иранской стороной осу-

ществляется строительство железнодорожной линии Казвин — Решт — порт Энзели с ответвлением на Астару до границы с Азербайджаном. Кроме того, в Иране ведется строительство железнодорожной линии Бафк — Захедан, которая обеспечит прямое сообщение между Ираном и Пакистаном. Это позволит обеспечить выход коридора «Север-Юг» на страны Южной Азии без дополнительной перевалки грузов в портах Ирана, расположенных на берегу Персидского залива. По экспертной оценке, товарный рынок МТК «Север-Юг» оценивается в 25–26 млн тонн грузов к 2015 году. И Иран в эти перспективы вносит заметный вклад. Сейчас совокупные мощности четырех основных иранских портов превышают в полтора-два раза объединенные мощности Туркмении, Казахстана, России и Азербайджана.

Недавно Иран анонсировал свой план строительства судоходного канала Каспий — Персидский залив. Речь идет о строительстве трансконтинентального канала протяженностью около 600 километров, из которых почти 350 километров пройдет по фарватерам рек Кызылузе, впадающей в Каспийское море, и Керхе, впадающей в Персидский залив. Стоимость работ по прокладке водной артерии Каспий-Персидский залив, по оценкам иранских специалистов, составит \$6,5–7 млрд. Проект соединяет Северную Атлантику с Индийским океаном по кратчайшему пути, и его создание может отодвинуть стратегическое значение черноморско-эгейских проливов и Суэцкого канала на второй план.

Транзитный коридор через Иран служит интересам России и дает возможность нам обойтись без альтернативных транспортных маршрутов, предлагаемых США и их союзниками. Иран получит политические и экономические выгоды от торговли с Россией, Центральной Азией и Индией. Индия получит выход на российские, центрально-азиатские и восточноевропейские рынки и доступ к различным источникам энергоресурсов. Естественно, что некоторые западные эксперты выражают обеспокоенность потенциалом сотрудничества между Россией, Ираном и Индией. Оппоненты коридора «Север-Юг» указывают на плохое состояние дорог в Иране, не говоря уж о целом ряде неприятных вопросов, связанных с таможенной документацией, многочисленными визами для каждого груза, складированием контейнеров, пограничными проверками и неясными ставками пошлин и транзитных сборов. Но все это, скорее, имеет пропагандистский характер, признать истинное стратегическое значение МТК «Север-Юг» у оппонентов желания нет.

В заключение отметим, что в Тегеране надеются, что президентство Владимира Путина выведет отношения их страны с Москвой на более доверительный уровень. Конечно, перед лицом угрозы вероятного военного столкновения с США иранцы хотели бы заручиться определенными гарантиями со стороны России. Иран не исключает возможности выйти на более высокий уровень интеграции с Россией и ее партнерами и, возможно, стать участником Евразийского союза. Политический курс Запада, направленный на изоляцию ИРИ на международной арене, не должен лишать Тегеран поддержки стран, выступающих за «многополярную глобализацию», в том числе и России, которая больше других заинтересована в союзных отношениях со своим южным каспийским соседом.

Сергей Минасян

Геополитический треугольник Южного Кавказа

Продолжающийся динамично развиваться политический процесс первой половины 2012 г., в том числе — в вопросах, связанных с ядерной программой Ирана и другими масштабными событиями на всем Ближнем Востоке (в частности, сирийский кризис), актуализируют проблемы геополитического позиционирования и в других, сопредельных регионах. Попробуем рассмотреть их влияние на Южный Кавказ на примере анализа своеобразного «геополитического треугольника» в лице трех важнейших региональных игроков — России, Турции и Ирана.

Россия

Начало третьего президентского срока Владимира Путина, как представляется, внесет ясность в политику Москвы на всем Южном Кавказе, приобретшей некую двойственность в период существования «кремлевского тандема», например, в карабахском вопросе. С «новым старым» президентом Москва в целом сохранит преемственность своей политики на Южном Кавказе, хотя возможно ужесточение позиции России в регионе, в частности, в отношениях с Грузией и Азербайджаном. Подтверждением этого может стать то, что один из первых президентских указов вступившего в должность В.Путина от 7 мая 2012 г. — «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» — особо отмечал приоритеты Москвы в укреплении статуса признанных ею Абхазии и Южной Осетии. Указом также предусматривается продолжение процесса карабахского урегулирования в формате Минской группы ОБСЕ.

Политика Москвы на Южном Кавказе исходит из приоритетов сохранения геополитического баланса сил на фоне неизбежного снижения американского влияния в регионе. Европейский Союз вряд ли своей «мягкой силой» в обозримом будущем будет играть роль гаранта региональной безопасности на Южном Кавказе на фоне усиления Турции, и если Москва сможет активизироваться на Южном Кавказе, то поспособствует обеспечению традиционного баланса внешних/региональных игроков.

Как представляется, большее вовлечение Москвы в политические процессы на Южном Кавказе исходит из интересов безопасности Армении. Важнейшим элементом двусторонних отношений Армении и России, особенно с

учетом их членства в ОДКБ, станет продолжение военно-политического и военно-технического сотрудничества двух стран. Россия, как страна, незаинтересованная в возобновлении боевых действий в зоне карабахского конфликта, традиционно будет продолжать сохранять военный баланс между Арменией и Азербайджаном в углубляющейся региональной гонке вооружений.

В переговорном процессе вокруг карабахского урегулирования, как представляется, наступит вполне оправданная пауза

В переговорном процессе вокруг карабахского урегулирования, как представляется, наступит вполне оправданная пауза. Новый президент России вряд ли захочет участвовать в таком заведомо безнадежном предприятии как организация безрезультатных встреч своих армянского и азербайджанского коллег. Тем не менее, более чем очевидно, что и в 2012 г., и в последующий период, Россия (совместно с США, Францией и ЕС) будет держать под пристальным контролем ситуацию в зоне конфликта, для недопущения ее дальнейшей эскалации, а также склонять стороны конфликта к принятию озвученных МГ ОБСЕ т.н. Основных принципов карабахского урегулирования.

Как известно, данные предложения (известные под названием Мадридских принципов) предусматривают, наряду с прочими условиями, определение окончательного статуса Нагорного Карабаха и его международную легитимизацию.

Турция

После заморозки в апреле 2010 г. попытки нормализации армяно-турецких отношений (т.н. «футбольной дипломатии»), Южный Кавказ в приоритетах внешней политики Анкары занимает практически третьестепенное место. Даже армяно-турецкие отношения, с учетом гипертрофированной чувствительности Турции к проблеме международного признания геноцида армян 1915 г. и вызванных этим стимулов Анкары к примирению с Арменией для нейтрализации процесса признания, в настоящее время во многом переместились в сферу турецко-американских и турецко-европейских взаимоотношений.

Приоритетным для Турции, пытающейся по всем периметрам использовать все мыслимые и немыслимые поводы для демонстрации своей значимости в региональной и даже мировой политике, сейчас имеет ближневосточное направление. Однако именно вовлечение Турции в сирийский кризис, равно как и чересчур активные и даже навязчивые попытки играть роль заинтересованного посредника в многосторонних переговорах вокруг иранской ядерной программы, продемонстрировали границы ее внешнеполитических ресурсов и значимости. Несмотря на поддержку Западом турецкой политики в отношении Сирии (как инструмента открытого давления на сирийские власти), после открытого вовлечения Ирана и России по спасению режима Асада, Анкара оказалась в весьма сложном положении. Идти на дальнейшее противостояние с Москвой и Тегераном Анкара не решилась, что усилило критику внешнеполитического курса внутри самой Турции.

Некоторое отрезвление в Анкаре от результатов ее ближневосточной политики, приведших скорее к новым трудностям, чем добавивших дивидендов, привело одновременно и к осознанию ограничений турецкой политики в отношении Южного Кавказа. Фактически, второй раз после развала Советского Союза (первый раз это было во время августовской русско-грузинской войны 2008 г. и спешного визита Эрдогана в Москву) в Анкаре появилось реальное впечатление возвращения «российской угрозы» в регион. При этом абсолютно не важно, насколько действенными и продолжительными могут быть дальнейшие действия России по спасению режима Асада — как отмечает видный российский международник Федор Лукьянов, «Москва играет не на сохранение контактов с Дамаском, а на подтверждение своего статуса в международных делах..., державой, в обход которой ничего не возможно сделать»¹. Важно отметить то, что боязнь испортить отношения с Россией — одним из важнейших партнеров Турции в торгово-экономической сфере, а также неожиданно повысившийся геополитический вес Москвы в ближневосточном регионе (особенно в увязке с позицией Тегерана) явились достаточно неприятным сюрпризом, продемонстрировав в глазах турок степень неуступчивости России по принципиальному для нее «сирийскому вопросу».

Как результат, Анкара значительно снизила уровень своих политических ожиданий на Южном Кавказе, одновременно повысилась степень реалистичности оценки ею ситуации в этом регионе. Возможно, что во время т.н. «футбольной дипломатии» между Арменией и Турцией у некоторых в Анкаре были иллюзии того, что Россия может повлиять на Ереван каким-то образом пойти на уступки в карабахском вопросе. Это при том, что сами армяно-турецкие протоколы не содержали никакого упоминания про Карабах, да и не ясно было, зачем Москва должна была принуждать своего главного регионального военно-политического союзника идти на уступки для продвижения в процессе, который фактически спонсировали США и ЕС. Теперь же в Турции вновь убедились, что Россия не только не может пойти на такие рода шаги в отношении Армении, но и никогда не захочет.

А самостоятельно вовлечься в региональную политику на Южном Кавказе без нормализации отношений с Арменией Анкара также уже не может. Для этого у нее нет ни ресурсов, ни решимости, что было наглядно продемонстрировано региональной динамикой на Южном Кавказе за весь период после заморозки армяно-турецкой «футбольной дипломатии» в апреле 2010 г.

**Анкара
значительно
снизила
уровень своих
политических
ожиданий на
Южном Кавказе**

Иран

Отношения с ИРИ всегда имели для Армении особую ценность с учетом роли Тегерана в мировой и региональной политике, а также его позиции в

¹ Лукьянов Ф., «Сирийский конфликт как школа дипломатии», <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Siriiskii-konflikt-kak-shkola-diplomatii-15491>, 20.03.2012

мусульманском мире. Иран уже два десятилетия демонстрирует достаточно взвешенное отношение к карабахскому конфликту, что для Армении очень важно ввиду попыток Азербайджана представить этот конфликт как религиозное противостояние между армянами-христианами и азербайджанцами-мусульманами.

Тегеран не проявляет повышенного интереса к участию в переговорах, но при этом внимательно следит за происходящими вокруг Карабаха процессами. В центре особого внимания Ирана постоянно находится судьба приграничных с ним территорий, находящихся под контролем Нагорного Карабаха. Тегеран заинтересован в сохранении этих территорий под армянским контролем (никогда публично этого не высказывая), т.к. они выступают своеобразным буфером между Азербайджаном и северными регионами Ирана с тюркоязычным населением. Соответственно, Иран выступает за консервацию карабахского конфликта и против какого либо размещения международных миротворцев на его территории.

Тегеран не проявляет повышенного интереса к участию в переговорах, но при этом внимательно следит за происходящими вокруг Карабаха процессами

Важнейшей составляющей геополитики Ирана на Южном Кавказе играет армяно-иранское экономическое сотрудничество, которое включает преимущественно энергетическую и коммуникационную сферы: перспективы строительства железнодорожной ветки Армения-Иран, линий электропередач, ГЭС, а также трубопровода для транспортировки иранской нефти и других неф-

тепродуктом. Немалую роль в нынешних армяно-иранских политических отношениях играет и наличие в Иране достаточно многочисленной и влиятельной армянской общины, имеющей многовековую историю и хорошо интегрированной в иранское общество.

В настоящее время факторами, усиливающими доверительность армяно-иранских отношений (посол ИРИ в Армении Сейед Али Сагаян недавно даже заявил, что из всех своих соседей Иран «самые особенные отношения имеет с Арменией»²), являются ухудшающиеся отношения Исламской Республики с Турцией и Азербайджаном. Нотки неосманизма, то и дело проскальзывающие в заявлениях главы турецкого МИД Ахмета Давудоглу (а иногда и премьера Эрдогана), враждебный настрой Анкары в отношении главного ближневосточного оплота Тегерана — алевитского режима Башара Асада в Сирии, неискренности, по мнению Тегерана, позиция Анкары в посредничестве в переговорах вокруг иранской ядерной программы, и многие другие большие и малые проблемы постоянно отравляют ирано-турецкие отношения. Очевидно, что это не может не сказаться соответствующим образом уже на армяно-иранском сотрудничестве.

Еще более значимую роль играет новый виток ухудшения отношений между Ираном и Азербайджаном. Кроме традиционного клубка проблем и взаимных подозрений между Баку и Тегераном, в последнее время на это серье-

2 «Из всех соседей самые особенные отношения Иран имеет с Арменией — посол», ИА Регнум, <http://www.regnum.ru/news/polit/1528704.html>, 08.05.2012.

но влияет также активизировавшееся сотрудничество между Азербайджаном и Израилем в военно-политической сфере, усугубляющееся постоянными обвинениями Тегерана в предоставлении азербайджанской территории израильским спецслужбам для подрывных действий против ИРИ. Усиливающаяся иранофобия в Азербайджана и возрастающее ощущение угрозы со стороны Ирана уже вынуждают Баку частично переориентировать свой военный потенциал с карабахского направления на юго-восток, с усилением военно-морской составляющей в рамках ВТС с Израилем.

Естественно, что данные шаги вызывают негативную реакцию в Иране, несмотря на довольно неуклюжие попытки Баку оправдать масштабные закупки израильских вооружений, в том числе предназначенных для боевых действий на море, что они будут использованы против армян в Карабахе³. Вряд ли в Тегеране забыли также призывы в азербайджанском парламенте переименовать эту страну в «Северный Азербайджан», регулярные митинги протеста у посольства Ирана в Баку и многие другие подобные действия. А если не забыли, то могут в самый неподходящий момент и припомнить...

Анализ совокупности внутренних и внешних факторов, влияющих на политику ведущих внешних региональных держав на Южном Кавказе, в среднесрочной перспективе демонстрирует устойчивую тенденцию к сохранению в общих чертах того состояния статус-кво, свидетелями которого мы являемся уже достаточно длительное время. Также не заметно и каких либо существенных предпосылок в изменении политики в отношении к Армении со стороны России, Турции и Ирана.

Многие эксперты, в общих чертах соглашаясь с неизбежностью сохранения нынешнего статус-кво на Южном Кавказе, зачастую делают сознательные и подсознательные поправки на то, что масштабная форс-мажорная ситуация в регионе, каковым может быть лишь военный кризис вокруг иранской ядерной программы, может поколебать или разрушить данный статус-кво (как минимум вокруг Карабаха). Однако, как это уже неоднократно бывало, военный форс-мажор вокруг Ирана в очередной раз вновь откладывается, а значит, региональный «треугольник» будет продолжать сохранять свою геополитическую стабильность и «геометрическую стройность».

Не заметно и каких либо существенных предпосылок в изменении политики в отношении к Армении со стороны России, Турции и Ирана

³ См. подробнее: Минасян С., «Урановый катализатор для Кавказа: иранский кризис и карабахский конфликт», Иран.Ру, http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=80054, 24.04.201

Денис Пурьжинский

Центральноазиатский вектор Ахмадинежада — проблемы и перспективы

Отношения между Исламской Республикой Иран и государствами Центральной Азии к моменту избрания на пост президента Ирана Махмуда Ахмадинежада в июне 2005 г. имели давнюю историю. С каждой из центральноазиатских республик у ИРИ сложился особый характер взаимоотношений, поэтому говорить о единой политике Ирана в отношении всего региона Центральной Азии было бы некорректно. Стоит подчеркнуть, что в данной публикации речь будет идти не о Центральной Азии в определении UNESCO, куда входит и северо-восток Ирана, а о взаимоотношениях ИРИ с республиками Средней Азии и Казахстаном, к которым, также часто применяют термин «Центральная Азия». С приходом к власти М. Ахмадинежада, Иран активизировал свою деятельность на центральноазиатских рынках, направил свой внешнеэкономический вектор на участие иранских компаний в межгосударственных экономических проектах. В период президентства Ахмадинежада Иран стал одним из ключевых акторов, влияющих на центральноазиатский регион.

Таджикистан

Наиболее тесные связи Иран в период президентства Ахмадинежада поддерживал с Туркменистаном и Таджикистаном. Особое место в ирано-таджикском экономическом сотрудничестве занимают проекты в энергетической сфере. Одним из самых значимых совместных проектов двух стран стало строительство Сангтудинской ГЭС-2, выработка электроэнергии которой достигла 110 МВт. Создание ГЭС стало возможно благодаря иранским инвестициям в размере 220 млн долларов. Вскоре Иран планирует построить Айни ГЭС мощностью 150 МВт на реке Зарафшан, а также малую ГЭС мощностью 22 МВт на притоке Зарафшана реке Искандарья стоимостью около 50 млн долларов. Помимо того иранская сторона вложила более 30 млн долларов в строительство автомобильного Анзобского туннеля, который соединяет Душанбе и Худжанд.

Несмотря на то, что участие Ирана в таджикской экономике значительно, реализация некоторых совместных инвестиционных проектов идет не достаточно активно. Но вместе с тем отмечается постоянный рост товарооборота между двумя странами. В настоящее время в Таджикистане работают более 150 иранских компаний. В 2005 году, когда президентом Ирана стал М. Ахмадинежад, товарооборот между Ираном и Таджикистаном составил 67 млн долларов, а уже в 2006 г. вырос почти в два раза, до 110 млн долларов. В 2011 году товарооборот между двумя странами составил уже 204,2 млн долларов, однако это всего лишь на 2% превышает показатель 2010 года. Таджикистан, в основном, экспортирует в Иран хлопок и первичный алюминий, а взамен приобретает продукты питания, строительные материалы, изделия химической промышленности и машиностроения. В числе торговых партнеров Таджикистана в 2011 г. Иран уступил по товарообороту России (1036,4 млн долларов), Китаю (661,3 млн долларов), Турции (619,1 млн долларов) и Казахстану (470,1 млн долларов).

Определенных успехов Иран добился в направлении создания так называемого «союза персоязычных стран» — Ирана, Таджикистана и Афганистана. Так, спустя год после своего избрания, в июле 2006 г., М. Ахмадинежад вместе с Э. Рахмоном и Х. Карзаем создают трехстороннюю комиссию по сотрудничеству. При этом президент Ирана заявил, что «у нас все должно быть едино — экономика, культура и искусство; надо снять все преграды, которые нас разделяют», отметив, что «безопасность Таджикистана и Афганистана зависит от Ирана, а безопасность Ирана зависит от безопасности в этих странах». Конкретным шагом в данном направлении стало подписание договора о военном сотрудничестве между Тегераном и Душанбе в 2010 г.

В целом, динамика достаточно активного развития отношений между Ираном и Таджикистаном последних лет, вероятнее всего, сохранится.

Туркменистан

Стабильностью и поступательным развитием отличаются ирано-туркменские отношения. В первую очередь, их объединяют наличие протяженной общей границы. Отношения Туркменистана с Ираном строятся на базе экономической целесообразности. Политический фактор, учитывая нейтралитет Туркменистана, практически не сказывается на взаимоотношениях двух государств.

В 2006 г. товарооборот между странами составил 1,4 млрд долларов, а в 2011 уже 3 млрд долларов. В Туркмении зарегистрировано свыше 150 иранских предприятий.

Иран экспортирует в Туркменистан стройматериалы, легковые автомобили и автобусы, лекарства, комплексы химической водоочистки, электроприборы, фрукты, импортируя нефть и газ, электроэнергию, текстиль и продукцию животноводства. При помощи со стороны Ирана в Туркменистане построено или находится на стадии строительства около сотни промышленных объектов, реализуются транспортные проекты. В частности, в 2011 г. Ашхабаде между Правительствами Исламской Республики Иран, Султаната Оман, Государства Катар, Туркменистана и Республики Узбекистан было подписано Соглашение о создании Международного транспортного и транзитного коридора.

Укрепление дружественных отношений с Туркменистаном — одно из приоритетных направлений иранской внешней политики. Находясь в Туркменистане в июле 2006 г., М. Ахмадинежад заявил, что его страна не ставит никаких ограничений при развитии отношений с Туркменистаном. В период президентства Ахмадинежада, туркмено-иранский диалог, по словам президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова, «обрел новую динамику». По словам Ахмадинежада, «двухсторонние отношения должны развиваться и дальше, и для этого нет никаких преград». Подобная риторика звучала и на последующих переговорах на высшем уровне. На данный момент при поддержке Исламского Банка развития и участия Казахстана идет реализация крупного международного железнодорожного проекта «Север-Юг». В частности, в рамках мегапроекта в стадии завершения находится строительство железнодорожного проекта Тегеран-Ашхабад.

Вместе с тем, набирающий силу процесс развития отношений Туркменистана со странами Запада может сдерживать развитие туркменистано-иранского сотрудничества.

Казахстан

Взаимоотношения Ирана с Казахстаном достаточно стабильны. При этом активизации мешает казахстанская многовекторная политика «центрально-азитского барса», направленная одновременно на сотрудничество с Россией, Китаем, США, Италией, Сингапуром и другими государствами. Экономическое сотрудничество с Ираном не является приоритетом политики Н. Назарбаева. Главным фактором, препятствующим активизации казахстанско-иранского сотрудничества, являются связи Казахстана с США.

Несмотря на это, Ахмадинежад стремится увеличивать объемы экономического взаимодействия между странами. Так, например, немалых объемов достиг экспорт нефти из Казахстана. Республика ежегодно экспортирует более 1 млн тонн нефти через Иран.

Вместе с тем, в целом нельзя сказать, что Ирану и Казахстану удалось добиться серьезных успехов в экономической кооперации. Товарооборот между странами в период с 2006 по 2010 гг. сокращался. Ежегодный темп снижения объемов взаимной торговли составил 15%, с 2099 млн долларов в 2006 г. до 1120 млн долларов в 2010 г. Казахстан в основном экспортирует в Иран металлы и изделия из них, а также минеральные продукты и продукты животного и растительного происхождения, а ввозит оттуда продукцию химической и связанных с ней отраслей промышленности.

Узбекистан

Неоднозначно развивается диалог между Ираном и Узбекистаном. Политика Тегерана в отношении Ташкента начала меняться с 2005 г., когда руководство Узбекистана стало отходить от проамериканской внешнеполитической ориентации. С момента вступления в должность президента М. Ахмадинежада можно заметить активизацию отношений между странами. Тегеран стал придавать большее значение Узбекистану, понимая его значимость в регионе.

На Узбекистан приходится большая часть межправительственных консультаций, дипломатических визитов официальных лиц, но ощутимых плодов, ни в области экономического сотрудничества, ни в политическом взаимодействии столь интенсивный диалог практически не приносит. Несмотря на то, что было проведено уже 11 ирано-узбекистанских межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, товарооборот за последний год между двумя государствами даже снизился. По данным Госкомстата Узбекистана, товарооборот Узбекистана с Ираном в 2010 году составил 674,1 млн долларов. В 2011 году объем взаимной торговли снизился на 35% и составил 439,5 млн долларов.

Узбекистан экспортирует в Иран хлопковое волокно, черные и цветные металлы, минеральные удобрения, шелк и другую продукцию. Иран же поставляет в Узбекистан строительно-отделочные материалы, моющие средства, продукты питания, чай, фрукты и прочие товары.

Самым перспективным направлением ирано-узбекского сотрудничества является транспортная сфера. Точкой отсчета совместных проектов по улучшению транспортной инфраструктуры региона стало строительство в 1996 году железнодорожной ветки Теджен—Серахс—Мешхед, соединившей железнодорожные сети Ирана и центральноазиатского региона.

Основой межгосударственного сотрудничества в транспортной сфере является трехстороннее соглашение 2003 года между Ираном, Узбекистаном и Афганистаном, предусматривающее совместную координацию международных автомобильных перевозках и создание трансафганского коридора Термез—Мазари-Шариф—Герат, выходящего к портам Бендер-Аббас и Чахбахар.

Среди совместных международных транспортных проектов Ирана и Узбекистана можно выделить ввод в эксплуатацию железнодорожной ветки Бафк—Бандар-Аббас в 2006 году, а также будущий транспортный коридор «Узбекистан-Туркменистан-Иран-Оман-Катар» соглашение по которому было подписано в апреле 2011 г.

Кыргызстан

Взаимоотношения Ирана и Киргизии можно назвать стабильными. Сотрудничество республик осуществляется, в первую очередь, в рамках участия обеих государств в ряде международных структур — Организации Объединенных Наций, Организации Исламского сотрудничества, Организации экономического сотрудничества. Важным моментом, обуславливающим некоторую ограниченность взаимосвязей в политической сфере, является многовекторность Кыргызстана, выраженная, в частности, в присутствии на территории Киргизии американской военной авиабазы на территории международного аэропорта «Манас». Товарооборот Киргизии и Ирана в период президентства Ахмадинежада, за исключением снижения в 2010 г., держался на одном уровне — 60–70 млн долларов в год.

Перспективы

По-видимому, дальнейшая судьба отношений между государствами Центральной Азии и ИРИ, будет зависеть от главного фактора: какая держава

будет доминировать в Центральной Азии в ближайшей перспективе. В случае если чаша весов склонится к преобладанию США в регионе, Иран будет вынужден разорвать связи со своими партнерами, что негативно скажется на всей архитектуре многополярного мира, выстраиваемой независимыми государствами.

На наш взгляд, только лидерство России сможет обеспечить мир и безопасность в регионе. Наиболее перспективной кажется идея, выдвинутая в марте этого года директором Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков В.П. Ивановым, — создать Российскую Корпорацию сотрудничества со странами Центральной Азии, которая будет заниматься реализацией взаимовыгодных проектов совместного развития с центральноазиатскими республиками, а также Ираном, Афганистаном и Пакистаном.

Целью такой Корпорации, по замыслу, должны стать создание новых производств, новых рабочих мест, содействие повышению качества жизни населения региона, рост ВВП республик, сглаживание противоречий между государствами Центральной Азии, решение первоочередных проблем региона. В случае если Корпорация будет создана, представляется, что Иран, понимая, что Россия исторически является гарантом стабильности в Центральной Азии, поддержит идею работы по созданию экономически мощной, независимой от США, Центральной Азии.

Очевидно, что, несмотря на общий прогресс в сфере торгово-экономического сотрудничества, а также учитывая неблагоприятную внешнеполитическую конъюнктуру, можно сказать, что в период правления Ахмадинежада Иран еще не стал ведущим партнером для республик Центральноазиатского региона. При этом та динамика, с которой развиваются отношения в период его президентства, говорит о шаге вперед во взаимодействии между ИРИ и государствами Центральной Азии. Вместе с тем, существенного улучшения экономической и политической ситуации в Центральной Азии в будущем следует ожидать только в случае кооперации всех внутрирегиональных государств, целенаправленной интенсификации работы по решению общих проблем.

Сергей Дерин

Ситуация в Иранском Курдистане

В многонациональном Иране курды являются одним из крупнейших национальных меньшинств общей численностью, по разным оценкам, от 4 до 7 миллионов человек. Кроме «титularного» остана Курдистан они составляют большинство населения в Западном Азербайджане и Керманшахе, северной части остана Илам и западных районах остана Хамадан.

Отсюда — повышенное внимание, которое уделяет руководство Исламской Республики Иран

Значительное количество курдов (курманджи) проживает также в недавно образованных провинциях Северный Хорасан и Хорасан-Резави. В Северном Хорасане они являются самой большой этнической группой и составляют 37% населения, в то время как персы составляют лишь 29%, а следующие за ними хорасанские турки — 27%. Немало курдов также в останах Гилян, Тегеран и Эльбурс («Альборз»).

Почти половина иранских курдов — шииты по вероисповеданию. Это, в первую очередь, курды Хорасана, переселенные туда еще в 18 веке для защиты рубежей страны от узбеков и туркмен, Керманшаха, Илама, западного Хамадана, а также восточной части Курдистана, Тегерана и Эльбурса. Кроме того, среди иранских курдов распространены более экстравагантные верования. В частности, езидизм, который представляет из себя сложный микс из шиизма, зороастризма, доисламских верований и даже — как считают некоторые исследователи — несторианства, и религию Яр(е)сан (курдск. «сообщество друзей») или — по-персидски — Ахль-е-хакк («народ истины»). Надо сказать, что для курдов вообще никогда не была характерна религиозная ортодоксия в какой бы то ни было форме. Одними из первых испытал на себе всю убедительность мусульманской проповеди, курды, однако, еще и в эпоху позднего средневековья не вполне перешли в ислам, да и сейчас нередко предпочитают самые гетеродоксальные его разновидности, как например, алавизм в Сирии и Турции.

В общем и целом, курдское движение в Иране никогда не имело такого размаха, как в Турции и Ираке. Для Тегерана всегда была характерна более взвешенная и трезвая политика в отношении курдского меньшинства.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что персов объединяет с курдами языковое родство, происхождение, древняя история, многие праздники и обычаи, чего не скажешь о турках и арабах. Курды и персы бывало объединялись и против общего врага, как это было во время ирано-иракской войны 1980–1989 гг. в отношении режима Саддама Хусейна, проводившего в отношении иракских курдов политику геноцида. К тому же в Иране живет ряд народов, с которыми курдов связывают узы еще более тесные, чем с

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что персов объединяет с курдами языковое родство, происхождение, древняя история, многие праздники и обычаи, чего не скажешь о турках и арабах

персами — например, луры и бахтияры, которых в прошлом нередко относили к курдскому этносу, равно как и белуджи, гилянцы, мазендеранцы и тальши, говорящие на близкородственных курдскому языках.

Конечно, в общей истории не обходилось и без эксцессов. В июле 1880 г. на съезде курдских вождей в резиденции главы дервишского ордена накшбандия шейха Обейдуллы в городе Шемдинли на территории Османской Турции (sic!) был разработан план восстания, а в августе отряды перешли границу с Ираном, овладели городом Соуджбулаком (ныне Мехабад) и Миандоабским шахрестаном и осадили город Урмию. К повстанцам присоединились местные курдские племена и в течение полутора месяцев шахские власти во всем иранском Курдистане были свергнуты. Однако плохая организация и предательство некоторых вождей привели к тому, что восстание было быстро подавлено подоспевшими регулярными войсками.

Следующее восстание прошло в скором времени после Первой мировой войны под предводительством Исмаила Ага Симко, однако и это восстание было быстро подавлено будущим шахом, тогда главнокомандующим иранской армией и военным министром Резой Пехлеви.

В ходе Второй мировой войны Иран был оккупирован СССР и Великобританией. Позднее однако советские войска были отведены несколько севернее, к линии Ушну-Миандоаб, в то время как британские войска остановились на линии Сердешт-Секкез. На освободившейся территории и возникла курдская Мехабадская республика, которая просуществовала с 22 января по 16 декабря 1946 года и пала в связи с решением Сталина вывести оккупационные войска из северного Ирана под давлением Англии и США.

Непродолжительная история независимости «Мукринского Курдистана», как еще называют Мехабадский район, наглядно демонстрирует, что курдские образования в Иране могут существовать только опираясь на иностранную военную силу и гибнут в случае ее отвода. Кроме того, события 1946 года, как и предшествующие восстания продемонстрировали, что в курдском обществе нет единства по поводу собственной политической судьбы. К сторонникам автономизации или суверенизации Курдистана относится преимущественно формирующаяся интеллигенция, ориентирующаяся на европейские ценности государства-нации в противовес идеологической платформе официальной иранской теократии. Этому способствует

и тот факт, что ислам не играет в жизни курдов той консолидирующей роли, какая принадлежит ему среди персов. В то же время, архаичность курдского общества и сохраняющиеся родо-племенные отношения приводят к тому, что идеи независимости и курдской государственности не пускают сколько-нибудь глубоких корней в народном сознании. Такая ситуация прослеживается даже в Турции, где репрессии против курдского населения временами граничили с геноцидом, и где боевые действия между отрядами партизан «пешмерга» и турецкими регулярными войсками с большей или меньшей степенью интенсивности продолжают на протяжении десятилетий. Как пояснил один из высокопоставленных советников Президента Турции (1989–1993) Тургута Озала (самого отчасти курда): «Если спросить курдов, требующих независимости, хотят ли они ездить в Стамбул по загранпаспорту и визе, все, кроме маргиналов, дадут задний ход и будут настаивать на том, что они не желали настоящего отделения».

По всей видимости, мощнейшим фактором, возбуждающим среди курдов Ирана сепаратистские устремления является существование де-факто независимого и имеющего неплохие экономические перспективы иракского Курдистана. Из всех частей Большого Курдистана именно иракская отличается наибольшей и — в общем — обоснованной непримиримостью в отношении интеграции в «титальное» общество. Во-первых, Ирак в целом, по-видимому, обречен как целостное государство. Суннитское меньшинство с центром в Багдаде неспособно контролировать страну, а шиитское большинство не очень интересуется происходящим на севере. Во-вторых, стратегическое геополитическое расположение и природные богатства иракского Курдистана делает его объектом интересов американского правительства и западного капитала. Так, на территории иракского Курдистана работает около 3800 иракских и иностранных компаний, он обладает шестыми по объему в мире запасами нефти, большие надежды возлагаются на развитие туризма. Работают несколько спутниковых каналов с вещанием на курдском языке (точнее, языках — курманджи и сорани), четыре университета, два современных аэропорта, существует собственная служба безопасности и армия. Наконец, в-третьих, именно иракские курды в недалеком прошлом больше всего испытали от правительства собственной страны.

Представляется, что в настоящее время именно ситуация в сопредельных с Ираном государствах является главным дестабилизирующим фактором в иранском Курдистане, и даже основные сепаратистские группировки инспирированы «ближним зарубежьем». Так, главная головная боль Тегерана в регионе — группировка РЖАК (курдск. «Партия свободной жизни Курдистана») тесно связана с Курдской Рабочей Партией. Согласно сообщению *New York Times*, «РЖАК имеет общее руководство и снабжение с Курдской

Рабочей Партией, их объединяет приверженность общему лидеру — Абдулле Оджалану». По сути, это одна и та же организация. Разница лишь в том, что РПК действует против Турции, а РЖАК — против Ирана. Видимо на основании этого США долгое время отказывались причислять РЖАК к террористическим группировкам, в отличие от РПК. Более того, лидер РЖАК Абдуль Рахман Хаджи Ахмади в 2007 году посещал Вашингтон. Управляет группировкой он из своего постоянного места жительства в Кельне, при этом Германия отказалась экстрадировать его в Иран на основании того, что он немецкий гражданин. Неудивительно, что официальный Тегеран рассматривает РЖАК как американскую агентуру в своих западных районах.

Несмотря на значительные финансовые вливания в населенные курдами районы страны и определенные успехи в борьбе с незаконными вооруженными формированиями, приведшие в 2011 году к капитуляции РЖАК и подписанию этой группировкой соглашения с руководством Иракского Курдистана о прекращении вооруженной активности на границе с Ираном, очевидно, что решение курдской проблемы зависит не только от усилий Тегерана и требует доброй воли и согласованной политики всех непосредственно заинтересованных государств региона. Только сообща Иран, Турция, Сирия и правительство Иракского Курдистана могут найти конструктивное решение курдского вопроса, избежав пересмотра государственных границ и вмешательства внешних сил, и, тем самым, создать условия для стабильного поступательного развития населенных курдами территорий Ближнего Востока.

Антон Евстратов

«ЛУЧШИЙ ИЗ ХУДШИХ»

Завершившийся второй тур президентских выборов во Франции принес этой стране нового лидера. Прежний президент, одиозный и катастрофически непопулярный Николя Саркози, установивший в этом смысле сразу несколько антирекордов, уступил свой пост Франсуа Олланду.

Среди упомянутых антирекордов Саркози следует отметить и его первое место в рейтинге самых непопулярных лидеров Франции за последние 25 лет в 2008 году, и «исторический» результат на выборах — второе место в первом туре голосования, которое ранее не занимал ни один действующий президент этой страны.

Неудивительно, что с приходом нового главы государства, как внутри, так и вне его ждут перемен. Что касается Франции, то эти самые перемены ожидаются слишком многими, ибо проблем в период президентства Саркози накопилось предостаточно. Более, чем напряженные отношения седьмой республики с Ираном, несомненно, являются серьезной внешнеполитической трудностью, которая должна быть разрешена. Казалось бы, кто, как ни новый президент, да еще и весьма левых взглядов, способен нормализовать взаимодействие между двумя государствами. Ведь, как правило, именно европейские левые являются самыми большими «друзьями» «третьего мира», в том числе и его мусульманской составляющей. И здесь, казалось бы, даже не имеет значение то, что ценности ислама, оформленные в Иране на законодательном уровне, кардинально расходятся с теми, что пропагандируются европейскими, в том числе и французскими, социалистами.

Вряд ли с именем Франсуа Олланда стоит связывать какое-либо ухудшение отношений между ИРИ и Францией. Этот вывод можно сделать хотя бы потому, что хуже они уже быть не могут. «Самый проамериканский президент» седьмой республики Николя Саркози, как нам представляется, сделал максимум для разрыва всякого конструктивного взаимодействия с Исламской республикой. Именно Саркози являлся основным инициатором принятия против ИРИ жестких экономических санкций в начале 2012 года. Французский президент добился настолько серьезного «успеха» в этом деле, что Иран сам прекратил поставки нефти во Францию и Великобританию, немало удивив своих «судей и палачей». Последствия введенных санкций еще предстоит ощутить на себе не только Франции, но и всей посткризисной Европе.

Помимо этого, Николя Саркози и члены его правительства не раз «кошмарили» цивилизованный мир ядерной программой Ирана, а также перспек-

тивами Исламской Республики по овладению ядерным оружием. На конференции послов Франции летом 2011 года экс-президент и вовсе пригрозил Ирану атомным ударом. По его словам, работы иранских научных и административных сотрудников по созданию ракетного и ядерного потенциала способны вызвать превентивный удар со стороны какой-либо, способной на это силы. Вместе с тем, Саркози предусмотрительно не назвал конкретную страну, которая могла бы нанести данный удар. Помимо работ по созданию ряда отраслей собственной военной промышленности, Иран обвинялся администрацией Николя Саркози и в помощи другим государствам.

Николя Саркози и члены его правительства не раз «кошмарили» цивилизованный мир ядерной программой Ирана, а также перспективами Исламской Республики по овладению ядерным оружием

В частности, имеются в виду обвинения Тегерана в поставках оружия в Сирию, против которой Западом было введено эмбарго.

Надо отметить, что нередко от слов французские должностные лица при прежнем президенте не раз переходили и к делу. В частности, во Франции в течение пяти месяцев находился в заключении по подозрению в импорте ядерных технологий иранский инженер Маджид Какаванд. Какаванд, работавший в Иранском исследовательском институте нефти, был задержан французской полицией в марте 2009 года по ордеру, выданному американской юстицией. Основанием для ареста и заключения под стражу 35-летнего инженера стало постановление суда американского штата Калифорния о том, что он «осуществил закупки тысяч единиц предметов военного и коммерческого назначения и нелегально вывез их в Иран через Малайзию». Содержание Маджида Какаванды в парижской тюрьме всерьез обострило и

без того далеко не лучшие отношения Франции и Исламской Республики Иран. Только после ряда резких заявлений представителей иранского внешнеполитического ведомства инженер был отпущен.

Справедливости ради заметим, что среди должностных лиц Исламской Республики французская администрация также не пользуется большой популярностью. Например, Франция обвинялась в помощи Израилю в создании ядерного оружия. А в 2010 году «удару из Тегерана» подверглась первая леди Франции — Карла Бруни. На этот раз «подача» была со стороны иранской прессы. После того, как Бруни выступила в поддержку иранки Сакине Мохаммади-Аштиани, приговоренной к смертной казни, консервативная газета «Кейхан» назвала первую леди «женщиной с низкими моральными устоями» и «плохой репутацией», упомянув о немалом количестве романов и внебрачных связей жены президента Саркози.

К чести официальных властей Исламской Республики стоит отметить, что они не только подчеркнули свою непричастность к данному инциденту, но и осудили поступок журналистов «Кейхан».

Все указанные меры, без сомнения, не могли способствовать не только укреплению, но и сохранению отношений Франции и Ирана на партнерском или даже нейтральном уровне. Однако тем, кто надеется на серьезные перемены в этих отношениях с приходом на пост президента французской

республики Франсуа Олланда, не следует ожидать слишком многого. Да, этот политик представляет Социалистическую партию Франции, являясь, «европейским левым». Да, он позиционировал себя как противника политики Николя Саркози в отношении Евросоюза, выступая, в частности, против разработанного экс-президентом Франции вместе с германским канцлером Ангелой Меркель пакта о финансовой стабильности в Европе. Да, Олланд даже намерен вывести французский контингент из Афганистана, всерьез ослабив таким образом помощь Соединенным Штатам Америки. Однако, что касается непосредственно Ирана, то Олланд в целом не настроен дружелюбно по отношению к Исламской Республике.

В частности, 29 апреля, при посещении Музея Холокоста в Париже, политик выразил свою обеспокоенность в связи с ядерной программой Ирана. По словам Олланда, он готов принять меры к тому, чтобы «угрозы» Исламской Республики в отношении Израиля не осуществились. Впрочем, что именно он намерен делать, тогда еще кандидат в президенты не прояснил. Не известна на данный момент и общая линия политики нового главы Франции в отношении Ирана. Тем не менее, его заявление вряд ли позволяет делать какие-либо радужные прогнозы, касаясь улучшения взаимодействия двух стран. Максимум, на что можно надеяться на данный момент — это на некоторую «разрядку» по сравнению со временами Саркози. Остановка словно бы планомерного понижения уровня взаимодействия этих государств, несомненно, возможна.

В заключение следует сказать, что и противникам Исламской Республики, в частности, Израилю, не следует питать каких-либо серьезных надежд на нового французского лидера. Так, один из еврейских интернет-ресурсов Франции, JSS, недавно отмечал, что на этих выборах полностью приемлемого кандидата для еврейской общины страны не было. Как делились своими мыслями авторы данного ресурса, речь шла лишь о том, чтобы выбрать «лучшего из худших». С этой точки зрения из представленного списка кандидатов в президенты Франции Олланд выглядит, пожалуй, наиболее приемлемо и для Исламской Республики, так как среди его конкурентов значились такие одиозные личности, как уже бывший президент Николя Саркози, неизвестно что планировавший на свой второй срок, и лидер крайне правого «Национального Фронта» Марин Ле Пен, от которой Тегерану также вряд ли стоило ждать мягкой и гибкой политики.

Ряд специалистов отмечает, что Франсуа Олланд, которого отнюдь не только сторонники Саркози называют «пуддингом», «бухгалтером» и «нулем» станет переходной фигурой перед приходом нового политика более серьезного масштаба. Пожалуй, именно с данной перспективой есть смысл связывать свои ожидания в отношении взаимодействия с Францией и Исламской Республики Иран.

Не известна на данный момент и общая линия политики нового главы Франции в отношении Ирана

Игорь Николаев

Российский «креативный класс» против Ирана

Российская оппозиция меняет тактику и направления деятельности. Если раньше все усилия «белополосочных» были направлены на обличение «режима этой страны», то сегодня мишенью для нападок становится внешняя политика. Вся мощь пропагандистского аппарата российского либерализма разворачивается в сторону стран, сотрудничество с которыми необходимо прежде всего самой России по одной простой причине — только в сотрудничестве с ними она имеет шансы остаться Державой, а не сырьевым придатком Европы и США.

По странному совпадению, бешеную ненависть оппозиции вызывают именно те страны, сотрудничество с которыми «категорически противопоказано» России Госдепартаментом США. Но это ведь — не более чем совпадение, не правда ли?

Фетва, которой не было

Стоило состояться телефонному разговору Владимира Путина с Махмудом Ахмадинежадом, разговору достаточно теплому и конструктивному, стоило наметиться прогрессу на переговорах по «иранскому ядерному досье» (а это означает устранение формальных препятствий для диалога с Ираном), как тут же представители российского «креативного класса» обрушились на Иран со вполне прозападными обвинениями — в «подстрекательстве к терроризму» и «нарушении прав на свободу слова». Поводом к этому послужила якобы изданная аятоллой Лутфоллах Сафи Голпагани фетва в отношении проживающего в Германии рэпера Шахина Наджафи. Ну а дальше — «пошла писать губерния»: и к смерти Наджафи приговорили, и за голову его 100 тысяч евро пообещали, и группы религиозных фанатиков уже точат кинжалы, готовясь терзать рэперское тело в ритуальных целях. «Российская газета» откликнулась на столь чудовищное событие большой статьей, в которой автор поднялся до высот Достоевского и провозгласил, что все геополитические выгоды российско-иранского сотрудничества не стоят слезинки рэпера, а «режим, где фетва важнее любых международных законов и обязательств, угрожает всему человечеству».

Автор — типичный представитель российского «креативного класса». Невежественен, некомпетентен, с завышенными амбициями и абсолютной уверенностью, что во всем разбирается и имеет право все судить и обличать. Более того, считает себя тонким аналитиком, умеющим видеть суть событий. На самом деле, все его достоинства заключаются в том, что ему удалось пристроиться на непьющую работу, на которой он достаточно талантливо пересказывает и интерпретирует чужие мысли и идеи. Критического мышления — ноль, умения работать с информацией — ноль, желания разобрататься в ситуации — тоже ноль, потому как это требует каких-никаких, но усилий.

Я понимаю, что большинство пишущих в российских медиа об Иране персидского языка не знают, а потому иранские сайты для них недоступны. Но вот изначальная информация об этом событии на русском: «Аятолла Луфуллах Сафи Голпайгани на вопрос одного из последователей сказал: «К сожалению, последнее время живущие в эмиграции контрреволюционеры в виртуальном мире, то есть интернете, на сайтах и своих блогах откровенно оскорбляют нашего смиренного имама Наги». На вопрос, какое наказание ожидает таких лиц, он ответил так: «Если они оскорбляют святого, то они считаются вероотступниками».

А дальше следует комментарий (!) издания: «По существующим в Иране законам, обвиненного в вероотступничестве лица следует убить и в отношении таких людей выносятся смертные приговоры...». Более того, автор статьи обвиняет аятоллу, ни много, ни мало, в призыве к совершению террористических актов против людей, живущих за пределами Ирана. Дальше — больше, автор как будто пытается навязать читателям предвзятое отношение к Ирану, используя в своих комментариях такие термины, как «безумство аятолл» и «мракобесное Средневековье». Что ж, в российской блогосфере, в жешечках либералов и не такое можно встретить, однако никто пока о «русском пещерном либерализме» в «Российской газете» не писал.

Зависть как двигатель наезда

Вся эта надуманная история не выдерживает элементарной проверки. Но автора это не устраивает, ведь «креативный класс» любит что-нибудь эдакое, кошмарное. Им обязательно кровь жертвы («кровавой гэбни», муллократов, тоталитарного строя — нужно подчеркнуть) подавай. Ну а если с этим «напряженка» — то неизрасходованная энергия обличения обращается на «власть» и других официальных лиц. В данном случае — на блог посла Ирана в РФ господина Резы Саджади. В вину послу ставится то, что он никак не прокомментировал историю, произошедшую исключительно в мозгу автора и его братьев по разуму, простите — по медиа. Это дает основание намекать (прямо говорить он не может, ибо как всякий представитель «креативного класса» достаточно, выразимся политкорректно, осторожен в словах, за которые можно вполне реально получить укорот), что в журнале недостаточно честности: «в записях, сделанных в «Живом журнале» иранским послом, нет ни слова об этом приговоре, словно списанном с мрачных страниц средневековья, когда аналогичные бумаги составлялись католической церковью в отношении «еретиков». Но с тех пор

прошли столетия, цивилизация шагнула далеко вперед. Везде, но не в Иране».

Пытаться в дискуссиях с «креативным классом» призывать к логике — дело безнадежное. Потому вопрос чисто риторический: как можно требовать обсуждения события, которого не было? Воля ваша, но это что-то уже совсем запредельное, этак мы скоро до обсуждения политических последствий сновидений отдельных авторов докатимся...

Впрочем, циники, впадшие в ересь критического отношения к «креативному классу» и матери его — «засвободе», утверждают, что в подоплеке «наезда» на блог господина Саджади присутствуют и другие мотивы, один из которых — зависть.

Без всяких СУПовых махинаций, блогу Резы Саджади удастся раз за разом добиваться высоких рейтингов и собирать огромную аудиторию. Более того, блог давно уже стал местом не только общения, но и вполне реальных дел, начиная от велопробега людей с ограниченными возможностями и до увеличения числа туристов, как уже побывавших, так и планирующих посещение Ирана. В блоге господина Саджади достаточно мало политики, больше — зарисовок о стране и людях, живущих в ней. Но порой несколько фотографий вдрызг разносят многостраничные опусы противников Ирана, прибавляя послу и Исламской Республике «френдов» и доброжелателей. Надо отдать должное, не каждый посол может иметь смелость вести такой актуальный блог и поддержать его на высочайшем информационном и интеллектуальном уровне. На фоне унылых политизированных блогеров «гуру либерализма», продвинутых блогеров и прочих — картина, связанная с блогом иранского посла получается совершенно иная. Ведь, он, по сути, оказывает всем нам неоценимую услугу, отвечает на самые сложные и насущные вопросы современности в связи с Ираном, его блог стал реальной информационно-аналитической площадкой и по количеству посещений конкурирует с информационными агентствами и некоторыми стратегическими центрами.

Российский «креативный класс» полон презрения к таким людям, он внушает себе и окружающим, что только его деятельность заслуживает внимания. Но в глубине души любой «креативщик» знает, что он — не более чем накипь, что суть его — понты и он полностью зависим от западных трендов. А потому он испытывает жгучую ненависть ко всему, что из этого тренда выпадает.

Социальные истоки российской иранофобии

Право же, российский «креативный класс» и его оппозиционность — достаточно малоинтересны. И уж тем более — не заслуживает особого внимания их возня и антииранские выпады. Если бы... Если бы они не являлись выразителями мнения и социальных устремлений значительной части российской политической элиты. И вот здесь необходимо понять несколько вещей.

Большинство российской политической элиты (и левые, и правые) — являются западниками и будущее России видят исключительно в союзе с Западом. Любой конфликт с Западом для них смертелен, потому как разрушает

основу существования этой элиты — получение сверхприбыли от безоглядной распродажи ресурсов и возможность тратить эти сверхприбыли на потребление по западному типу (впрочем, в некоторых сферах потребления Запад мы уже обогнали).

Эта, ориентированная на Запад часть правящей российской элиты в отношении готова отказаться от проведения Россией самостоятельной внешней политики. Гораздо предпочтительнее для этой элиты было получение статуса «особого партнера», который на принципах аутсорсинга осуществлял функции по профессиональной поддержке и сопровождению интересов Запада в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, на Южном Кавказе. Разумеется, не задаром, а в обмен на инвестиции в «модернизацию». Более того, часть этой самой правящей элиты уже на полном серьезе начала поговаривать о том, что исторической ролью России может и должно стать привнесение на Восток западных ценностей через структуры СНГ, ШОС и ОДКБ.

Экономической базой этой элиты служит «экономика трубы», а развитие производства и восстановление экономики она считает излишней. Итогом такой политики стало то, что Россия стремительно утрачивает не только политическую, но уже и культурную привлекательность для тех же среднеазиатских республик.

Итогом стало то, что из-за деиндустриализации, обвала высокотехнологичных и наукоемких отраслей (в первую очередь, разумеется, речь о ВПК), снижении научного потенциала — сегодня России практически нечего предложить на рынках вооружений из того, что не могли бы предложить им другие игроки в большем объеме, лучшего качества и на более выгодных финансовых условиях.

И, наконец, итогом этой политики стало то, что интересы России на Востоке свелись, по сути, к двум вещам — обуздание наркотрафика и недопущение волны миграции, вызванной региональными конфликтами. Согласитесь, такие интересы — это далеко не стратегический уровень, особенно в сравнении с интересами ЕС, США и Китая.

Ночным кошмаром Запада является укрепление регионального сотрудничества России с Китаем и Ираном и включение в орбиту этого сотрудничества Центральной Азии и Пакистана. Подобное стратегическое партнерство вызывает ожесточенное сопротивление западноориентированной политической элиты. Во-первых, как уже говорилось, политика создания такого стратегического блока вызовет противодействие Запада, от которого эта элита почти полностью зависима. Любой конфликт с Западом для этой элиты смертелен, потому как, повторюсь, разрушает основу его существования — получение сверхприбыли от безоглядной распродажи ресурсов. И если правительство Израиля требует от представителей российского Еврейского Конгресса оказать давление на руководство РФ в целях ужесточения позиции России по Ирану, то можно себе представить, какого уровня будет давление на зависимый от Запада российский бизнес в деле срыва стратегического партнерства с Ираном и Китаем.

И, во-вторых, что, на мой взгляд, гораздо более важно, реализация стратегического блока с Ираном и КНР потребует наращивания внешнеполитического потенциала России, то есть — расходов на проведения внешней политики, включая себя и расходы на оборону. Единственный источник

финансирования здесь, как бы ни пытались уверить нас в обратном, — ограничение сверхдоходов российского капитала, в первую очередь — завязанного на экспорт сырья и энергоресурсов. Что происходит, когда кто-то пытается покуситься на святое, на доходы олигархических структур — думаю, что никому объяснять не надо. Тут информационная война будет тотальной, а на российский белополосочный резистанс норманнские берсерки будут с завистью глядеть.

В мышлении российского «креативного класса» присутствует одна черта, способная изумить любого, кто слабо знаком с российскими же реалиями. «Креативный класс» совершенно не способен учиться и извлекать исторические уроки. Совершенно ясно, что отказ от безоглядного братания с Западом, постепенная переориентация на Восток (что подразумевает, в том числе, укрепление отношений с Ираном) являются насущной необходимостью не только внешней, но и внутренней политики, способом уйти от роли «сырьевого придатка», способом сохранения статуса Державы. Но по большому счету, на Россию «креативному классу» плевать, важнейшим для него является безудержное потребление, а там — хоть потоп. Целим в Иран — попадаем в Россию, вот ведь как интересно получается. Ничего не напоминает?

Леонид Шершнев

Иран и Афганистан в планах США и НАТО: следствия для евразийского проекта России

НАТО во главе с США является Организацией, вся деятельность которой направлена на установление господства над миром. Но этого нельзя добиться, согласно концепции Макиндера, без достижения превосходства на Евразийском континенте, без установления полного контроля над Ираном и Афганистаном, а затем и Россией. Иран и Афганистан, занимающие выгодное геостратегическое положение, издревле рассматривались теми, кто стремился покорить мир, как ключ, открывающий доступ к сокровищам Востока, базовый транзитный узел для продвижения в Индию, Китай, завоевание соседних территорий.

Идея господства над миром была и пока остается главной движущей силой истории, под каким бы соусом она не осуществлялась, какими бы мотивами или лозунгами она не прикрывалась. Колонизаторы всегда несли и пытались навязать свою систему ценностей покоренным народам. Следует отметить явные различия русской колонизации от западной. Если Западная Европа, англосаксы в первую очередь, навязывали свои ценности, уничтожая самобытность поработанных народов, то территориальное расширение Российской империи, осуществлялось таким образом, что народы не поработались, а присоединялись и вливались в общий социум, в семью народов, духовно взаимно обогащались. Сошлюсь на такой пример. Автор «Истории завоевания Средней Азии» и участник тех событий генерал Терентьев Михаил Африканович в 1875–76 гг. издал четыре учебника: «Русская азбука для школ в Средней Азии», «Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке», «Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская», «Хрестоматия турецкая, персидская, киргизская и узбекская». В русской традиции в отношении других народов всегда присутствовали справедливость, человечность, совесть.

Вот почему в России так легко были восприняты идеи социализма, также нацеленные на мировое господство, но в отличие от Запада, несшие с собой высокий, благородный смысл освобождения человечества от эксплуатации и угнетения. Когда советские войска входили в Афганистан, я искренне

верил, что мы творим созидательную мировую революцию и несем благо афганскому народу. Эта вера укрепилась в Ташкургане, областном центре, где мне довелось организовывать первый митинг с местным населением. На митинг в поддержку ввода советских войск пришло порядка двух-трех тысяч местных жителей, одетых далеко не по осенне-зимнему сезону. Поразили бедность, отсутствие электричества, канализации и других, обычных для нас элементов жизнеобеспечения в этом областном центре. Никогда не забуду разговор со мной отца и сына, узбеков-военнослужащих, призванных из запаса, а их было до 80–85 процентов в личном составе. «Если бы не русские, не Россия, мы жили бы сегодня также, в такой же бедности и нищете». Не случайно душой афганской революции были офицеры, которые учились в Советском Союзе и которым хотелось, чтобы их страна была такой же, как и СССР.

И Иран, и Афганистан являются нашими естественными и истинными союзниками. Вот уже длительное время они противостоят главному противнику России, да и всего мирового сообщества, которое озабочено выживанием человечества. От исхода этого противостояния во многом будет зависеть судьба России, конфигурация передела мира. И Иран, и Афганистан непосредственно примыкают к странам СНГ и оказывают заметное влияние на кавказский и среднеазиатский регионы, особенно на ситуацию на Каспии, где открыты мировые запасы нефти и газа. Поэтому мы не можем оставаться равнодушными к тому, что происходит в Иране и Афганистане и вокруг них. 11 лет продолжается оккупация Афганистана американско-натовскими войсками. США угрожают войной Ирану, рискуя свергнуть мир в вооруженное, ядерное противостояние. Против Ирана осуществляются разного рода санкции. Наш прямой долг оказать всестороннюю, включая военнотехническую, помощь и Ирану, и Афганистану для защиты их суверенитета, независимости, обеспечения безопасности.

На мой взгляд, оценка Россией и ее реакция на действия США и НАТО против Ирана и Афганистана является непоследовательной, противоречивой, а порой и ущербной. Так, 11 апреля с.г. Президент Путин В. В., отчитываясь перед депутатами Государственной Думы еще как премьер-министр, фактически оправдывал оккупацию Афганистана американско-натовскими войсками и оказываемую им помощь со стороны России. Дескать, западное сообщество и НАТО «держат там ситуацию под контролем, выполняют там нашу работу», иначе нашим солдатам пришлось бы воевать на таджикско-афганской границе. Более того, Путин сказал, что «мы с вами заинтересованы в присутствии американско-натовцев в Афганистане и надо помогать им решать проблему стабилизации ситуации» в этой стране, что «полностью соответствует национальным интересам Российской Федерации и нашего народа». Нельзя не согласиться с ним в том, что надо считаться с реалиями, то есть идти на компромиссы. Да, Владимир Ильич Ленин учил, что хоть с чертом надо заключать компромиссы, если они на пользу революции. Но какой прок нам от игр в партнерство с США и НАТО в афганском вопросе? Упомянутый выше генерал Терентьев убеждал нас, русских, не верить англосаксам, обязательно обманут. Так случилось с их обещанием не расширять НАТО, а сейчас тот же обман с ПРО в Европе. Сколько можно быть доверчивыми к бессовестному и лицемерному противнику?

Глубоко убежден, что наше партнерство с США и НАТО в связи с Афганистаном противоречит национальным интересам России. Проамериканская

позиция Москвы в этом вопросе усугубляет обстановку в регионе, ослабляет, дискредитирует Россию, убеждает обывателя в том, что наша политика полностью подчинена «вашингтонскому обкому», что мы зависимая от США страна.

Мне трудно понять логику президента Путина. Кто у него в советниках, сумевших внушить ему мифологемы в отношении афганской политики США? Что он не верит в свою способность справиться с экстремизмом у себя в стране без американской помощи? Как можно утверждать, что оккупация Афганистана американско-натовскими войсками отвечает нашим национальным интересам?

К слову сказать, натовцы продолжают распространять свои мифологемы в России. 13 мая директор Информационного Бюро НАТО в Москве Роберт Пшель выступал в Ставрополе на круглом столе перед общественными деятелями, преподавателями и студентами. Ключевая его мысль была: НАТО — основа безопасности на Кавказе и Сочи-2014. Нам только натовских войск не хватало, чтобы обеспечить безопасность Олимпийских игр! Не дай Бог, если наш Президент поверит с подачи «доброжелателей» и в эту мифологему.

Впрочем, последнее решение В. В. Путина не ехать в Кэмп-Дэвид на заседание «Группы восьми» внушает осторожный оптимизм в отношении того, он пересмотрит свою позицию относительно роли США и НАТО в Афганистане. На этот раз он избежал расставленной ему ловушки. Дело в том, что заседание «Группы восьми» было привязано к саммиту НАТО. Вначале оба мероприятия даже планировались в одном месте — в Чикаго, и только недавно были разнесены в разные города. Есть предположения, что готовился Мюнхенский сговор образца 1938 г. о переделе сфер влияния за счет Ирана и Афганистана, как когда-то за счет Чехословакии. Отказ Президента Путина принимать участие в этом мероприятии спутал все планы США и НАТО по переделу мира. Тем самым Президент России показал, что США уже не являются для него геополитическим приоритетом и что Россию сейчас больше интересуют внутривосточные дела, отношения со своими партнерами в Евразии.

Какие мои предложения в отношении Ирана и Афганистана?

Во-первых, надо добиваться скорейшего вывода американско-натовских войск из Афганистана и прекращения давления США, Запада, НАТО на Иран. Мне не очень верится в то, что США совсем уйдут из Афганистана. Они подготовили на его территории пять военных баз, способных длительно существовать в автономном режиме. Более того, ими ведутся переговоры с руководством Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Казахстана о размещении американских военных объектов в этих странах. Для США очень важно сохранить в этом стратегическом регионе Евразии свои форпосты, свое военное присутствие, чтобы оказывать тем самым воздействие на Россию, Китай, Индию, Иран, Пакистан.

Во-вторых, следует принять Иран и Афганистан в Шанхайскую организацию сотрудничества сначала в качестве наблюдателей, а затем и полноправ-

ных членов. ШОС призвана оказать содействие в мирном восстановлении Афганистана, в обеспечении региональной безопасности. Нельзя доверять США и НАТО безопасность в регионе. Это дело самих государств, расположенных в нем. Надо объединить усилия России, Китая, Индии, Пакистана и других соседних государств в оказании всемерной помощи Афганистану, чтобы общими усилиями вывести страну из бедности, отсталости на путь прогресса и процветания. 5–7 июля с.г. состоится саммит ШОС в Пекине, в работе которого примет участие и Президент России В.В.Путин. Было бы хорошо, если бы главы государств, входящих в ШОС, приняли решение о программе содействия восстановлению и всестороннему развитию Афганистана после вывода оттуда американско-натовских войск. В его основе должно лежать положение том, чтобы сделать Афганистан предметом коллективной заботы, образцовым примером для мирового сообщества того, как можно общими усилиями соседей превратить отсталую, раздираемую острыми противоречиями страну в мирную и процветающую. Именно ШОС и только ШОС могла бы обеспечить целостность Афганистана как государства, предотвратить его расчленение и распад, чему есть реальные предпосылки. Так, в США уже нашла поддержку идея создания Исламского Эмирата Вазиристан на территориях, заселенных булуджами.

В-третьих, следовало бы также рассмотреть возможность участия в той или иной форме Ирана и Афганистана в Организации Договора о коллективной безопасности. Сегодня исполнилось 20 лет со дня создания Договора о коллективной безопасности, который спустя 10 лет, 14 мая 2002 г., был преобразован в ОДКБ после вторжения вооруженных бандформирований из Афганистана в Киргизию. По случаю 20-летнего юбилея сегодня в Москве, параллельно с нами, проходит встреча глав стран Содружества Независимых Государств, на которой обсуждаются вопросы, связанные с повышением роли ОДКБ в обеспечении военной безопасности на постсоветском пространстве, в регионах потенциальных конфликтов СНГ, в первую очередь, в Центральной Азии и на Кавказе. Возросшая активность ОДКБ отчасти связана с планами США и Израиля, касающимися нанесения ударов по Ирану, негативные последствия которых обязательно затронут интересы России и других стран региона. Афганистан и Иран должны войти в зону ответственности ОДКБ за безопасность и вносить свой вклад в ее обеспечение.

В-четвертых, научному сообществу России важно сосредоточить свои усилия на разработке Концепции Евразийского Союза. Пока эта инициатива Президента Путина не вполне понятна. В каком составе, какие цели, в какой структуре, на какой идеологии мыслится этот союз? При всех раскладах представляется полезным участие в нем Ирана и Афганистана. Может быть, его основой могли бы стать ШОС и Содружество Независимых Государств. Пока ясно одно: будущее России может быть обеспечено именно в Евразийском Союзе. Только тогда мы можем гарантировать ее способность противостоять враждебным вызовам США и НАТО. Но создание Евразийского Союза представляется невозможным, если Россия не станет сильной, разумной, привлекательной. Пока она остается слабой, зависимой и легко уязвимой, народы и государства тянуться к ней не будут и на ведущую роль в Евразии, мире ей рассчитывать не стоит.

В-пятых, общественности не стоит уповать на государственные структуры в реализации своих представлений о внешней и внутренней политике. Нужно активно включаться в политику, для чего в последние месяцы сложились

благоприятные предпосылки. Власти сделали ряд шагов в сторону признания важной роли общественных организаций в политических процессах в стране, в мире. Особенно значимыми представляются акции общественной дипломатии, призванные содействовать установлению контактов, налаживанию дружественных отношений с населением Ирана, Афганистана и других государств Евразии. Что касается афганского общества, то, прочувствовав на себе «прелести» американско-натовской оккупации, его различные слои все больше с ностальгией вспоминают «шурави», советских людей, выполнявших свой долг в Афганистане. Мне довелось как-то встретиться с полевым командиром, воевавшим когда-то против нас. Сейчас он искренне сожалеет об этом. Есть немало и других свидетельств тому, что афганский народ сохранил добрые чувства к русским людям и готов к самому тесному сотрудничеству с Россией.

Способствуя общими усилиями подъему Афганистана, следует в полной мере учитывать советский опыт оказания помощи этой стране. Даже во время нахождения там советских войск мы не только воевали с вооруженными отрядами оппозиции, но и созидали, строили, учили, лечили. Наши командиры отчитывались не только о результатах боестолкновений, но и о наличии «дружественных кишлаков» и «дружественных банд», в тесном контакте с которыми они решали задачи стабилизации обстановки в районах дислокации воинских частей и соединений. Глубоко убежден, что сегодня найдется немало добровольцев из числа советских «афганцев» и членов их семей, готовых оказать помощь в строительстве нового Афганистана. Жизненно важным было бы возвращение на Родину афганской интеллигенции, вынужденной покинуть страну в условиях ее американско-натовской оккупации.

В-шестых, надо развивать современные коммуникации, социальные сети в регионе. Прогресс работает на Иран, Афганистан и против НАТО. Например, афганцы, приезжающие из своей страны, говорят о ее массовой телефонизации и быстром росте компьютеризации. Для производства электроэнергии используются небольшие плотины, другие источники. Это расширяет наши возможности взаимодействия друг с другом. В 1978 году, когда я служил в Туркестанском военном округе, мы за полгода предсказали победу исламской революции, возглавляемой аятоллой Хомейни. Основанием для нашего вывода послужила информация о том, что в Иран доставлен миллион кассет с выступлениями Хомейни и что ими заслушивается все население страны. Нам в Москве не поверили. Шахский режим, по сути американский, представлялся непоколебимым. Но иранский народ сверг его, подтвердив силу Слова, силу Духа. Более того, Иран сегодня наглядно демонстрирует, каких успехов может добиться мусульманская страна в области образования, науки, техники, культуры, если она свободна в своем развитии от США, Запада.

И последнее. Несомненно, у нас есть все шансы переумничать, переиграть США, Запад, НАТО в навязанном ими противостоянии, потому что наше дело Правое и победа будет за нами. Успех борьбы во многом будет зависеть от того, насколько мы — Россия, Иран, Афганистан, страны СНГ и ШОС, сумеем объединить свои усилия в экономическом, политическом, гуманитарном, военном отношении во имя мира, безопасности и процветания, ради жизни на Земле.

Сергей Небренчин

Иран в Евразийском контексте внешней политики России

Как считают эксперты, сложившееся положение дел в мировой политике и глобальной экономике не может обеспечить переход ведущих мировых держав к следующему шестому технологическому укладу (нано-, био-, инфо-, когно) на основе новых источников энергии взамен устаревшей системы накопления капитала на базе углеродной энергетики, инструментов военного и информационного принуждения народов мира. Ситуация усугубляется нарастанием геодемографических и социально-политических противоречий в мире, природно-климатических, техногенных и других катаклизмов.

По оценкам специалистов, переход к постиндустриальной экономике знаменует начало азиатского цикла накопления капитала, а это означает новый виток геополитического противоборства вокруг Евразии, где уже сейчас протекает около 80 % войн и вооруженных конфликтов. При этом в эпицентре столкновения глобальных интересов оказывается все постсоветское пространство. Главными инструментами внешнего вмешательства в дела самого большого континента на Земле выступают транснациональные корпорации, военно-политическая система НАТО и международная объединенная корпорация СМИ и интернет ресурсов, которые действуют под жестким контролем «мировой закулисы».

Исторический опыт прошлого столетия подсказывает, что спор о будущем мировой архитектуры, обеспечивающей следующий технологический рывок, будет сопровождаться созданием новой финансовой системы. Причем либо рождение такой системы спровоцирует новую мировую войну, по аналогии с созданием ФРС — Первая мировая), либо наоборот «большая» война приведет к НФС, — Вторая мировая — Бреттон-Вудс. В нынешнем контексте развития мировых событий также вряд ли удастся избежать «большой» войны. Таким образом, земная цивилизация вступила в новый угрожаемый период своего развития, последствия которого сегодня непредсказуемы. Возможность втягивания в «большую» войну России — это для нее сегодня главный геополитический вызов, прямая угроза национальной безопасности, территориальной целостности и суверенитету страны.

История свидетельствует о том, что решения о «больших» войнах принимаются в «тиши» теневого кабинета «закулисы», подготовка ведется по каналам спецслужб. В публичной сфере обрабатывается в нужном русле через

СМИ общественное мнение, дезинформируются потенциальные противники, на международных форумах и встречах обсуждаются второстепенные темы, нередко отвлекающие от главного вопроса мировой текущей повестки. 18–19 мая в Кэмп-Дэвиде в загородной резиденции президента США пройдет встреча в верхах (58, а уже 20–21 мая в Чикаго состоится 25-саммит НАТО. На повестке дня — среднесрочная политика НАТО в Афганистане, долгосрочные многонациональные проекты, в частности, европейская ПРО, политика в отношении России, «умная» защита (зтай ее&ше) и политика в арабском мире. Планируется рассмотрение и ряда «негласных» проблем, среди которых особняком стоит «иранская» проблема.

Предстоящие саммиты в США, как считают некоторые эксперты, могут стать неким историческим подобием Мюнхенского сговора 1938 года. Как известно, тогда Великобританией, Францией, Германией и Италией были подписаны соглашения о передаче Германии Судетской области Чехословакии. Впоследствии, несмотря на предложенную от СССР военную помощь, Чехословакия была полностью разделена между Германией, Венгрией и Польшей. Что в конечном итоге привело к нападению Германии на Польшу и началу Второй мировой войны.

Сегодня вместо Германии в роли агрессора выступают США и их ближайшие союзники по НАТО. На роль СССР сегодня претендует Китай — главный геополитический конкурент Запада. Вместо Чехословакии «разменной картой» может стать Сирия, вокруг которой активно уже ведутся «закулисные торги». Ареной начала войны, по исторической аналогии с Польшей в 1939 г., может быть избран Персидский залив и, в частности, территория Ирана. Вокруг Ирана уже давно развернута мощная группировка США и их союзников, готовая нанести удар. Приготовления к войне последовательно ведет Израиль. Предпринимаются активные шаги, чтобы поскорее завершить антисирийской кампанию и высвободить усилия для войны с Ираном.

Иранский феномен

Находясь в Иране, сразу понимаешь, почему именно это государство подвергается таким беспрецедентным нападкам. Современный Иран — это фактически альтернатива существующей западной модели, которая доминирует в мире. Несмотря на некоторые восточные издержки, в стране создан некий социальный мусульманский правопорядок и мир, государственная внутренняя политика основывается на принципах исламской справедливости, международная деятельность ведется с учетом национальных интересов. Страна живет и успешно развивается. ИРИ не изгой, как это подается в странах НАТО, а самодостаточное независимое государство с передовой промышленностью, опирающейся на современные технологические разработки, мощным аграрным сектором, высоким уровнем социальной поддержки населения. Несмотря на санкции против Ирана, которые регулярно вводятся Западом с 1979 года, со времен победы Исламской революции в стране, показывает сегодня неплохие экономические результаты. Так, рост ВВП в последнее время стабилен и составляет 6% в год. Ожидается, что в 2013 году доход на душу населения достигнет 7 тыс. долларов. ВВП Ирана в прошлом году составил 490,1 млрд долларов. Приоритетом иранской экономики является уход от нефтеэкспортной зависимости: если в 1990 году

экспорт страны в 12 раз превышает импорт, то в 2011 году — лишь на одну треть. 10% ВВП Ирана составляет продукция сельского хозяйства, 45% — промышленности и еще 45% — услуги.

Уникальны возможности и перспективы Ирана в самообеспечении и торговле углеводородами, что также вызывает ненависть США и их союзников по НАТО. Иран обладает вторыми после России в мире разведанными запасами газа (21 трлн кубометров, 14% мировых запасов). Россия занимает лишь 9-е место в торговле с Ираном, существенно уступая Евросоюзу, Индии, ОАЭ и Южной Корее. В 2011 году товарооборот России с Ираном составил всего 3,5 млрд долларов, а в 2012 году, в связи с режимом санкций, уже уменьшился на 30%. Между тем, иранский бизнес выражает готовность активизировать двустороннее сотрудничество с Россией, осуществлять расчеты в рублях.

Современный Иран не является закрытой страной, отгородившейся от внешнего мира, как это подается в мировых СМИ. Тегеран связан со всем миром — в аэропорту полным полно народу. Рейсы во все уголки мира — Дубай, Пекин, Париж, Ганновер, Москва и т.д. Страна с более чем 2500 летней историей и уникальной восточной культурой обращена в будущее. Наука, образование, информационные технологии и интернет прочно вошли в повседневную жизнь иранцев, значительную часть которых составляет молодые люди. В Иране прекрасно уживаются XIV и XXI век, исламские традиции и современные стандарты жизни. В общественном транспорте, в частности, метро мужчины в европейской одежде, но без галстуков, и женщины в «хиджабах» (платках) или «паранджах» ездят в разных вагончиках. Женщина на своей «женской» половине в автобусе может кормить грудью ребенка, а другая попутчица, рядом, общаться по интернету со знакомыми на другом конце планеты. В Иране поражают цены. Можно проехать из одного конца Тегерана в другой 70 км на такси за 300–400 рублей на наши деньги. На автобусе, по российским меркам, это будет стоить копейки. Овощи и фрукты, что называется «прямо с грядки», пахнут так, что напоминают наше детство, а хлеб на следующий день не покрывается плесенью. Покупая молочные продукты, можно быть уверенным, что это не порошок. Мясо — высшего качества, как и вся пища — здоровая и экологически чистая.

Конечно, в этой восточной стране есть свои проблемы, социальные и другие противоречия, есть бедные и богатые, есть к чему стремиться дальше, чтобы было построено процветающее государство. Однако, современный Иран — это наглядный пример независимого успешного развития для других стран мира. ИРИ входит в число немногих государств мира, которые в действительности являются суверенными и развиваются не под внешним контролем и управлением, а самостоятельно с учетом своих национальных интересов.

Кстати, современная Россия не имеет «привилегии» проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику. И эта еще одна причина, наряду с тем, что Иран занимает выгодное геостратегическое положение в Евразии, обладает значительными энергоресурсами и людским потенциалом, боеспособной армией, по которой США и их ближайšie союзники по блоку НАТО вознамерились нанести военный удар.

Планы НАТО

Цель — дальнейшая дестабилизация ситуации в обширном регионе от Суэца до Тибета и перекройка геополитической карты Евразии. Обладая Иранским нагорьем, как составной части сердцевины («хартленда») Евразии, можно будет не только качать безграничные природные ресурсы страны, но и блокировать с этого направления главных соперников Запада — Россию и Китай, усилить на них своего внешнее влияние, повысить уровень прямой угрозы этим странам. Разрушив целый регион, экономику, систему добычи, потребление и транспортировки энергии, можно вызвать массовую миграцию в Россию и Европу, в результате неизбежны новые столкновения на этно-религиозной почве. Из прессы давно уже известны планы провоцирования развала России посредством дальней дестабилизации обстановки в регионах Средней Азии, Кавказа и Поволжья, отделения от РФ регионов Сибири и Дальнего Востока.

Процессы демографической перезагрузки России уже сегодня грозят непредсказуемыми последствиями для национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности страны. Происходящее сегодня с Россией очень похоже на то, что произошло в свое время с Византией, когда в кратчайшие сроки изменились демографический состав, социально-политическая природа, экономика и культура некогда могущественной цивилизации. Пришедшие на смену православным народам турки-мусульмане создали Османскую империю, стратегического союзника Запада и, прежде всего, Англии. Сегодня Турция продолжает союзнические традиции Блистательной Порты, являясь южным флангом НАТО.

Сегодня против Ирана развязана беспрецедентная информационная война, регулярно плетутся заговоры, совершаются провокации и диверсии, вводятся санкции, активно разжигаются внутриполитические противоречия на национальной, социальной и религиозной почве. В международном плане блокируются двухсторонние отношения ИРИ с другими странами и, в частности, с РФ. В мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока провоцируются суннито-шиитские конфликты. Дело в том, что само существование и могущество Ирана означает неизбежный крах марионеточных режимов Саудовской Аравии, Кувейта, Омана, Бахрейна, потому, что в этих искусственных странах сильны позиции шиитов. В случае ослабления Саудовской Аравии роль шиитов возрастает, серьезно ухудшается позиция Израиля.

Однако добиться желаемого результата Западу будет совсем непросто. Иранские элиты и общество, несмотря на имеющиеся внутривнутриполитические разногласия, в целом, консолидированы вокруг нерушимости политического курса безусловного соблюдения национальных интересов, обеспечения суверенитета и территориальной целостности страны. Машину НАТО и ее хозяев останавливает высокая морально-психологическая готовность населения Ирана к возможному силовому вторжению. Обладая подавляющим превосходством в технике и оружии, на Западе прекрасно понимают, что

Сегодня против Ирана развязана беспрецедентная информационная война, регулярно плетутся заговоры, совершаются провокации и диверсии, вводятся санкции

одними ракетными ударами ничего не решишь. Натовцы не могут даже переманить на свою сторону генералов, как это было в Ираке и Ливии, хотя эта работа ведется непрерывно. Вооруженные силы ИРИ имеют опыт десятилетней кровопролитной войны с Ираком, в которой потери иранской стороны превысили миллион человек, не считая жертв гражданского населения. На культе погибших, мучеников за веру, «испивших бокал смерти», выросло уже не одно поколение молодежи, готовой жертвовать во имя веры и своей страны. В Иране существуют пантеоны «шахидов». В этом плане страна мобилизована и готова к войне. Ислам шиитского толка сегодня выполняет в Иране консолидирующую и мобилизующую функцию, похожую на ту, что в свое время СССР.

Противодействие планам НАТО

Вмешательство НАТО в дела региона и возможный военный удар по Ирану неизбежно дестабилизируют обстановку во всем «южном подбрюшье» РФ и, прежде всего, в Кавказском регионе и Центральной Азии. В данном контексте в новой евразийской политике РФ, наряду с Китаем, Иран должен занять особое место. Главная задача России — это избежать втягивания в войну в регионе, обозначив стратегическую связку с Китаем. Важным инструментом сдерживания глобальной войны следует рассматривать международные политико-экономические и военные объединения с участием РФ. Немалые перспективы имеет объявленный курс на интеграцию России, Казахстана и Белоруссии с целью создания Евразийского экономического союза, последние шаги по ускорению интеграции — верный признак начала проведения мобилизационной политики в угрожаемый период развития земной цивилизации.

В целом, чтобы успешно противостоять негативному развитию событий на южных рубежах России, важно заблаговременно принять меры, в том числе включить современный Иран в евразийский контекст российской внешней политики. Это предполагает более активное вовлечение ИРИ в деятельность международных организаций с участием РФ и, в частности, ШОС, наращивание совместных дипломатических усилий по урегулированию конфликтных ситуаций в обширном регионе от Суэца до Тибета, в том числе, вокруг Афганистана, Сирии, Каспийского моря, расширение взаимовыгодных двухсторонних торгово-экономических и деловых связей, повышение уровня военного сотрудничества, последовательное развитие взаимодействия в гуманитарной сфере на неправительственном уровне. История российско-иранских взаимовыгодных отношений насчитывает более 400 лет и этим багажом нельзя не воспользоваться.

Одновременно требует кардинального пересмотра военная политика РФ. В целом, и на южных рубежах, в частности, наращивания и усиления здесь группировки сил и средств, повышения их готовности к боевому применению, назрела потребность в эффективном информационном обеспечении деятельности войск, адекватном нынешнему уровню информационного противоборства в мире. На современном этапе эффективная информационная работа становится решающим фактором отстаивания национальных интересов на международной арене, может обеспечить проведение в жизнь новой евразийской внешней политики России, успешно противостоять планам НАТО по дестабилизации обстановки в Евразии и мире.

Гейдар Джемаль

Аншлюс в благородных семействах

На фоне громких и масштабных событий, которые на протяжении последних пары лет потрясали Ближний Восток, Саудовская Аравия все-таки нашла способ удивить мировое сообщество. Министр информации Бахрейна Самира Раджаб объявила миру о том, что ее страна теряет самостоятельность и присоединяется к своему большому соседу. На наших глазах происходит то, что в не совсем легальной экономической практике называется «поглощением».

С исторической точки зрения Бахрейн более славное образование чем «Саудия», поскольку его история восходит, как минимум, к III тысячелетию до н. э. В исламскую эпоху острова этого архипелага были территорией государства Карматов (IX–XI века) — леворадикального крыла исмаилитов, которым даже доводилось брать штурмом Мекку. Так что в некотором роде «шиитская» история Бахрейна старше, чем длительность существования шиизма в самом Иране (с 1500 года).

Бахрейнский правящий клан представляет собой традиционное звено «англофильской» партии, как, впрочем, и вся наследственная знать на востоке. Упасть в объятия саудовского великана крошечное государство вынуждено явно не от хорошей жизни. Мощные антимонархические выступления шиитского населения, составляющего 75% всех жителей Бахрейна привели к тому, что саудовцы при отсутствии комментариев со стороны пресловутого мирового сообщества ввели туда войска и потопили «бахрейнскую весну» в крови. В настоящий момент над всеми сколько-нибудь значимыми административными зданиями крошечной монархии развивается два флага: свой и саудовский; на островах находится около 2 тысяч саудовских военнослужащих.

Понятно, что инициатива присоединения островов к себе исходила не от правящего семейства Бахрейна, а от Эр-Рияда. Однако этот шаг крайне нелогичный, стратегически проигрышный для саудовцев и, безусловно, крайне опасный для всего региона в целом, был сделан в результате тяжелого положения, в котором оказалась к настоящему моменту крупнейшая монархия современного арабского мира.

22 года назад оказавшийся также в тяжелом положении саддамовский Ирак, который на тот момент числился в союзниках США, также пошел на захват Кувейта, поскольку Саддам считал, что у него нет другого выхода. Восемилетняя тяжелейшая война с Ираном, не окончившаяся ничем, несмотря на гигантские финансовые вливания и западную военно-техническую помощь,

стоившая иракскому народу полумиллиона жертв, воспринималась страной как проигранная. Саддам должен был любой ценой компенсировать это поражение, тем более, он являлся должником Кувейта, поддерживавшего Багдад во время антииранской войны.

Разумеется, захват Кувейта даже формально не выглядел как полюбовное соглашение с семейством ас-Сабах, в то время как в случае с Бахрейном ситуация представлена в виде своеобразного «аншлюса», но и разница бросается в глаза: Саддаму пришлось вторгаться военными силами на территорию Кувейта, а саудовцы сначала ввели туда формирования для помощи Хамаду аль-Халифе против собственного народа...

Каковы причины, толкнувшие саудовцев на этот, прямо скажем, отчаянный шаг? Прежде всего, это поражение в Сирии. Саудовцам не удалось свержение семейство Асад, и это является крупнейшим геополитическим провалом монархии, которую часто, но не совсем точно называют «ваххабитской».

Ликвидация нынешнего режима в Сирии должна была, по замыслу Эр-Рияда, открывать, с одной стороны, прямую дорогу к агрессии против Ирана, с другой же, демонстрировать всем арабам эффективность саудовского курса, с тем, чтобы в конечном счете привести монархические режимы

**Ликвидация
нынешнего
режима в Сирии
должна была,
по замыслу
Эр-Рияда,
открывать, с
одной стороны,
прямую дорогу
к агрессии
против Ирана,
с другой же,
демонстрировать
всем арабам
эффективность
саудовского
курса**

Персидского залива под контроль Эр-Рияда, создать нечто вроде полуостровного военного пакта, который явился бы ядром будущего халифата, неизбежно возникающего после ликвидации Исламской республики. Вместо этого Эр-Рияд продемонстрировал своим соседям, прежде всего, свою неэффективность в роли вершителя чужих судеб (в данном случае, судьбы Сирии); при этом провал в Сирии показал всему миру слабую поддержку саудовцев со стороны обамовского Белого дома. В действительности, замыслы «ваххабитской» династии, выпестованные в период правление Буша-младшего, совершенно не привлекают левых демократов, лидером которых является чернокожий президент-космополит. Его повестка дня вообще мало пересекается с проблематикой Большого Ближнего Востока, которая была так важна для его предшественника.

Однако неудача в Сирии — а это по сути окончательный провал всей антииранской стратегии — была только последним звеном в длинной цепи поражений. Наиболее болезненными из них стали

крушение режима Мубарака в Египте и режима Абдуллы Салеха в Йемене. И тот, и другой были прямыми клиентами саудовской династии и фигурами безусловно прореспубликанской ориентации, идеально вписавшимися в проектирование мира по неоконцовским чертежам. Их уход драматически оголил Саудовское королевство. Йемен — это вообще южное подбрюшье Хиджаза, откуда в сторону севера в военной истории полуострова всегда исходила угроза и осуществлялись вторжения. Переход политического пространства в Йемене по факту в руки радикалов означает, что кольцо вокруг

«пустынного королевства» начинает смыкаться. Многие полагают, что саудовцы стояли за крахом ливийского диктатора; однако это неверно. Гибель Каддафи не устраивала саудовский режим, ливийский диктатор, несмотря на публичные сенсационные скандалы с саудовцами в прошлом, существенно изменил свою политическую платформу после уничтожения саддамовского режима в 2003 году. В изменениях в Ливии гораздо больше был заинтересован соперник саудовцев — Катар. И это также предмет головной боли для «покровителя двух святынь» (Мекки и Медины). Небольшое, но весьма богатое государство уже более 15 лет бросает вызов саудовской династии, претендуя на лидерские позиции в арабской части Персидского залива. Попытки силовой нейтрализации Хамада бин Халифы ат-Тани пока к успеху не привели.

Одной из серьезных проблем, которая существует для эр-Рияда, является бесспорно политическое развитие того направления в Исламе, которое связывают с Братьями-мусульманами. Их откровенная победа на парламентских выборах в Египте не только вывела эту крупнейшую страну арабского мира из-под саудовского контроля, она также укрепила позиции Эрдогана в Турции, которая, несомненно, по ряду положений примыкает к «Ихван аль-муслимин». Кроме того, Турция сегодня активно пытается сблизиться с палестинцами, а это означает, прежде всего, сближение с ХАМАС — движением, представляющим филиацию Братьев-мусульман. Саудовцы всегда рассматривали это направление политического Ислама как своих злейших врагов. Именно поэтому в палестинском вопросе они поддерживали всегда всех соглашателей, идущих на поводу израильского режима, в частности, они поддерживают Махмуда Аббаса как «легитимного» лидера Палестины.

Куда не кинь — везде клин. Братья-мусульмане выходят на лидирующие позиции в странах Магриба, Турция дистанцируется от Израиля и сближается с Ираном, в Сирии Асад сохраняет в своих руках бразды правления, Запад теряет интерес к осуществлению старых бушевско-саудовских схем, Китай и Россия демонстрируют солидарность с Ираном и Сирией, монархии Персидского залива относятся с большим сомнением к идее повторить на Аравийском полуострове сомнительный опыт Евросоюза... Все это на фоне уже явственно нарисовавшейся перспективы исчерпания нефтяных ресурсов в недалеком будущем.

Что же надеются саудовцы решить аннексией Бахрейна? Те, кто думает, что этот шаг согласован с Соединенными Штатами, поскольку, дескать, в Бахрейне находится крупнейшая американская база, которой могут угрожать выступления шиитов, явно торопятся с выводами. Как раз наоборот, саудовский захват соседа, с одной стороны, дает Эр-Рияду рычаг давления на Вашингтон, поскольку представляет Саудовскую Аравию теперь как гаранта безопасности этой базы; с другой стороны, наносит удар по этой самой безопасности, поскольку неизбежно ведет к разворачиванию широкого сопротивления против не только собственного режима, но теперь еще и оккупантов. Саудовцы перешли к наглядным урокам в адрес своих малых соседей по полуострову: то, что было рассчитано как добровольный акт союза против Ирана в случае стратегического успеха в Сирии, теперь превращается в «добровольно-принудительную» сдачу своих суверенитетов.

Однако вряд ли монархии Персидского залива в восторге от перспективы стать пенсионерами в Ницце или Лондоне. Им ясно продемонстрировано,

что угроза реально исходит не от Ирана, а от того, кто считался их «старшим братом» и союзником. Саудовская Аравия начинает вести себя в буртальном имперском формате, который позволяли себе в новейшем времени такие державы как США и СССР.

Возможно, «мировое сообщество» и не прореагирует на эту аннексию суверенного государства так, как реагировало на захват Кувейтом Ирака. В конце концов, бахрейнский король не бежал и не возопил к Совету безопасности ООН о срочной помощи.

Но то, что арабские скакуны не готовы встать в уготованное для них саудовцами стойло — это очевидно. Объединенные Арабские Эмираты уже проводят совместные маневры ВМС с Ираном. А Катар неофициально предложил Ирану полюбовную сделку по Сирии. Таким образом, идея арабского фронта против Исламской республики Иран, столь долго гревшая душу всем ненавистникам шиитской теократии, скончалась на наших глазах в силу некомпетентности и профнепригодности нынешних правителей священного Хиджаза.

При всех вариантах аннексия Бахрейна взорвет Саудовскую Аравию изнутри. До сих пор в ее составе не было чужеродных элементов, которые могли бы стать ядром легитимного сопротивления. Патриоты Бахрейна — это готовая площадка для сбора всех обитателей «Саудии» второго сорта, не саудитов, неместных — а таких в стране подавляющее большинство! Так что Бахрейн можно считать вирусом смертельной болезни, от которой может умереть последние аравийские династии. Имя этого антимонархического недуга — революция.

Николай Кольчугин

Американская гегемония на Востоке и ядерная программа Ирана

Незадолго до начала нового раунда переговоров по иранскому «ядерному досье» между Ираном и «Шестеркой» международных посредников (пять постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германия), который запланирован на 23 мая 2012 года в Багдаде, США вернулись к особой жесткости в заочном

диалоге с Тегераном. Вашингтон не ограничивается враждебной риторикой в адрес ИРИ. Белый Дом старается использовать любую дипломатическую площадку и переговорные возможности разных уровней для получения поддержки своего враждебного курса в отношении Исламской Республики и его ядерной программы. Не стал исключением и саммит G8, прошедший в резиденции американских президентов Кэмп-Дэвиде 18–19 мая.

Напомним, что президент Путин занят формированием правительства, точнее, согласованием кандидатур в правительство, и приехать в США для участия в саммите не смог. Реакция Обамы была воинственной — он отказался ехать на саммит стран тихоокеанского региона во Владивостоке. Российскую делегацию возглавлял глава правительства Д. Медведев. Наш премьер-министр передал президенту США письмо от российского президента России, в котором излагаются позиции РФ по ряду направлений внешнеполитической деятельности и двусторонних отношений.

В ядерном вопросе Иран лишили презумпции невинности

Несмотря на то, что основной контекст саммита «Большой восьмерки» был посвящен экономике, и особое внимание было уделено проблемам Евросоюза, в повестке встреч нашлось место и для иранского «ядерного досье». Как и ожидалось, проблема иранской ядерной программы оказалась в центре обмена мнениями между лидерами ведущих государств мира. Из семи американских партнеров по «Восьмерке» (Россия, Великобритания, Германия, Франция, Италия, Япония и Канада), пожалуй, только переговорщик Медведев мог оставлять сомнения в полной поддержке позиции США в данном вопросе.

Союзники США, похоже, пришли к единому соглашению. По их мнению, в ближайшее время Иран должен сам убедить мировое сообщество в том,

что его ядерная программа носит не военный, а мирный характер. Именно так истолковали итоги их переговоров израильские сетевые СМИ, как всегда, со ссылкой на неназванного высокопоставленного чиновника в администрации США. По словам инкогнито из американской администрации, якобы, ключевой момент в позиции G8 заключается в том, что не «восьмерка» должна доказывать миру, что ядерная программа Ирана носит военный характер, а иранские руководители обязаны предоставить весомые и исчерпывающие доказательства обратного.

Однако ЦРУ пока не обнаружило никаких свидетельств, указывающих на развитие программы создания ядерного оружия. Молчание Израиля на этот счет говорит об отсутствии также подобных сведений и у «Моссад».

В стремление своего руководства создать атомную бомбу сами иранцы в своем большинстве не верят и отметают обвинения Запада. Опыт более чем 30-летнего противостояния Исламской Республики с одной из ведущих ядерных держав — Соединенными Штатами — убедил иранское общество в том, что обладание ядерным оружием не дает гарантий, ибо вероятность его применения сведена до минимума. Иранцы считают, что «атомные страшилки» нужны, скорее, Вашингтону для сдерживания России и Китая.

Заявления иранских официальных лиц о том, что никакие санкции не заставят их страну отказаться от продолжения исследований в ядерной сфере, не вызывают отторжения в иранском обществе. Овладение ядерной энергией — атрибут национальной гордости. В Тегеране любят подчеркивать, что количество стран, способных освоить ядерный цикл, в мире ограничено. В среде правящего духовенства успехи в развитии ядерной энергетики, также как и прогресс в космической программе, высоко оцениваются еще и потому, что это не только поднимает международный престиж государства, но и доказывает эффективность исламских режимов в мусульманских странах вообще.

Изменить что-либо в таком подходе смогли бы неопровержимые доказательства наличия военной составляющей атомных исследований Ирана. Глава МИД России Сергей Лавров в интервью афганскому телеканалу «Толо» в этой связи совершенно определено указывал на то, что «какие-либо доказательства проведения Ираном работ по созданию ядерного оружия отсутствуют». Обратим внимание на то, что отсутствие доказательств не является результатом слабого внимания к ядерной программе со стороны Вашингтона или Тель-Авива.

ЦРУ отслеживает с помощью различных технологических средств иранские действия по обогащению урана и разработке ракетных технологий. Среди этих мер — электронное наблюдение, прослушивание телефонных разговоров, анализ радиолокационных и цифровых изображений ядерных объектов, размещение датчиков вблизи подозреваемых объектов и использование беспилотных летательных аппаратов над секретными объектами. Известны факты ведения со стороны США воздушной разведки военных и ядерных объектов на иранской территории.

Однако до сих пор свидетельств, указывающих на развитие Ираном программы создания ядерного оружия, американской разведкой не получено. США позиционируют себя в мировом сообществе как образец правового государства, а значит должны признавать равенство всех субъектов меж-

дународного права, в том числе и Ирана. Презумпция невиновности ИРИ в ядерном вопросе для Вашингтона должна бы означать не сугубо американское отношение к исламскому правительству, а объективное положение международного права. Обвинять Иран в практической деятельности по созданию ядерного оружия неправомерно до тех пор, пока это не доказано и не установлено законным порядком компетентными органами ООН.

На этом фоне само включение «ядерного досье» Ирана в повестку саммита «Большой восьмерки» представляется несвоевременным, налицо ставшее привычным желание американцев заменить собой ООН и его организации, в данном случае МАГАТЭ. Объяснение этому одно — на Капитолийском холме хотели бы чужими руками, в данном случае странами «Восьмерки», продавить исламский режим в Тегеране и заставить его капитулировать перед Западом. Сейчас не только в экспертной среде, но и среди политиков многих стран, преобладающим становится мнение, что ядерная программа ИРИ используется лишь как повод для оправдания американской гегемонии в регионе Ближнего и Среднего Востока, на пути которой встал как раз Иран.

Иран вытесняет США из региона

Избранная стратегия политического курса Ирана в ближайшей перспективе, вряд ли, претерпит серьезные изменения. Нужно признать, что Тегеран достиг определенных успехов в расширении масштабов антиамериканской и антиизраильской деятельности в Западной Азии. В Иране, не без оснований, полагают, что рост антиамериканских настроений и недовольства нынешней политикой США в регионе создают в исламском мире серьезные препятствия для реализации Белым Домом своих стратегических замыслов, и не только в отношении ИРИ. «Иранский фактор» мешает Белому Дому во многих странах региона, в том числе считавшихся ранее зонами американских интересов. Рассмотрим некоторые аспекты иранской политики по усилению своего влияния и вытеснению американцев на примере Пакистана.

У США с Ираном в последние годы отмечаются острые противоречия в борьбе за стратегическое партнерство с Пакистаном. Вопрос поставлен перед Исламабадом ребром: «С кем и против кого он будет дружить». По словам пакистанского президента, Исламабад не допустит ослабления тесных связей с Ираном под давлением американской администрации.

16–17 февраля 2012 г. в Исламабаде состоялся двухдневный саммит с участием Пакистана, Афганистана и Ирана. Президенты обсуждали вопросы активизации усилий по расширению взаимного сотрудничества и установлению мира и безопасности в регионе. На этом форуме в ходе переговоров с Ахмадинежадом президент Зардари заверил иранского президента, что Пакистан не станет оказывать какую-либо помощь США в конфликте с Ираном. В ответ президент Ахмадинежад на саммите назвал отношения с Пакистаном, как с ядерной державой, примером альянса, который показывает, что «в основе политических отношений лежит не ядерная бомба или иное оружие..., а только гуманитарная основа и культурные ценности, которые скрепляют отношения наших государств...». Отметим, что ранее дипломатические источники в Европе, сообщали, что если Израиль нападет на Иран, то ядерный Пакистан может ответить ударом по Израилю. Об этом,

в частности, заявлял Верховный комиссар Пакистана в Великобритании Ваджид Шамсул Хасан: «У Пакистана не останется никакого выбора, кроме как поддержать Иран в случае нападения Израиля на него».

К Ирану у Исламабада есть огромная энергетическая заинтересованность. По данным министерства энергетики Пакистана, ежегодно от дефицита электроэнергии, а также недостатка энергетического сырья ВВП страны сокращается на 4%, а уровень безработицы вырастает на 10%. Исходя из этого, судя по всему, официальный Исламабад заинтересован довести до конца строительство столь нужной ему газовой магистрали из Ирана. Причем пакистанская сторона уже давала понять, что не боится даже угрозы международных санкций, которые могут быть наложены на нее в этой связи Вашингтоном. Касаясь вопроса строительства газопровода, по которым иранский газ будет поставляться в Пакистан, министр нефти ИРИ Ростам Касеми отмечал, что контракт на поставки газа в Пакистан уже подписан. На данный момент уже построен и эксплуатируется газопровод общей протяженностью около 1200 км, а с прошлого года ведется строительство газопровода длиной 170 км, который протянется до границы с Пакистаном. По словам министра, есть все основания надеяться на то, что поставки иранского газа в Пакистан по данному газопроводу начнутся к 2014 году.

Ввод в эксплуатацию газовой магистрали из Ирана в Пакистан для США и Европы в регионе, пожалуй, страшнее «ядерного досье». Ведь, Запад делал и делает все для того, чтобы не пустить иранские углеводороды на внешние рынки. Осенью 2011 года Евросоюз предоставил Еврокомиссии мандат на проведение переговоров между Азербайджаном и Туркменистаном относительно Транскаспийского газопровода.

Азербайджан, несмотря на то, что особой выгоды от транзитных платежей туркменского газа не видит, свой политический выбор сделал в пользу США и Евросоюза, усиленно продвигающих этот проект. Обострение отношений с Москвой из-за газопровода его не останавливает. Баку готов даже в ущерб собственным экономическим интересам, ведь туркменский газ на рынке Турции усилит конкуренцию с азербайджанским газом, идти и дальше на стратегическое сближение с Западом. Однако необходимо учитывать, что самый выгодный маршрут для транспортировки среднеазиатского газа лежит через территорию Ирана. Разумеется, Туркменистан и рад бы был сотрудничать в этой сфере с Ираном, но американское и европейское давление не позволяют этого сделать. В свою очередь, возможность реализации данного проекта, активизируемая заинтересованными силами в США и ЕС, беспокоит не только Иран, но и Россию. Москва и Тегеран выступают против строительства газопровода по дну моря, которое к тому же и не разграничено.

Россия серьезно озабочена угрозой военной операции

Против возможности создания Ираном ядерного оружия выступает действительно большинство стран мира, в том числе и Россия. Эта позиция не имеет особой антииранской направленности, точно также мы выступаем против распространения ядерного оружия в любой другой стране. Вместе с тем, российское руководство отвергает возможность применения необоснованных и бездоказательных жестких мер и военных ударов. Россия ясно дает

понять, что будет использовать все свое дипломатическое влияние, чтобы выступать против войны. МИД РФ намерен блокировать любые дальнейшие санкции против Ирана и выступать против любой новой резолюции в Совете Безопасности ООН. «Мы считаем, что санкции по отношению к Ирану потеряли свою полезность», — отмечал задолго до встречи «Восьмерки» в Кэмп-Дэвиде Геннадий Гатилов, заместитель министра иностранных дел России. Российскую дипломатию и ее позицию по ядерной программе Ирана коллеги из американского госдепа, как показывает их неизменный курс на военное решение вопроса, игнорируют.

В Вашингтоне, похоже, осталась непрочитанной и предвыборная статья В.Путина в «Известиях», где он высказался весьма недвусмысленно: «Убежден, решать проблему нужно только мирным путем. Мы предлагаем признать право Ирана на развитие гражданской ядерной программы, включая право обогащать уран. Но сделать это в обмен на постановку всей иранской ядерной деятельности под надежный и всесторонний контроль МАГАТЭ. Если это получится — тогда отменить все действующие против Ирана санкции, включая односторонние». В Иране надеются, что с новым сроком президентства В.Путина Тегерану удастся вывести свои отношения с Москвой на более доверительный уровень. Конечно, иранцы хотели бы заручиться определенными гарантиями России своей безопасности перед лицом угрозы вероятного военного столкновения с США и их союзниками.

Политический курс Запада, направленный на изоляцию ИРИ на международной арене, не должен лишать Тегеран поддержки стран, выступающих за «многополярную глобализацию», в том числе и России. Военный потенциал Ирана не сопоставим с мощью США и их союзников. Поэтому религиозное руководство ИРИ стремится избежать военного столкновения с Западом, поскольку во всех остальных вариантах угрозы смены режима в Иране нет. Соединенные Штаты, заигравшись подавлением исламского режима в Иране, уже потеряли эту страну, где за 33 года, прошедшие после революции 1979 года на антиамериканской риторике воспитано новое поколение иранцев, в том числе и тех из них, кто сейчас занимает политические, государственные и военные позиции в иранском руководстве.

А для России терять Иран смысла нет. Допустить военного поражения Исламской Республики и дестабилизации обстановки в этой стране мы не имеем права. Пример Ливии тому яркое подтверждение, а Иран по конфликтному потенциалу несравненно опаснее. Межэтнические конфликты, сопровождающие все американские сценарии установления демократических свобод, могут коснуться миллионов азербайджанцев, курдов, белуджей, арабов, проживающих в стране. Нельзя исключать открытого вмешательства в карабахский конфликт на азербайджанской стороне и игнорирование интересов России в этом регионе, что в состоянии втянуть в войну российские войска в Армении. Если война Запада с Ираном вопреки здравому смыслу и интересам большинства проживающих здесь народов будет развязана, то для России это станет, пожалуй, самым серьезным военным испытанием в ее новейшей истории и приведет к беспрецедентным вызовам национальной безопасности Российской Федерации на самых ближних ее рубежах.

Заместитель министра иностранных дел России Сергей Рябков по результатам саммита «Группы восьми» в Кэмп-Дэвиде в очередной раз предупредил Запад, что Россия озабочена тем, что «возможность попытаться решить

иранскую ядерную проблему военными методами по-прежнему рассматривается как реальная». МИД России имеет сигналы публичные и по закрытым каналам о том, что военная опция сейчас воспринимается в некоторых столицах «как гораздо более применимая ко всей этой ситуации, чем до сих пор». По словам Сергея Рябкова, военная операция против Ирана неизбежно приведет к дестабилизации в регионе и в мире в целом, а также негативно отразится на глобальной экономике. В этой связи к предстоящей в Багдаде встрече «Шестерки» международных посредников по Ирану Россия «подготовила конкретный и детальный набор предложений», в том числе и по поводу неэффективности санкций. Российская сторона отрицает эффективность санкционного воздействия на Иран, и, как отмечает заместитель министра иностранных дел РФ, западным партнерам «стоит взвесить, когда в их системе координат можно будет начать вначале приостановку, а затем отмену санкций». Другими словами, США и их союзникам предлагается сохранить лицо, но отступление все же начать.

В заключение отметим, что загнать Иран в угол требованием «Восьмерки» о предоставлении доказательств того, что ядерная программа ИРИ не носит военный характер, вряд ли, удастся. Представители высшего иранского духовенства убеждены, что «заигрывание» с США и странами Запада в целом не способно привести к ослаблению международной изоляции Ирана, а лишь продемонстрирует определенную слабость Тегерана. По их мнению, усиление давления на ИРИ со стороны США не связано с «ядерным досье», а, по-прежнему, направлено на свержение исламского правления в Иране в рамках американской инициативы «Большой Ближний Восток».

Сергей Петров

Посол Ирана в Азербайджане отозван — что дальше?

Ухудшение ирано-азербайджанских отношений идет по нарастающей. Иран отозвал своего посла в Азербайджане Мохаммеда Багира Бахрами. В качестве причины отзыва посла указывается оскорбление духовного лидера в ходе недавней акции протеста перед посольством Ирана в Баку. Предполагается, что дипломат вызван в Тегеран для консультаций. Напомним, что на минувшей неделе перед посольством Ирана в Баку прошло несколько акций протеста оппозиции и диаспорских организаций Азербайджана, обвиняющих Иран в антиазербайджанской политике и ущемлении прав азербайджанского населения этой страны. В ходе акций протеста использовались фотографии президента Махмуда Ахмадинежада и духовного лидера аятоллы Али Хаменеи с неприличными комментариями.

Из слов пресс-секретаря МИД Азербайджана Эльмана Абдуллаева явствует, что в Иране, оказывается, «имеется неопределенность, путаница и различие мнений. Очень жаль, что развитие Азербайджана, проведение в Баку грандиозного состязания «Евровидение» и приезд в страну большого числа туристов раздражает многие страны, в том числе Иран».

Объяснение пресс-секретаря МИД АР вполне укладывается в избитые уже клише официальной пропаганды о том, как весь мир завидует Азербайджану, а некие злые силы стремятся конвертировать свою зависть в «подрывные действия». Именно так объяснил спикер Милли Меджлиса Азербайджана Октай Асадов, антииранские демонстрации, организованные азербайджанской диаспорой в ряде западных стран.

По словам спикера парламента, происходящие в Иране процессы имеют свои корни, «ведущие известно куда». Асадов заявил ни много ни мало: «Я ежедневно отслеживаю армянские интернет-сайты и хочу сказать, что наблюдаемая сегодня в Иране антиазербайджанская пропаганда ранее стартовала в Армении. Свидетельством тому ряд материалов, которые в еще более жесткой форме размещены на армянских сайтах», — отметил он.

Спикер рассказал о встрече с неким иранским гостем, состоявшейся в Милли Меджлисе несколько лет назад. «Года 2–3 назад мы провели встречу в Милли Меджлисе с официальным лицом Ирана, говорили с ним о дружбе, братстве. В процессе беседы я сказал ему, что в Конституции Ирана есть

статья, предусматривающая оказание помощи слабым государствам. Задал ему вопрос: эта статья была написана с целью оказания помощи Армении? Мой собеседник несколько задумался и ответил, что это положение взято из Корана. Тогда я ему сказал, что в Коране говорится о необходимости оказания помощи исламским государствам. Так почему вы так не поступаете, спросил я. На что он сказал, что они вынуждены так поступать, потому что в Иране проживают 100 тысяч армян. Тогда я напомнил ему о 30 миллионах иранских азербайджанцев и добавил, что, оказывая помощь Армении, Иран не создает условий для решения нагорно-карабахского конфликта. Он сразу перешел к обсуждению других вопросов — почему Баку-Джейхан продолжили так, а не по-другому и т.д.».

«Однако, Иран является большим государством, соседней страной, и мы должны сказать свое слово и стремиться к тому, чтобы не опускаться до уровня определенных иранских кругов, ведущих антиазербайджанскую кампанию», — подчеркнул Октай Асадов. Интересно получается — выходит, что оскорбления в адрес духовного лидера Ирана на плакатах перед посольством Ирана в Баку написали армяне. Что же в таком случае делает сама власть в Иране — неужели смотрит, как армяне, выражаясь языком все той же азербайджанской общественности (а именно так в ряде азербайджанских СМИ окрестили группу лиц с провокационными лозунгами у иранского посольства) «расправляются» с гражданами страны?

В Баку никак не забудут, что Шуши был освобожден именно в то время, когда в Тегеране под эгидой Ирана шли армяно-азербайджанские переговоры по урегулированию нагорно-карабахского конфликта. С тех пор все иранские предложения посредничества если и не игнорировались азербайджанской стороной, то и не принимались, провисая в воздухе. А на днях официальный Баку пошел еще дальше — буквально потребовал от НАТО «приложить усилия к азербайджано-армянскому урегулированию». Надо понимать, что в пользу Баку. И — далеко не забесплатно, а за вполне выгодные контракты на поставку и производство вооружений.

Но если урегулирование карабахской проблемы все же (пусть не обидятся азербайджанцы и армяне) носит достаточно локальный характер, то определение статуса Каспия — это уже очень серьезно. Позицией Ирана по статусу Каспийского моря, в конечном счете, является политика сдерживания проникновения США в регион, которая, по мнению Тегерана, находит взаимопонимание в Азербайджане.

Геополитики из Милли Меджлиса

Но все это, так сказать, производные от главного. Еще в феврале нынешнего года, ряд депутатов ММ выступил с инициативой о переименовании Азербайджана в «Северный Азербайджан». В выступлениях депутатов, весьма далеких как от истории региона, так и от своей собственной, прозвучали непонятные параллели с другими государствами. Главное, что нынешний Азербайджан, возникший на основе маленьких ханств, входящих в состав Персидской империи и перешедших к Российской вследствие Гюлистанского и Туркманчайского договоров, никоим образом не может претендовать на Южный Азербайджан, находящийся в Иране. Депутат Гудрат Гасангулиев пошел еще дальше — он призвал аннулировать вышеупомянутые

договора, которые «не соответствуют интересам азербайджанского народа». Во время заключения Гюлистанского и Туркманчайского договоров ни государства под названием Азербайджан, ни тем более азербайджанского народа не было и в помине. По Гюлистанскому договору, заключенному в 1813 году, Персия признавала переход к России Дагестана, Картли, Кахети, Мегрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии и части современного Азербайджана, где в то время находились ханства: Бакинское, Карабахское, Гянджинское, Ширванское, Шекинское, Дербентское, Кубинское. К России отошла также часть Талышского ханства. По договору России предоставлялось исключительное право иметь свой военный флот на Каспийском море. Туркманчайский мирный договор, заключенный в 1828 году подтверждал территориальные приобретения России по Гюлистанскому мирному договору 1813 года. По Туркманчайскому договору к России также отходили Эриванское и Нахичеванское ханства. На Персию налагалась контрибуция в 20 млн руб. серебром. Подтверждалось исключительное право России держать военный флот на Каспийском море.

Столь пространный историческая справка нужна для простого подтверждения, что государства Азербайджан в 19 веке не было, да и быть не могло, если само название стало употребляться только с 1936 года. Надо все же знать историю, прежде чем выступать с подобного рода предложениями. Но дело даже не в этом — реакция Ирана на подобные действия последует незамедлительно и в Азербайджане все же должны были подумать, прежде чем выпускать джина из бутылки. Надо также отметить, что большинство азербайджанцев не просто исповедуют шиизм, но и принадлежат к господствующему в Иране джафаритскому толку, что в течение длительного времени сближало самоидентификацию персов и тюрков-азери. Но с развалом СССР отношения между Ираном и Азербайджаном были основательно подпорчены в годы правления Народного Фронта, лидеры которого неоднократно обращались по самым различным поводам к ситуации с южными азербайджанцами — гражданами Ирана, — и поднимали вопрос «разделенного народа».

Вызывает интерес вот какой еще аспект. Согласно позиции депутатов ММ, «три четверти Азербайджана приходятся на Южный Азербайджан, одна четверть — на Азербайджанскую Республику. Поэтому есть основание изменить название страны на Северный Азербайджан». Начнем с того, что понятие «Южный Азербайджан» в Иране как-то не используется, там больше говорят об Иранском Азербайджане. Но дело не в этом. Вряд ли Иран допустит, чтобы 8 миллионов тюркоязычных «собратьев» стали диктовать свою волю 70-миллионному населению Исламской Республики или даже 30 миллионам азербайджанцев, для которых АР является государством, где подрываются устои ислама. Поражает самоуверенность официального Баку, его убежденность в том, что иранские азербайджанцы просто мечтают попасть под руководство «северных братьев».

Порою возникает впечатление, что все беды нынешнего бакинского руководства заключаются в том, что оно до сих пор так и не определилось — с

**Государства
Азербайджан в
19 веке не было,
да и быть не
могло, если само
название стало
употребляться
только с 1936
года**

кем оно, кого представляет, с кем ему выгоднее дружить. В любом случае, инициатива депутатов ММ может иметь далеко идущие отрицательные последствия именно для Азербайджана. В свете наращивания военной группировки близ берегов Ирана Баку следует задуматься перед тем, как делать разного рода заявления. По мнению серьезных наблюдателей, война с Ираном вряд ли будет, а вот власти Азербайджана могут серьезно подпортить свой имидж. Хотя, как говорится, дальше некуда.

Нужно отметить, что официальная риторика Ирана более сдержанная, и в Тегеране, не смотря ни на что, отмечают историческую близость государств. «Народы Ирана и Азербайджана — это два братских народа. Это братство берет истоки из глубин истории, культуры и религиозных верований двух наций», — заявил в прошлом году в Баку президент Ирана Махмуд Ахмадинежад на совместной с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым пресс-конференции. А в этом году спикер парламента Ирана Али Лариджани в ходе визита в Азербайджан отметил: «Связи Ирана и Азербайджана не носят поверхностный характер, как между другими странами, а опираются на очень глубокие и духовные корни».

Отметим, что и в Азербайджане, несмотря на постоянные обвинения в адрес Ирана, ряд политиков призывает к развитию дружественных отношений с соседним государством. «В последнее время отношения Ирана и Азербайджана подвели к напряженной черте. При таком развитии отношений МИД ИРИ отозвал посла Ирана в Азербайджане Мохаммеда Багира Бахрами. В мировой практике отзыв посла из той или иной страны оценивается как факт напряжения отношений между двумя странами», — заявил сопредседатель партии Зеленых Маис Гюльалиев. Он отметил, что «происходящее нежелательно. Такие отношения двух братских стран не дадут в будущем хороших результатов с экономической и политической точек зрения. Было бы хорошо, если бы отношения как можно скорее нормализовались». Как гражданин Азербайджана, он пожелал стране хороших добрососедских отношений. Сопредседатель партии отметил, что граждане Ирана и Азербайджана должны уважать государственный гимн, флаг и руководство обоих государств. «Неправильно актуализировать вопросы, касающиеся личности и чувств граждан».

А 21 мая заместитель главы МИД ИРИ Аббас Арагчи встретился с послом Азербайджана в Иране Джаванширом Ахундовым. В ходе встречи обсуждалась последняя ситуация между странами, Дж.Ахундову был выражен протест в связи с неоднократными заявлениями правительства Ирана против оскорбления религиозных святынь. Дж.Ахундов заявил, что передаст протест правительства Ирана правительству Азербайджана.

И еще... Об Израиле

Месяц тому назад в Измире (Турция) прошел Форум Южного Азербайджана. Форум был организован Общественной организацией азербайджанцев Турции. По словам руководителя Центра Кавказских стратегических исследований доктора Хасана Октая, Азербайджанская Республика, развивая тесные отношения с диаспорой во всем мире, пытается пропагандировать интересы государства. Однако, считает доктор Октай, деятельность диаспор азербайджанцев еще не достигла той эффективности, которая характерна

для армянских и еврейских диаспор. Это, по его мнению, привело к появлению новых организаций, желающих получить финансовую долю, выделяемую Азербайджаном, между ними буквально идет соревнование. Вот в этом и кроется основная причина создания разных организаций под названием Всемирный Конгресс Азербайджанцев (ВКА). Наблюдается, что эти различные организации, сотрудничая с еврейскими организациями в обмен на финансовую подпитку, создают хорошие отношения еврейских организаций и южных азербайджанцев. Подобные старания краткосрочны. Здесь главная цель — деньги. Для получения финансов ВКА разделился на четыре части. Израиль же думает, что посредством этих организаций налаживает отношения с иранскими азербайджанцами.

«Азербайджан старается объединить азербайджанцев мира. При этом проведение мероприятий в этом направлении не в Азербайджане, а в Турции, говорит о намерении опираться на силу этой страны. Поэтому объединение сил Азербайджана и Турции в диаспоральной политике даст большой эффект. Если Турция не поддержит Азербайджан в этой инициативе, то Азербайджан может ожидать огорчение. Это не больше, чем инициатива. Подобные инициативы должны быть задействованы исключительно общественными организациями. Для Израиля же естественно использовать все невоенные пути для вынуждения Ирана к миру. Южные азербайджанцы поэтому и выходят на повестку дня. К сожалению, вынося иранских азербайджанцев на повестку, не учитываются внутренние условия и другие факторы Ирана. Азербайджанцы не должны превращаться в элементы, вроде курдов Ирака, приглашающие американцев для оккупации их родины. В результате, будущее курдов в Ираке находится под сомнением. Самоутверждение азербайджанцев, как весомый элемент иранской демократии, очень важно с позиции будущего региона. Израиль не должен превращать азербайджанских тюрок в инструмент в войне с Ираном. Но это психологическая операция. Израиль, находясь в конфронтации с Ираном, будет использовать все невоенные инструменты. Самый легкий из которых — азербайджанские тюрки. Но самая большая проблема Ирана — это отсутствие демократии», — считает он. Столь пространная цитата нам нужна для того, чтобы окончательно убедиться, кто стоит за антииранскими силами в Азербайджане, хотя это было ясно с самого начала. В приведенной цитате самым сильным местом было заявление об «отсутствии демократии в Иране». Не будем говорить, какая демократия есть в Азербайджане...

В своих действиях о «воссоединении разделенного народа» Баку, вероятнее всего, надеется на США, Израиль и, совсем немного, — на Турцию. Последняя вряд ли будет активно продвигать идею о «Северном Азербайджане», памятуя, что случилось с так называемыми «друзьями Сирии». Тем не менее, если антииранские демонстрации продолжаться, то они вполне справедливо получают адекватную реакцию со стороны Тегерана. И отзыв посла «для консультаций» — первый звонок для официального Баку.

Иранские эксперты о МАГАТЭ: особый взгляд

Старший переговорщик Ирана по ядерным вопросам, секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана Саид Джалили 22 мая прилетел в Багдад, где на следующий день состоится второй тур ядерных переговоров Ирана и «шестерки». Саида Джалили в данной поездке сопровождают заместитель секретаря ВСНБ по политическим и международным вопросам Али Багери и заместитель главы МИД Ирана по вопросам Азии и Океании Аббас Аракчи. В переговорах примут участие делегации из Ирана, России, Британии, Америки, Китая, Франции и Германии, а также комиссар ЕС по вопросам безопасности Кэтрин Эштон.

В рамках проведения багдадской встречи секретарь ВСНБ Ирана Саид Джалили встретится также с президентом Ирака Джемалем Талабани, премьер-министром Нури Аль-Малики и спикером иракского парламента Усамой аль-Наджифи.

В непредвзятость Юкия Амано в Тегеране не верят

Относительно предстоящей поездки Амано в Иран член комиссии по национальной безопасности и внешней политике иранского парламента, Карим Абеди заявил, что ИРИ «всегда сотрудничала с МАГАТЭ на все сто процентов, тогда как агентство сотрудничало с Тегераном на менее чем 10 процентов». По его словам, Амано в качестве гендиректора МАГАТЭ до сих пор не раз поддерживал имперские амбиции Запада и до сих пор не признал четко и недвусмысленно ядерные права Ирана. По мнению иранских обозревателей, фабрикация досье против ядерной деятельности Ирана является общим продуктом политического нажима США и нечеткой деятельности МАГАТЭ в последние годы.

Сейчас в экспертной среде Ирана акцентируется внимание на том, что Иран еще в 2007 г. дал аргументированные ответы на 6 главных утверждений МАГАТЭ на основе согласованной с агентством схемы мониторинга. Тогдашний гендиректор МАГАТЭ египтянин Мохаммед Эль Барадеи, занимавший эту должность с 1997 года, в своем докладе назвал эти вопросы уже решенными и закрытыми. Иранские политологи указывают на то, что при систематических инспекциях ядерных объектов Ирана агентством не было обнаружено никаких доказательств отклонения ядерной деятельности Ирана от положений ДНЯО. Тем не менее, как считают в МИД ИРИ, МАГАТЭ «под политическим давлением Запада со стороны МАГАТЭ практически не

было предприняло ни одного шага по нормализации иранского ядерного досье, и это досье остается открытым в Совете безопасности».

В адрес Аmano выдвигаются упреки и в том, что МАГАТЭ под его руководством при подготовке своих докладов об Иране ссылается на «неподтвержденные и сомнительные» источники. Представитель Ирана в МАГАТЭ Али Асгар Султания в этой связи не раз выражал удивление возвращением Аmano на основе новой и неофициальной информации к вопросам, которые обсуждались ранее и неясности в них для инспекторов МАГАТЭ «были развеяны». По мнению иранского представителя, свой диалог с руководством Ирана МАГАТЭ, под руководством Аmano, строит без учета «взаимных обязательств», а часто и с позиций недопустимого диктата и предвзятости.

Напомним, что Аmano был выдвинут японским правительством на пост генерального директора МАГАТЭ в 2008 году. Для его избрания руководителем МАГАТЭ потребовалось шесть туров. Лишь в июле 2009 года после шестого тура голосования Аmano набрал необходимые две трети голосов совета организации и был избран на пост генерального директора агентства сроком на четыре года. Его основным соперником в последнем туре голосования был представитель ЮАР в МАГАТЭ Абдул Самад Минти. За Аmano голосовали представители индустриально-развитых государств, в то время как Минти отдали предпочтение развивающиеся страны, а также Россия. В сентябре назначение Аmano было подтверждено формальным голосованием генеральной конференции МАГАТЭ, в ноябре 2009 года он вступил в должность, сменив на данном посту Мохаммеда аль-Барадеи. Уже тогда западные аналитики отмечали, что Аmano, в отличие от своего предшественника-египтянина, будет поддерживать позицию США по вопросам ядерной программы Ирана. Международный статус организации и членство в ней более 140 стран — американцами, как принято, в учет не принимается.

Здесь уместно подчеркнуть, что МАГАТЭ входит в структуру ООН, однако при этом имеет статус автономной организации. Основных задач у МАГАТЭ две. Первая — развитие использования атомной энергии. Именно эта цель была одной из основных при принятии решения о создании международного агентства. МАГАТЭ способствует передаче ядерных технологий для их использования в промышленности, медицине и других областях. Вторая задача — и именно ее выполнение, как правило, вызывает повышенный интерес общественности — контроль над нераспространением ядерного оружия. Похоже, в отношении Ирана перед генеральным директором МАГАТЭ поставлена только вторая задача, без иранского «ядерного досье» вряд ли бы и сам Аmano был бы настолько известен для мировых СМИ и читающей общественности.

МАГАТЭ должно извиниться за гибель иранских ученых

В высказываниях иранских политиков и экспертов особо подчеркивается тот факт, что МАГАТЭ не уберег конфиденциальную информацию, и сведения об иранских ядерщиках просочились в спецслужбы Запада, что привело к убийству иранских специалистов, имевших контакты с инспекторами этой международной организации. Член комиссии по национальной безопасности и внешней политике иранского парламента Карим Абеди заявил, что МАГАТЭ должно извиниться в официальном порядке за свою роль в

гибели иранских ученых-ядерщиков от рук террористов. Карим Абеде обвиняет МАГАТЭ в проявленной халатности, приведшей к рассекречиванию имен иранских ядерщиков. Депутат меджлиса подчеркнул, что гендиректор Юкия Аmano должен ответить за эту нерадивость, поскольку лучшие иранские ученые стали мишенью терактов из-за халатности агентства.

Напомним, что иранские власти неоднократно официально обвиняли американские и израильские спецслужбы в совершении покушений на разработчиков своей ядерной программы. К примеру, в Тегеране 12 января 2010 года был взорван автомобиль Масуда Али Мохаммади, от его машины остался только дымящийся каркас. В нее была заложена бомба. Погибший 50-летний Мохаммади был известным физиком-ядерщиком, сотрудником Иранского агентства по атомной энергии, которое осуществляло реализацию иранской ядерной программы. Подозреваемый в его убийстве Маджид Джамали Фаши был арестован и на минувшей неделе приговорен к смертной казни. На суде он сознался в том, что двумя годами ранее был завербован израильской «Моссад».

Представители МИД Ирана после этого террористического акта заявили, что в их распоряжении оказались весомые доказательства того, что убийство ученого было подготовлено и осуществлено при поддержке и участии агентов, связанных с ЦРУ и Моссад. Соответствующие документы были переданы в посольство Швейцарии, которое представляет интересы США в Иране. Одновременно Тегеран требовал от ООН осудить убийство иранского ученого-ядерщика. В письме в эту международную организацию власти Тегерана отметили, что за убийством иранского ученого-ядерщика стоят иностранные круги, пытающиеся лишить Иран права на мирное использование ядерной энергии. Иран потребовал от ООН предпринять «эффективные шаги с целью ликвидации терроризма во всех его формах и проявлениях». Обращение в ООН не помогло прекратить теракты

В январе этого года в результате очередного теракта был убит Мустафа Ахмади Рошан, занимавшийся разделением газовых смесей в ядерном исследовательском центре в Натанзе, — за последние два года он стал шестым иранским ученым-ядерщиком, физически устраненным спецслужбами противников ИРИ. В этот период были совершены три очень похожих покушения на иранских ученых: каждый раз мотоциклист прикреплял к машине жертвы магнитное взрывное устройство. Имело место и отравление ученого-ядерщика, и расстрел возле собственного дома.

Такое количество убийств и характер совершенных терактов прямо указывают на серию хорошо спланированных и подготовленных специальных операций по устранению исполнителей иранской ядерной программы.

Зловещая тень Израиля провоцирует Иран на неуступчивость

Израиль, вроде бы и не имеющий к переговорам прямого отношения, свое неприятие иранской ядерной программы выражает в провокационном освещении «ядерного» диалога с Тегераном и использовании давления на американскую администрацию мощным еврейским лобби в США. Хотя, не в тему будет сказано, на Капитолийском холме уже, наверное, пришло время

переоценки влияния еврейской диаспоры в США на результаты президентских выборов. Ведь, согласно опубликованным 1 мая данным последней переписи религиозных общин США, за десять лет численность верующих мусульман в стране выросла с 1 до 2,6 миллиона. Иудеи, являвшиеся в 2000 году самой многочисленной нехристианской религиозной группой, потеряли первенство: в 2010 году общая численность еврейских религиозных общин в США составила 2.3 миллиона человек. Так, что у Исламской Республики среди почти трехмиллионной мусульманской части американского общества также может быть значительный лоббистский потенциал.

Тем не менее, сейчас в Тегеране США и Израиль в противостоянии иранской ядерной программе оцениваются как самые близкие союзники. К примеру, в один ряд эти два государства поставлены главой комиссии по национальной безопасности и внешней политике ИРИ Алаэдином Боруджерди, который накануне переговоров в Багдаде указывает на то, что «Израиль и США, не желая решения проблемы ядерного досье Ирана, высказывают ложные обвинения в адрес Исламской Республики». Иран, будучи ответственным участником МАГАТЭ, подписавшим ДНЯО, озабочен несоблюдением важных пунктов ДНЯО, включая навязывание американцами двойных стандартов членам организации. Обвинения же со стороны Израиля в Иране встречают аргументированное отрицание.

В иранских аналитических материалах справедливо отмечается, что в настоящее время на планете существует восемь государств, однозначно обладающих ядерным оружием. Пять стран, подписавших Договор о нераспространении ядерного оружия 1970 года (Россия, США, Великобритания, Франция, Китай) и три государства, не подписавшие Договор и осуществившие ядерные испытания — Индия, Пакистан, Северная Корея (последняя была участником Договора, но вышла из него в 2003 году).

Государство Израиль, в отличие от ИРИ, не является членом Договора о нераспространении ядерного оружия но, с большой вероятностью, таким оружием обладает. В экспертном сообществе, исходя из политкорректности к Тель-Авиву, очень мягко признается то, что в отношении ядерной программы Израиль проводит политику ядерной непрозрачности, или, как иногда выражаются, «позитивной маскировки». Ее суть заключается в официальном отрицании наличия ядерного арсенала в сочетании с намеками на его существование и готовность им воспользоваться. В Иране же без стеснения указывают на наличие к настоящему времени у Израиля чуть ли не 400 ядерных боеголовок. Израильские военные, по оценке их иранских коллег, имеют в своем распоряжении крылатые и баллистические ракеты различной дальности, в том числе межконтинентальные, которые способны доставить ядерный боезаряд в нужную точку, а также пригодные для выполнения такой задачи самолеты и подводные ракетноносцы. Именно поэтому иранские аналитики, считая вопрос нераспространения и ликвидации ядерного оружия одним из главных и неотъемлемых положений ДНЯО, задаются вопросом: «почему позволяют предоставлять распоряжение сионистского режима подводные лодки с ядерными боеголовками, и за такие действия, противоречащие международным нормам, не отвечает ни СБ ООН, ни МАГАТЭ». Ведь США и Израиль выражают озабоченность по поводу любого отклонения в ядерной программе Ирана, причем не имеющего места сейчас, а, возможно допущенным ИРИ в будущем.

Иранские политики исходят из того, что Иран в качестве участника МАГАТЭ в рамках своих обязательств развивал и продолжает развивать широкое сотрудничество с этой организацией, и, естественно, рассчитывает на реализацию своих прав как члена ДНЯО. По мнению экспертов иранской Организации по атомной энергии, задача МАГАТЭ заключается в оказании помощи участникам в технической сфере, чтобы они могли лучше использовать ядерные технологии в мирных целях, причем в «процессе сотрудничества существуют взаимные ожидания, могут возникать вопросы и неясности, которые разрешимы лишь переговорным путем». Из числа таких неясностей иранцы не исключают и ядерный объект в Парчине.

«Синдром Парчина» — неизлечимая болезнь МАГАТЭ

Парчин прямо-таки задел МАГАТЭ за живое. В последний раз инспекторы агентства приезжали в Иран в феврале нынешнего года и после своего возвращения обвинили иранцев в том, что те запретили им доступ в Парчин. Иранцы же, в свою очередь, ответили МАГАТЭ, что посещение этого объекта, который они считают военным и который поэтому не может служить туристическим объектом, необходимо было согласовывать заранее, еще до приезда в Иран. МАГАТЭ же этого не сделало, что и поставило иранские власти перед необходимостью отказа.

Свою историю Парчин, ведет с 1939 года, когда здесь был открыт первый завод по производству стрелкового оружия и боеприпасов. По сути — это обыкновенная территория промышленного предприятия, расположенная к тому же в прилегающем к многомиллионному Тегерану восточном пригороде столицы, явно непригодном для проведения ядерных испытаний. Объект как производственная единица входит в Организацию оборонной промышленности Ирана, и, как указывают иранские источники, к Организации по атомной энергии, которая напрямую подчинена президенту страны, никогда отношения не имел.

Тем не менее, интерес к этому объекту со стороны США имеет долгую историю. В 1997 году американский разведывательный спутник сделал его снимки, после анализа которых западные эксперты объявили о том, что там «испытывают ракетные двигатели, аналогичные российским «Р-12». Согласно распространенной The Washington Post информации, на этом полигоне было проведено, по меньшей мере, шесть (а возможно и восемь) соответствующих испытаний двигателей баллистических ракет «Шахаб». Возможно и так, но какое отношение работы в сфере ракетной техники имеют к МАГАТЭ? Никакого.

Однако в августе-сентябре 2004 года США вновь заявили, что на этом объекте Иран «может разрабатывать ядерное оружие, пригрозив ему возможным нанесением удара». Сейед Хосейн Мусавиан, представитель Ирана в МАГАТЭ, опроверг эти заявления: «Мы полностью и категорически отрицаем утверждения о том, что в Парчине ведется какая бы то ни было ядерная деятельность. Американцы опять лгут, как это было в случае с Лавизаном. К тому же МАГАТЭ никогда не просило о проведении такой проверки». Впрочем, серьезные американские эксперты сохраняли спокойствие: «Ни дизайн объекта, ни характер испытаний не является уникальным доказательством для заявлений о том, что там производится или испытыва-

ется ядерное оружие, — сказал Джей С. Дэвис, бывший глава Агентства по уменьшению угрозы обороне при Минобороны США. — И только инспекции на месте могут установить, что там есть на самом деле».

В январе 2005 г. иранская сторона согласилась на досмотр объекта, и эксперты МАГАТЭ не нашли ничего подозрительного. Им позволили взять пробы грунта на этом объекте и результаты анализа не выявили повышенного радиационного фона. Тем не менее, США и Израиль все равно остались недовольны. Было заявлено, что осмотр, мол, был слишком «беглый», и что инспекторов не пустили во все помещения на данном объекте. Кстати, ту делегацию МАГАТЭ, производящую досмотр Парчина, возглавлял бельгийский генерал Герман Наккертс, ставший заместителем генерального директора и главным экспертом МАГАТЭ по иранской ядерной программе. Именно он сопровождал Юкия Омано в прошедшей поездке в Тегеран.

По словам гендиректора МАГАТЭ, переговоры в Тегеране были «очень полезными», «насыщенными» и прошли в «благоприятной атмосфере». Как отмечают иранские агентства, такого же мнения придерживается и секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана Саид Джалили.

«Сегодня мы провели очень хорошие переговоры с господином Амано», — заявил Джалили по окончании двухчасовой встречи с главой МАГАТЭ.

Итак, сегодня в Багдаде начинается очередной раунд переговоров представителей Тегерана и «шестерки», по результатам которого и можно будет судить о дальнейших перспективах иранского «ядерного досье», на закрытие которого искренне надеются иранцы...

Станислав Иванов

Постсоветская Центральная Азия: особенности военного строительства

Состояние Вооруженных сил и перспективы военно-технического сотрудничества в постсоветских государствах Центральной Азии не слишком часто становятся предметом анализа и пристального рассмотрения. Подобный подход представляется ошибочным как минимум по двум обстоятельствам.

Во-первых, сегодняшняя постсоветская Центральная Азия — это клубок противоречий, и у политической элиты ряда стран возникает желание решить данные противоречия самым простым способом — вооруженным конфликтом. Во-вторых, от того, кто станет основным партнером по ВТС центральноазиатских государств зависит и главный вопрос — с кем и против кого будут эти государства в процессе реализации внешнеполитических концепций США — «Новый шелковый путь» и «Дорога в Персию». Словом, Анализ состояния и перспектив развития вооруженных сил постсоветских государств Центральной Азии должно быть предметом пристального внимания экспертов России и Ирана.

Распад СССР привел к созданию пяти новых независимых государств Центральной Азии (Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Киргизстана). Практически вся советская боевая техника и вооружение, оказавшиеся к тому времени на территории этих стран, за исключением ядерного оружия и стратегических ракетных установок, были ими национализированы и стали основой для создания национальных вооруженных сил. Причем здесь оказалось явно избыточное количество вооружений (Среднеазиатского военного округа, выведенные из стран Восточной Европы и Афганистана и т. п.). И, если в начале реализации своих суверенных прав на долю военного имущества СССР руководства молодых государств стремились действовать по принципу «чем больше, тем лучше», то через несколько лет вплотную стал вопрос, а как распорядиться этим, по большей части, превышающим потребности новых армий военным имуществом? Более того, как оказалось, расходы по охране и поддержанию в нормальном состоянии огромных арсеналов вооружений легли непомерным бременем на бюджеты республик, а часть этого имущества стала представлять собой прямую угрозу населению близлежащих населенных пунктов.

Так, в Туркменистане обнаружили течи в железнодорожных цистернах с токсичным ракетным топливом, отмечались пожары и самопроизвольные взрывы на складах боеприпасов, которые хранились здесь еще со времен

Великой Отечественной войны. В этих условиях руководства стран ЦА вынуждены были провести инвентаризацию своего военного имущества и с помощью бывших советских военнослужащих, а также иностранных, в основном российских специалистов, привести в относительный порядок эти «горы оружия и боеприпасов». В каждой из стран ЦА этот процесс протекал по своему, но общими принципами и подходами стали следующие:

— в соответствии с реальной численностью и организационно-штатной структурой национальных ВС в их распоряжение предоставлялись, так называемые, учебно-боевые и боевые группы вооружений, т.е. на первой из них проводилась подготовка личного состава в условиях мирного времени, вторая — хранилась непосредственно в воинских частях в готовности к мобилизационному развертыванию на случай вооруженного конфликта или войны;

— часть оружия и боевой техники была разобрана на запасные части, отправлена на длительное хранение и предназначалась для ремонта и замены выходящих из строя частей и механизмов;

— излишки оружия и боевой техники продавались в другие страны;

— непригодные к эксплуатации и экспорту вооружения и боеприпасы утилизировались самостоятельно и с помощью иностранных компаний.

Позднее, когда советские образцы оружия и боевой техники стали морально и физически устаревать, на повестку дня стал вопрос об их ремонте, модернизации и закупках новых, более современных вооружений.

Особенности ВТС в Центральной Азии

Безусловно, приоритет в этой области по прежнему отдавался России, поскольку она являлась правопреемницей СССР и большую часть советского оборонно-промышленного комплекса ей удалось сохранить. Активно использовались и возможности оборонных предприятий Казахстана и Узбекистана. Из стран ЦА наиболее мощным военно-промышленным комплексом (ВПК) обладает Казахстан. В стране налажены производство, капитальный ремонт и модернизация бронетехники и морских судов, а также изготовление оружия и боеприпасов. Кроме того, открыты совместные предприятия по производству средств связи, в ближайшей перспективе планируется создавать беспилотные летательные аппараты, оптикоэлектронные и радиолокационные системы, новые модели самолетов и вертолетов. Одно из основных направлений развития — трансферт передовых технологий. Объем продукции ежегодно увеличивается в рамках государственного оборонного заказа. Планируется строительство завода и освоение технологий по производству патронов, автоматизированных средств управления войсками, катеров, кораблей и судов различного класса военного и двойного назначения водоизмещением до 500 тонн, судоремонтного предприятия по техническому обслуживанию катеров и кораблей на Каспии, пожарной и аварийно-спасательной техники, производство средств радиолокации и модернизации существующих систем. Большинство предприятий ВПК СССР, располагавшихся в Казахстане, были ориентированы на производство военно-морской продукции. Она и сейчас является преобладающей в общем объеме казахстанского военного экспорта. Кроме того, экспортируется несколько десят-

ков наименований авиационных изделий, узлов и агрегатов для авиастроительных и авиаремонтных предприятий СНГ (России, Украины, Белоруссии и Узбекистана).

Учитывая сохраняющиеся льготные цены на запчасти, ГСМ, боеприпасы и новые вооружения в рамках стран СНГ и ОДКБ, помощь РФ в подготовке национальных военных кадров, тенденция к сохранению связей с РФ в области ВТС у стран ЦА сохранится. Но наряду с этим, отмечается стремление центральноазиатских государств к постепенной диверсификации своего военного и военно-технического сотрудничества.

Во многом это стимулируется и встречаемыми, весьма выгодными, предложениями со стороны Вашингтона и Брюсселя, особенно в последнее время, когда обозначены конкретные сроки вывода войск иностранной коалиции из Афганистана. США не скрывают своей заинтересованности сохранить военную базу в Киргизии (Манас), создать еще несколько ей подобных в других странах ЦА, в частности, в Узбекистане и Таджикистане. Обсуждается также вопрос о передаче части оружия и боевой техники коалиции странам Центральной Азии безвозмездно, якобы, для укрепления их боеготовности.

В статье Сергея Коновалова в «Независимой газете» от 5 декабря 2011 года под названием: «Пентагон завалит оружием Центральную Азию. Страны региона согласны на появление на их территории военных баз США» приводится достаточное число фактов на данную тему. Якобы, вопрос передачи выводимых из Афганистана избыточных вооружений в закрытом формате обсуждался в конце ноября 2011 года с таджикским и узбекским руководством во время визита в Душанбе и Ташкент командующего Центральным командованием сухопутных войск США генерал-лейтенанта Винсента Брукса. Речь шла о передаче Узбекистану и Таджикистану в больших объемах приборов, аппаратов и каналов виртуальной разведки, в том числе беспилотных летальных аппаратов, цифровых радиостанций, комплектов индивидуальной экипировки, оснащенных навигаторами JPS, бронированных автомобилей, бронетранспортеров, средств ПВО, танков и ракетно-артиллерийских систем со средствами космической топопривязки, а также стрелкового оружия, оборудованного прицелами ночного видения. Пентагон, видимо, пришел к выводу, что данные высокотехнологичные вооружения афганской армии передавать не следует в силу неспособности ее личного состава освоить эту технику и большой вероятности попадания ее в руки талибов. Как считают в Вашингтоне, армии постсоветских стран смогут освоить без особых проблем данные вооружения.

Такая безвозмездная помощь может обернуться постепенным втягиванием стран региона в военное и военно-техническое сотрудничество с США и НАТО. Во время визита Брукса в Таджикистан и Ташкент обсуждались также предложения Пентагона по созданию в Таджикистане и Узбекистане на долговременной основе сети учебных центров, где войска стран ЦА могли бы осваивать передаваемые им из группировки альянса в Афганистане оружие и боевую технику. В Таджикистане уже действует поддерживаемый США учебный центр, который дислоцируется в Фахрабаде. Как сообщает посольство США в Таджикистане, местным силовикам было передано 300 комплектов индивидуального снаряжения и оборудование для групп специального назначения, которых американские инструкторы готовят в Фахрабаде.

Якобы, начиная с 1992 года, Вашингтон предоставил более 984 миллионов долларов США на поддержку экономического развития, демократических институтов, здравоохранения, образования и безопасности в Таджикистане.

Правительство Казахстана, в свою очередь, заявило о намерении закупить 20 тактических транспортных вертолетов EC725 Super Cougar. Как сообщается на сайте продавца — европейской компании Eurocopter, вертолеты планируются приобрести для нужд министерства обороны. Стоимость одного вертолета оценивается в 25 миллионов долларов. В настоящее время казахстанские власти уже используют гражданскую версию этого вертолета для VIP-перевозок.

Активизации ВТС Узбекистана с США и НАТО способствовала отмена Евросоюзом, а несколько позже и США, ограничительных санкций, введенных после андижанских событий. Похоже на то, что заинтересованность Запада в укреплении своих позиций в этой стране перевесила озабоченность по поводу нарушения прав человека в Узбекистане. Специалисты обратили внимание на налаживание Ташкентом сотрудничества с Германией, которое затрагивает и военную сферу. Так, ФРГ помогает Узбекистану в строительстве национальной армии, предлагает закупить некоторые виды военной техники, в частности, тренировочные самолеты «Альфа-джет» из арсеналов Бундесвера; по данным немецкой стороны, армия Узбекистана уже использует военное снаряжение бывшей ГДР. Американцы поставили для силовых структур Узбекистана партию бронезилетов, намечено поставить также американские приборы ночного видения и навигационные системы, которые, по мнению Вашингтона, будут способствовать обеспечению большей безопасности путей доставки грузов в Афганистан. Сегодня на оружейном рынке стран Центральной Азии пытаются закрепиться и фирмы Израиля, Южной Кореи, Китая, других стран.

Некоторые цифры

По данным Лондонского международного центра стратегических исследований, военные расходы Казахстана и Узбекистана сегодня составляют по \$1,4 млрд США в год, что в 20 раз больше, чем военный бюджет Таджикистана и в 45 раз — Киргизии. На оборону Туркмении пойдет, как и прежде, 1,5% от расходной части бюджета, но общеизвестно, что Ашхабад в укреплении своего суверенитета опирается не на военную мощь, а на свой, подчеркнуто нейтральный, статус. В отчете упомянутого выше центра приводятся также данные о военно-техническом оснащении армий стран ЦА. Так, на вооружении Казахстана — 2210 БТР и 980 танков. Эта страна обладает 278 вертолетами и самолетами-истребителями. Туркмения имеет в наличии 1941 БТР, 680 танков и 112 вертолетов и боевых самолетов. Узбекистан имеет 700 БТР, 340 танков, 135 истребителей и 500 пушек. Таджикистан, которому после распада СССР досталось в наследство от мощной советской армии меньше всего, обладает 46 БТР, 37 танками, 3 вертолетами и одним военным самолетом.

Численность казахстанских военнослужащих сегодня составляет около 70 тысяч человек, в Узбекистане — 50 тысяч, в Киргизии и Туркмении — по 20 тысяч, в Таджикистане — 16 тысяч. Видимо, чтобы не допустить повторения кровавых ошских событий, стремится укрепить армию и правоохранитель-

ные органы и Киргизия. На оборону и безопасность предполагается тратить ежегодно около 13 % всех расходов бюджета, что составляет 223 млн долл. США. Из них не менее 50% выделяется на оборону, но Киргизия при этом рассчитывает и на иностранную военную помощь. Внешняя помощь нужна и Таджикистану, где летом и осенью 2010 года велись боевые действия с объединенными отрядами оппозиции. Расходы на оборону Таджикистан увеличил на 25%. Но есть большая вероятность того, что в связи с нестабильностью политического режима Э.Рахмона вооруженное противостояние против властей продолжится. В этих условиях весьма вероятно, что наиболее «бедные», с точки зрения природных ресурсов, Бишкек и Душанбе вновь обратятся вновь к России и ОДКБ за помощью.

Предварительные выводы

Оценивая наметившуюся активизацию США и НАТО в области военного и военно-технического сотрудничества с постсоветскими государствами ЦА, можно прийти к выводу, что эти шаги связаны не только с предстоящим выводом войск западной коалиции из Афганистана, но и со стремлением Вашингтона усилить изоляцию Ирана и с этого, весьма важного направления. Ведь начавшаяся милитаризация стран Персидского залива и Ирака (планируется поставить в эти страны в ближайшие несколько лет самое современное оружие из США на сумму до 100 млрд долл.), втягивание в новую гонку вооружений Азербайджана и Грузии, по мнению американских экспертов, должно сопровождаться блокадой Ирана и с со стороны стран ЦА, которые уже сейчас, как члены ООН, вынуждены включаться в соблюдение санкционного режима против Ирана. Это наносит ущерб торгово-экономическим отношениям и транспортно-энергетическим связям всех стран региона. В столицах государств ЦА с большой настороженностью относятся к попыткам их втягивания в дальнейшее противостояние с Ираном. Более того, лидеры стран региона с опаской относятся к планам США и Израиля военным путем решить, так называемую, иранскую ядерную проблему. Они понимают, что разрушение иранских ядерных объектов и нефтегазовых промыслов может привести к региональной экологической катастрофе, включая акваторию Каспийского моря. Кроме того, прошедшая волна, так называемых, арабских революций, которые были поддержаны США и их союзниками по НАТО и ЕС, также вызывает определенные опасения в правящих кругах постсоветских государств ЦА. Не появится ли со временем желание у США провести «демократизацию» и в странах ЦА по западному образцу? Ведь до последнего времени на Западе не скрывали своих оценок режимов региона, как «диктаторских», «недемократических», «антинародных». Добившись смены режимов в Сирии и Иране, Вашингтон может поставить на повестку дня и демократизацию Центрально-Азиатского региона.

Исходя из этого, большинство руководителей постсоветских государств не спешит «бросаться в объятия» своим новым партнерам, пытается строить отношения с ними на сугубо прагматичной платформе, прежде всего, в торгово-экономической области. Что касается военного и военно-технического сотрудничества со странами Запада, то здесь постсоветскими государствами ЦА допускается лишь закупка высокотехнологичной продукции, которую не может предложить Россия, и дальше умеренной диверсификации источников вооружений за счет западных стран и Китая речь пока не идет.

Антон Евстратов

Последние не взятые бастионы

На прошлой неделе президент обьятой гражданским противостоянием и находящейся под прессом международного давления Сирии Башар Асад в интервью российскому телеканалу «Россия-24» заявил, что бедствия его страны во многом являются следствием проигрыша информационной войны.

С тезисом сирийского лидера трудно поспорить — в настоящее время именно в отношении его государства и союзного ему Ирана ведется серьезнейшая работа по созданию «нужного» информационного поля. Еще с самого начала гражданской войны в Сирии именно правительственные войска обвинялись в расстреле «мирных» демонстраций и жестоком обращении с арестованными оппозиционерами. Даже информация о вооруженных операциях «мирных демонстрантов», а также террористических актах поддерживающих оппозиционные силы «профессионалов данного дела» не останавливает поток пропаганды. Агрессивную риторику западных лидеров и служащих им журналистов не блокирует даже работа, казалось бы, наиболее приемлемой для всех сторон миссии Коффи Аннана. Представители Госдепартамента США продолжают, в частности, заявлять, что Башар Асад — ни кто иной, как кровавый тиран, и основной задачей их страны является избавить от него Сирию.

Что касается другого ближневосточного раздражителя всего «цивилизованного мира», Ирана, то в его отношении не смолкают обвинения в создании ядерного оружия и всевозможных попытках уничтожить основного проводника западного влияния на Ближнем Востоке — Израиль. И вновь, факты, неизменно тиражируемые специалистами и, в частности, свидетельствующие о невозможности для Ирана на данный момент обзавестись ядерным оружием и нежелании обладать им руководителей ИРИ, не принимаются во внимание «информационными воинами». Цель «дезинформаторов по долгу службы» понятна — выставить указанные государства в негативном свете, представив их политические режимы в качестве исчадий Ада, только и думающих об уничтожении всех мыслимых и немыслимых общечеловеческих ценностей. А после... После можно уничтожить их и реально, а не информационно.

Иллюстрацией происходящего может стать ситуация с самым известным «подразделением информационной войны» уже из арабского мира, катарским каналом Аль-Джазира. Арабские журналисты настолько усердствуют

в своей «праведной борьбе» с «диктаторскими режимами», что трое сотрудников ливанского бюро телеканала не выдержали такого формата работы и уволились с «Аль-Джазиры». Среди ушедших оказался не кто-нибудь, а шеф бюро данного канала в Бейруте Али Хашем. Как пояснил журналист, его работодатели в последнее время полностью сконцентрировались на свержении неугодных режимов, чем выполняют заказ министерства иностранных дел Катара.

Еще более интересной была промелькнувшая (и после этого нигде более не озвучиваемая) информация о том, что деятельность канала по освещению событий в Сирии согласовывается с саудовским принцем Турки аль-Фейсалом, фигурой в арабском мире исключительно масштабной и влиятельной. Собственно, для владеющих информацией появление на горизонте этого человека всегда означает только одно — готовится нечто, в корне меняющее ход событий, и не только в регионе... В связи с этим деятельность «Аль-Джазиры» с некоторых пор нельзя назвать журналистикой. Скорее к ней подходит термин пропаганда, об основном принципе которой хорошо сказал Умберто Эко: «враг говорит с тобой в твоём собственном доме».

Как видим, заявление Башара Асада однозначно имело под собой почву, однако сирийский лидер не сказал о другом — проблема гораздо шире, чем информационная война против его страны в данный конкретный промежуток времени. Дело в том, что весь Ближний Восток на протяжении последних

лет стал ареной самого крупномасштабного информационного противостояния на планете. Чем определяется значимость и «масштабность» информационного воздействия? Как нам представляется — результатами. Вряд ли есть сомнения, что «обработка» того или иного объекта информацией является ничем иным, как подготовкой к действиям уже реальным. Именно на Ближнем Востоке в последнее время разгорелась целая серия военных конфликтов, восстаний и революций, начавшихся именно с информационного давления извне.

Пожалуй, самым ярким таким примером является агрессия против Афганистана и Ирака со стороны Соединенных Штатов. Общественное мнение было подготовлено к вторжению на территорию этих, да и любых других объявленных «врагами» американской администрацией мусульманских стран уже после публикации кадров с ликующим палестинцами, «праздновавшими» уничтожение террористами зданий Всемирного торгового центра.

Сравнительно быстро раскрывшаяся правда о том, что данные кадры были сделаны задолго до трагедии и были посвящены совершенно другому поводу, ничего не изменила. Мусульманский мир был объявлен «вне закона», а красочная информация о притеснениях женщин и запрете футбольных матчей талибами дополнили чашу — афганский режим пал.

Успех США в информационном противостоянии был учтен, закреплен и расширен перед вторжением их армии в Ирак. У Саддама Хусейна быстро «нашлись» и химическое, и бактериологическое оружие и, согласно выводам

Мусульманский мир был объявлен «вне закона», а красочная информация о притеснениях женщин и запрете футбольных матчей талибами дополнили чашу — афганский режим пал

«экспертов», широко тиражируемым СМИ, дальнейшее существование его режима представляло серьезную опасность не только для ближневосточного региона, но и едва ли не для всего мира. Как следствие — режим пал. И «не беда», что упомянутого страшного оружия на территории Ирака так и не было найдено. Цель оказалась достигнутой.

А уж прокатившаяся по арабским странам череда революций 2011 года и вовсе была невозможна без информационной поддержки, которая оказывалась «протестантам» средствами массовой информации, среди которых более всего «засветилась» упомянутая выше «Аль-Джазира».

Как отвечали медийным атакам США и их союзников с другой стороны? На этот вопрос можно ответить одним единственным словом — недостаточно. Естественно, что ни один ближневосточный режим не располагает и малой частью финансовых и политических возможностей США и их союзников для построения соответствующей силы пропаганды вне (а часто — и внутри) своей страны. Фактически, единственное «информационное поражение» запад, в лице своего верного союзника в регионе, Израиля, потерпел в 2006 году во время ливанской войны. И нанесли это поражение ему не СМИ какого-либо арабского режима или частные компании, а «медийщики» движения Хезболла, сумевшие показать фактическое уничтожение израильскими войсками мирной ливанской инфраструктуры и убийства мирных жителей.

На данный момент Иран и Сирия являются ни чем иным, как бастионом, до сих пор не павшим в информационной войне. Даже, несмотря на то, что они, по признанию Башара Асада, ее проигрывают, мировое сообщество пока не удалось полностью склонить на сторону уже готовых к войне «горячей» агрессоров. За Сирию «вступились» в Совбезе ООН Россия и Китай, что отдалило военное вторжение в страну в отдаленную перспективу.

Что касается Ирана, то его национальным СМИ, а также официальным лицам, несмотря на пропаганду, удастся в какой-то мере прояснить ситуацию. В частности, российское общество во многом обязано получением взвешенной информации об Иране, политике и общественной жизни этой страны активной работе в медийном пространстве посла Исламской Республики в РФ господина Резы Саджади, который не только регулярно дает интервью по самым проблемным темам, но и ведет собственный блог в интернете.

Иранский телеканал PRESS TV вещает на европейскую аудиторию и доносит до жителей старого континента точку иранских властей на те или иные, связанные с Исламской Республикой события. Об успехе данного проекта косвенно могут свидетельствовать репрессивные меры, примененные к PRESS TV в Германии и Великобритании. В этих странах канал сначала был отштрафован, а затем и вовсе — отключен.

С другой стороны некоторые методы борьбы со стороны ИРИ не принесли достаточно эффективного результата. В частности — блокирование некоторых сайтов во всемирной сети и попытки контроля над Интернетом. В этом аспекте Соединенные Штаты, превосходя Исламскую Республику технически, вряд ли встретят какое-либо серьезное противодействие. Об этом свидетельствуют и недавние атаки вредоносных компьютерных программ Stuxnet, Stars и Dugu, сравнительно легко поразившие даже военные и неподключенные к Интернету информационные системы Ирана.

Кроме того, продолжают действовать такие ресурсы, как ВВС и «Голос Америки», имеющие персидские представительства и вещающие, в том числе, и на фарси. Их технические специалисты изыскивают все новые способы для проникновения через иранские системы блокирования.

В перспективе США намерены еще более усилить техническую составляющую своей информационной работы против Ирана. Уже сейчас на вооружении у американцев имеются специальные средства. Речь идет, например, о самолете *Commando Solo*, применяемом для психологических операций. Данный аппарат способен вещать в FM и AM диапазонах радио и VHF и UHF — телевидения. Пролетая в нужных районах, *Commando Solo* может также включать Wi-Fi — сети и предоставлять населению доступ к Интернету. Другой специальный летательный аппарат, беспилотник-невидимка RQ — 170 может включать в определенных районах 3G-сеть, которая через спутник также связана с Интернетом.

Следует понимать, что информационный нажим на союзные режимы Ирана и Сирии, скорее всего, будет продолжен, а потому их руководителям следует как можно больше внимания уделять этой сфере борьбы, а также налаживать отношения со странами, имеющими необходимые технологии и профессиональные кадры. Основным таким союзником, как для одного, так и для другого государства может стать Российская Федерация, имеющая неоценимый опыт, как позитивный (освещение выборов 2011–2012 г.), так и негативный (противостояние с Грузией 2008 г., чеченский конфликт), по противодействию «информационной войне» и в то же время — интегрированная в мировое информационное пространство.

Лана Раванди-Фадаи

Персидский ковер национальных проблем

Начнем с сухих цифр. Основными этническими меньшинствами в Иране являются азербайджанцы 24%, гилаки и мазандаранцы 8%, курды 7%, арабы 3%, белуджи 2%, туркмены 2%, луры 2%, армяне, ассирийцы, евреи, и грузины. Племенные группы: бахтияры, луры, кашкайцы, а также другие. Совершенно очевидно, что при таком разнообразии одна из наиболее важных задач правительства ИРИ — это сохранение целостности государства, являющимся многонациональным.

Согласно конституции ИРИ, иранцы, относящиеся к любому этносу или племени, обладают равными правами; цвет кожи, раса, язык и т.п. не ставит никого в привилегированное положение. Местные национальные языки могут свободно использоваться наряду с персидским языком в прессе и иных средствах массовой информации, а также для преподавания национальных литератур в школах.

Но на практике не всегда удается этим конституционным принципам воплотиться в жизнь. Запад очень часто обвиняет национальную политику ИРИ в дискриминации этнических меньшинств со стороны иранских властей (обвиняя в запрете на отстаивание социальных и культурных прав, включая право на образование на родном языке)¹.

Язык, представительство и политическая торговля с «Центром»

Этнический национализм является важным элементом в жизни любой страны, который следует учитывать для внутренней безопасности, особенно в Иране, находящимся на перекрестке цивилизаций и этносов. Так, деятель-

¹ Amnesty International report (AIR). Iran. 2009 // http://thereport.amnesty.org/sites/default/files/AIR2010_AZ_RU.pdf#page=117

ность этнических националистов в западном и юго-восточном районах Ирана (в которых экономическая и религиозная ситуация заметно отличается от центральных оstanов Ирана) и возможность иностранных провокаций в этих районах могут быть крайне опасны.

Этнические проблемы представляются крайне важными для современного Ирана. Ситуация осложняется наличием «разделенных народов» («ирредентизм»), и естественным желанием этносов соседних стран объединиться в единое целое. С одной стороны Иран получает возможность влиять на своих соседей, но, с другой стороны, и соседи могут подстрекать «свой» этнос к межэтническим конфликтам в Иране.

Проблема, которая больше всего вызывает недовольство среди национальных меньшинств, это отсутствие школ на родном языке. В связи с этим хотелось бы отметить, что вопрос о том в какой степени государство должно разрешить этносам внутри страны проявлять и развивать свою особую этническую и национальную идентичность, является крайне непростым для любого государства. Например, США часто и громко критикуют национальную политику других стран, в том числе и Ирана, обвиняя их, что они ущемляют права своих национальных меньшинств. Но в американских государственных учебных заведениях учеба ведется только на английском языке. Хотя по данным официальной переписи 2010г., 16.3% населения США — латиноамериканцы. А их доля в юго-западных штатах намного больше (например, в штате Калифорнии — 37.6 % населения — латиноамериканцы)². Но и в Калифорнии учеба в государственных высших учебных заведениях ведется только на английском языке.

Для американских политиков представляется бесспорной важность государственного единства. Еще в 1907г. президент Рузвельт сказал: «В нашей стране хватает места только для одного языка — это английский язык. Поэтому, что мы намерены создавать наших граждан американцами, людьми американской национальности, а не обитателями какого-то проходного дома многих языков»³.

Существуют различные взгляды на проблему этнического национализма. Одни считают, что этносы — уже дело прошлого. Этносы существовали веками, как и семейные, общественные и т. п. связи, которыми любой человек окружен с детства. В настоящее время, когда идет «построение наций», неизбежно происходит «разрушение этносов». Зачастую людям приходится отказываться от этнической самоидентификации, чтобы стать частью чего-то большего — нации, страны. Это естественный процесс, и конфликты, связанные с ним, также естественны, и социальные перемены ничего не изменят, и решения проблемы данным подход не предлагает. Согласно другой точке зрения этнические конфликты, как мы их знаем сегодня, — это результат политических, социальных, культурных и т.п. изменений в обществе. Таким образом, зная причины и последствия таких перестановок,

2 <http://quickfacts.census.gov/qfd/states/06000.html>

3 In 1907, US President Theodore Roosevelt wrote, «We have room for but one language in this country, and that is the English language, for we intend to see that the crucible turns our people out as Americans, of American nationality, and not as dwellers in a polyglot boarding house.» Roosevelt, Theodore, Works (Memorial ed., 1926), vol. XXIV, p. 554 (New York: Charles Scribner's 11 Sons).

можно найти оптимальное решение. Чтобы понять современную ситуацию в Иране, необходимо сочетать оба эти подхода.

До определенного момента первый подход позволял объяснить причину политизации национального сепаратизма. Но в настоящее время ситуацию в иранских национальных районах первый подход мало объясняет, зато может помочь объяснить второй.

Чрезвычайную важность имеет вопрос национального представительства во властных структурах. Так, число правительственных постов ограничено. Если их получают представители одного этноса, то не получают представители другого. Все это приводит к соревнованию, и политизации противоречий. Это же можно сказать про экономику, культуру и т.п. Внутри же этнической группы подобные противоречия приводят к «мобилизации этноса», его сплочению.

Сами по себе межэтнические проблемы на религиозном, культурном, и т.п. уровне не являлись бы настолько серьезными, если бы не становились политизированными. Объединение людей на этнической почве нередко происходит по расчету. Если они видят, что объединение в группу по этническому признаку принесет им больше выгод, чем неприятностей — они объединяются. Такое же сплочение в ущерб целостности страны может вызывать серьезные проблемы.

В разжигании межэтнических конфликтов нередко виноваты руководящие элиты, лидеры этносов. Они играют на различиях между этносами и центральной властью («Да, мы сунниты! Да, мы курды! И т.п.», тем самым специально приводя к разделению. Сами элиты таким способом «шантажируют» центральное правительство, стремясь получить больше полномочий и привилегий, демонстрируя свою власть над этносом. Ведь пропасть между центральной властью и этнической группой грозит взрывом. И наоборот: в стране с сильной центральной властью сепаратистские тенденции не могут получить развития.

Существуют разные определения этносов, но наиболее удачным представляется определение Энтони Смита этническая группа это «единица общества с определенным названием, с общим мифом о происхождении, общей исторической памятью, общими культурными элементами, связанное с определенной землей исторически, и с определенным чувством солидарности». Таким образом, элементы идентичности, религии и общей культуры являются ключевыми элементами в решении этнических вопросов.

Этнические группы требуют определенных прав: справедливого доступа к политической и социальной власти, справедливого доступа к решению юридических вопросов, справедливого участия в политической жизни.

Некоторые считают, что если этносы внутри государства будут чувствовать, что имеют все необходимые и равные права (право на родной язык и преподавание на нем, равный доступ к политической жизни и т.п.), то они будут чувствовать себя частью единого государственного организма («Мы — иранцы», а не «мы — белуджи»). Однако если подобные проблемы не будут решаться, достаточно малейшей проблемы для того, чтобы вызвать мобилизацию этноса и его конфликт с центральной властью.

Что вызывает этнический национализм? Структура распределения власти (включая экономику, политику и культуру), исторический опыт различных

этносов (сами они правили в прошлом или кто-то правил ими), реакция других соседних с этносом стран или международных сил на определенные этносы внутри страны, геополитические условия жизни общества, «соседи» (курды в Турции могут вызвать и проблему с курдами в Иране), а также то имеют ли этносы национальное сознание или считают себя чем-то отдельным от государства.

Проблемное многообразие

Формирование и проведение национальной политики в Иране осложнено наличием большого количества этносов. Иран является 16-ой страной в мире по разнообразию языков и этносов. На фарси говорит только 60% населения страны. Имеются также 6 крупных этнических групп, которые в течение истории сильно повлияли на формирование современного иранского государства (более подробный список — в Приложении).

— Крупнейшим этническим меньшинством Ирана являются азербайджанские турки, известные у нас в России как иранские азербайджанцы. Они живут в 4 провинциях, но также разбросаны и по другим крупным городам Ирана. Эта этническая группа занимает достаточно сильные позиции в экономике, и потому экономические проблемы не могут стать причиной межэтнического конфликта. Но при этом данная группа отличается сильным чувством национальной идентичности — именно они боролись против центральной власти при Каджарах, в период Конституции. Выпускается масса журналов на азербайджанском, и на нем напечатано более 11 000 книг.

— Другая многочисленная этническая группа — это курды на западе Ирана. Они более подвержены межэтническим конфликтам по следующим причинам: они живут на очень небольшой территории, у них плохо развита экономика, мало образовательных и медицинских учреждений. Добавляется и географическая ситуация — «соседи», где курдские националисты могут легко найти убежище в горных районах Курдистана на турецкой и иракской территориях. Курды, в отличие от азербайджанцев Ирана, испытывают политическую изоляцию, их присутствие в политической элите Ирана очень невелико. На них большое влияние оказывает ситуация с курдами в северном Ираке и южной Сирии. Публикуются некоторые издания на курдском языке.

— Луры представляют собой достаточно сплоченную этническую группу, с сильно выраженной племенной властью. В свое время они выступали против центральной власти при Каджарах, Насреддин-шахе, в конституционный период, период Реза-шаха.

— Белуджи, в основном, сконцентрированы в Систане и Белуджистане. Они, в отличие от вышеперечисленных этносов, в основном исповедующих шиизм, являются суннитами, поэтому вовлечены в конфликт с центральным иранским правительством на религиозной почве, также имеются проблемы в экономическом отношении. Они «соседи» белуджей в Пакистане и Афганистане, и это оказывает на них большое влияние, побуждая выступать против центрального правительства.

— Арабы, проживающие в провинции Хузистан (на юго-западе Ирана). Если после исламской революции 1978–1979 гг. произошел всплеск наци-

оналистических взглядов, то после начала войны с Ираком они «забыли» о национализме, но этот этнический фактор все-таки остается из-за соседства с арабскими странами. После войны большая часть богатых арабов покинула Хузестан. Несмотря на то, что Хузистан — один из центров добычи нефти в Иране, в этом остане высок уровень безработицы, и велик контраст между уровнем жизни арабов в Иране и арабских стран, что становится причиной возникновения националистических движений.

— Туркмены на северо-востоке Ирана, не идентифицируют себя как часть туркменского этноса, и большая их часть называет себя иранцами. Но они все равно подвержены влиянию Туркменистана.

Ахмадинежад и национальные проблемы

Проблема этнического сепаратизма достаточно резко стояла перед Ираном в течение всего XX столетия. Особенно острой она стала после Исламской революции 1978–79 гг. Наиболее напряженной ситуация была в Иранском Курдистане, когда в течение нескольких лет там велись настоящие боевые действия Демократической партии иранского Курдистана с вооруженными силами ИРИ. Сейчас ситуация менее напряженная, но еще далека от идеальной.

В период президентства Ахмадинежада курдское движение как политическое и как сепаратистское себя фактически не проявляет. Можно говорить о развитии национальных оппозиционных движений, которые базируются за рубежом. Придавая большое значение снижению уровня оппозиционных настроений в национальных останах, Махмуд Ахмадинежад сразу же после своего избрания начинает периодически посещать эти регионы, особенно наиболее отсталые в экономическом отношении. Там же неоднократно проводились выездные правительственные сессии. Именно Ахмадинежад, был первым президентом которому удалось привлечь внимание разных государственных органов к этим столь отдаленным и малоразвитым районам страны. По решению правительства часть средств от продажи нефти была выделена на развитие этих депрессивных районов, и меджлис согласился с тем, что на нужды этих регионов была израсходована часть средств Стабилизационного Фонда.

На этническую ситуацию в последние годы стал влиять внешний фактор, связанный с развитием ядерной программы Исламской республики, ужесточением экономического давления на Иран со стороны США и Европы и попытками ослабить режим поддержкой сепаратистских настроений. В этнических регионах страны, особенно в Систане и Белуджистане, а также в Курдистане, появилось значительное количество новых националистически настроенных организаций, которые осуществляют террористические акты. Этнический терроризм, несмотря на то, что его основой являются экономические, политические и культурные притеснения национальных меньшинств со стороны официального Тегерана, также воплощает в себе фактор иностранного вмешательства. Это является одной из форм давления США и их союзников на официальные иранские власти. Можно предполагать, что этнический фактор будет и в дальнейшем влиять на стабильность социально-политической жизни ИРИ.

Карине Тер-Саакян

Курдский сепаратизм — поддержат ли его из Армении?

Курдская проблема всегда была головной болью для Ближнего Востока. Время от времени курды, проживающие в Турции, Сирии и Иране делали вид, что все спокойно и им ничего не нужно, но всякий раз это оказывалось лишь паузой перед всплеском конфронтации.

21 марта 2012 года, в день Новруза президент курдской автономии Ирака (Северного Курдистана) Масуд Барзани намеревался объявить о создании независимого Курдистана. Насколько Барзани был убежден в правильности шага, говорить трудно, однако тот факт, что 21 марта независимость так и не была объявлена, говорит сам за себя. В феврале международное сообщество никак

не отреагировало: Франция и Великобритания пока не определились со своей позицией в данном вопросе, США вроде тоже не готовы к независимости Курдистана, Турция, как всегда, предлагает обсудить этот вопрос. Неготовность Вашингтона несколько непонятна, ибо создание независимого Курдистана давно являлось его целью для установления контроля над нефтью Киркука. Но создание этого государства может стать еще одним джином, который обернется кошмаром для всех приграничных государств.

День вчерашний и день сегодняшний

Курды, а точнее езиды являются самым большим национальным меньшинством в Армении, стране почти полностью моноэтнической. Курдская община насчитывает примерно 70–80 тысяч человек, из них собственно курдов около 3 тысяч.

Йезиды отличаются от курдов антропологическим обликом, они говорят на курманджи, исповедуют йезидизм — нечто среднее между зороастризмом и исламом. Йезидизм — закрытая религия. Йезидом, как и зороастрийцем, можно только родиться, принять эту религию нельзя. Главной святыней йезидов является город Лалеш в горах Синджара на севере Ирака, где похоронен Шейх Ади. В йезидизме многое заимствовано из семитских культов

Междуречья, ислама, христианства и иудаизма. Из зороастризма пришло поклонение огню и природным стихиям. Йезидам нельзя есть мясо петуха, газели, рыбу, тыкву, салат и носить на синий цвет, нельзя кашлять и свистеть, играть на музыкальных инструментах. Соблюдается обряд обрезания при рождении. Разногласия между йезидизмом и зороастризмом находятся в области учения о переселении душ.

С 1923 по 1931 существовал Красный Курдистан — непонятное образование, призванное скорее всего по логике большевиков стать форпостом мировой революции на Востоке. Однако — не получилось, и Красный Курдистан, куда входили Лачин и Кельбаджар — районы Нагорного Карабаха — был уничтожен. Во время СССР на Южном Кавказе почти не осталось курдов — до Второй мировой войны они были высланы в Среднюю Азию как враждебная советской власти этническая единица. В Армянской ССР остались только йезиды.

В Армении издается курдская газета «Рийа Таза», на радио есть двухчасовая передача на курмаджи, до сих пор в Армении есть йезидские школы. Но самое главное — именно в Армении формировалась йезидская интеллигенция. Ни в Грузии, ни в Азербайджане не могло быть такой благодатной почвы для пробуждения национального самосознания йезидов. Только в Армении они находили понимание и поддержку в главной своей беде, а в других республиках СССР они оставались просто национальным меньшинством.

Курды слишком долго ожидали появления своего государства, это стало возможным сегодня, потому что оказалось в интересах мировых держав, много лет державших в запасе курдскую карту. Как уже отмечалось, ничего хорошего для Армении и Ирана из этой затеи не выйдет. Курды, проживающие на юго-востоке Турции, уже с радостью восприняли известие о независимости Курдистана. А это значит, что армяно-турецкая граница станет опасней, чем была всегда. В Диарбакыре уже действует некое подобие курдского самоуправления, правда, больше на словах, чем на деле, но в перспективе курды намерены создать государство с центром в Диарбакыре, и тогда Армении придется сдерживать не только турок, но и курдов. Турецкое меньшинство провинций Ван, Муш, Диарбакыр будет поддерживать ползучее проникновение курдов в Армению, более того, может даже само создавать условия для более успешной экспансии. Если следовать логике Анкары, то боевики РКК могут запросто обосноваться в приграничных районах Армении, тем более, что разговоры в Турции об этом идут уже не один год. А чем отличается Армения от Ирака? Трансграничные операции можно проводить и здесь.

Единства нет

Но, как и водится во всех национальных общинах на постсоветском пространстве, у курдов и езидов есть серьезные разногласия в вопросах национальной идентичности. Езиды утверждают, что на самом деле в Армении курдов не осталось, все они в 1988 году вместе с 150 000 азербайджанцами покинули страну. «А те, кто себя называют курдами, на самом деле окурдившиеся езиды», — сказал председатель Союза езидов Азиз Тамоян, по словам которого все это является следствием борьбы за руководящие посты

общины. Тамоян предупреждает армян остерегаться курдов и окурдившихся езидов, поскольку они обслуживают интересы курдов и опасны.

Члены союза езидов утверждают, что у курдов «большие аппетиты»: «Послушать их, так половина Армении является курдской землей, Западная Армения тоже, и Карабах был частью их Красного Курдистана, и в их перспективные цели входит возвращение этих земель. Если граница откроется, то половина проживающих в Турции 20 млн курдов заполнят Армению». Есть в Армении также организация «Ездихана», возглавляемая Азизе Амар. Она издает газету, которая запрещает использование терминов «Курд» и «Курдистан».

Многие армянские политические группы поддерживают Амара, а не тех, которые считают езидов курдами. Это еще более способствовало кризису идентичности езидов. Поддержка политиками организации Амара в основном объясняется историческими причинами, в том числе Геноцидом армян в Османской империи. Многие армянские курды говорят, что часть Курдистана, которая в настоящее время находится в Турции, исторически была населена армянами, прежде чем область заселили курды. В 2002 году армянский парламент принял резолюцию, объявляющую езидов некурдами, в то время как в действительности правое крыло армян смотрит сверху вниз на все меньшинства в Армении, а не только на курдов.

Газета «Ездихана», которая выступает против курдов, получает поддержку от правительства Армении и публикуется еженедельно. Кроме того, половина из одного часа курдского радиовещания в Армении посвящена тем, кто утверждают, что езиды не курды.

Еще одной важной проблемой является ослабление курдского самосознания в среде городских езидов, особенно проживающих в столице и других крупных городах и не волнующихся, курды они или нет. Кроме того, многие курды, проживающие в качестве меньшинств в деревнях, где преобладают консервативные армяне, избегают выявлять свою курдскую идентичность, чтобы не провоцировать своих армянских соседей.

Высокий уровень безработицы и отсутствие экономических возможностей является еще одной серьезной причиной кризиса идентичности езидов в Армении. Хотя и для большинства армян трудно найти работу в Армении, это еще более трудно для меньшинств, таких, как езиды. Это было основным фактором миграции молодых езидов из деревень в городские районы. Например, в деревне Хако на западе Армении, в настоящее время живет только шестнадцать семей. До начала 1990-х, там жило более 100 семей.

Экономические проблемы заставили даже некоторых езидов обратиться в христианство, с тем чтобы получить продовольствие и другие виды помощи. В деревне Амре, к северу от Еревана, около 35% населения превратились в евангельских христиан «протестантов». Это произошло в основном из-за помощи, которую они получают от западных миссионерских групп за их обращение в новую веру.

Угрозы, вызовы и геополитический пасьянс

«Не существует единого курдского народа, существуют отличные друг от друга курдские племена», — заявил армянский курдовед Гарник Асатрян.

По его словам, турецкие и иракские курды отличаются друг от друга очень сильно и даже не смогут понять друг друга из-за существенных языковых различий. Эксперт подчеркнул, что в связи с этим они пользуются турецким или иранским языком для общения.

Асатрян указал на то, что по этой причине вопрос объединения курдов северного Ирака и курдов Турции довольно проблематичен. «Но если этого желает сверхдержава, то это вполне возможно, США вложило много сил и ресурсов в иракский Курдистан», отметил курдовед.

По его словам, Турция, осознавая все это, продолжает политику вытеснения лидеров курдского движения из Турции в Ирак, где усиливается напряжение между лидерами иракских и турецких курдов. Асатрян обратил внимание и на соперничество двух кланов (Барзани и Талабани) в самом иракском Курдистане.

Эксперт также привел данные по численности населения курдов. По его данным, в Ираке проживает около 4 млн курдов, в Иране — 3–3,5 млн, Сирии — 2 млн, в Турции около 8–9 млн.

«Турция не позволит создать на своей территории курдское государство», — заявил он. По его словам, предпосылки для таких заявлений со стороны курдов есть, они исходят от США. В недавнем прошлом на курдском севере Ирака созрела идея проведения референдума с целью отделения от Ирака. Активная работа американцев в Курдистане хорошо прослеживается, и нетрудно догадаться, что курдов готовят к приобретению свободы, заявил эксперт. Если вдруг им удастся создать независимое государство курдов в Ираке, это вызовет цепную реакцию в Турции, Сирии и Иране. В свою очередь нужно ожидать ответных действий со стороны властей этих стран, которые всеми силами попытаются не допустить никаких сепаратистских тенденций и по всей вероятности используют силовые методы, как это было на севере Сирии и на турецко-иракской границе, сказал Гарник Асатрян.

Между тем, в некоторых турецких СМИ время от времени появляется информация о том, что Армения и Иран поддерживают боевиков Курдской рабочей партии (РКК) поставками оружия, — российское вооружение попадает сепаратистам с армянской территории, а Тегеран снабжает их боеприпасами собственного производства. Профессор политологии Стамбульского университета «Кадыр-Хас» Митат Челикпала отмечает, что Армения и Иран уже не первый год поддерживают курдских боевиков. «Цель этих государств ослабить Турцию. Однако я считаю, что у турецкой стороны достаточно сил, чтобы пресечь враждебные вылазки боевиков из этих стран», — отметил он.

Но по словам премьер-министра Ирака Нури аль-Малики, Турция превратилась во врага всего региона из-за ее желания управлять соседями и попыток вмешательства в их внутренние дела. Президент Иракского Курдистана потребовал, чтобы шиитские лидеры договорились о разделе власти со своими политическими оппонентами до сентября, либо курды рассмотрят возможность отделиться от Багдада. Барзани достаточно жестко предупредил в интервью Associated Press, что «шиитское господство в правительстве Ирака возрождает мечты курдов об отделении». Но в «шиитском господстве» ли дело? Может, истина лежит в том, что в США посчитали удобным данное время для начала реализации «проекта Курдистан»?

В период оживленных дискуссий о выводе войск из Ирака, Фредерик Каган из Американского института предпринимательства совершенно четко сформулировал видение определенных кругов в США дальнейших перспектив: «Если Малики позволит Соединенным Штатам уйти из Ирака, — написал он недавно в докладе, — он по сути дела заявит о своем намерении выполнить пожелания Тегерана, подчинить внешнюю политику Ирака персам, а возможно также, консолидировать собственную власть, выступив в роли современного персидского сатрапа в Багдаде». Разумеется, в администрации Обамы считали и считают, что такое развитие событий нанесет сокрушительный удар по общим позициям США на Ближнем Востоке, сведет на нет колоссальные и болезненные инвестиции Америки, вложенные кровью и деньгами, а также серьезно затруднят действия США по окружению Ирана сетью военных баз, которые, в случае необходимости, будут использованы в качестве плацдарма для силового воздействия на Тегеран. А следовательно — нужен противовес, на роль которого очень хорошо и подходит «курдский проект». Показательный факт: в 2006 году Народный союз федаинов Ирана, ДПИК, Организация федаинов иранского народа (большинство) и Революционная организация трудящихся Иранского Курдистана (Комала) приняли специальный документ (Joint Statement). В нем они сообщают, что разделяют воззрения европейского сообщества, фокусирующегося на раздувании значимости иранской ядерной программы. Все представители «непримиримой» оппозиции поддерживают международное давление на Иран в этом вопросе и выражают готовность содействовать этому давлению изнутри.

Пока езидов и курдов в Армении не рассматривают в качестве «пятой колонны», но с провозглашением независимого Курдистана — а это видимо рано или поздно произойдет, они могут сыграть отрицательную роль и для иранской, и для армянской государственности.

Гейдар Джемаль

«Зеленый квадрат»

В условиях жесточайшего политического кризиса, охватившего мир после развала СССР, и перешедшего в открытую фазу с началом нового тысячелетия, в исламском мире развивается активное противодействие тенденциям глобального неоимпериализма.

Сегодня можно говорить о первых шагах к формированию противостоящего США и НАТО военно-политического союза, в который в качестве основных игроков могут войти Иран, Турция, Египет и Пакистан. Итогом создания такого блока будет появление могучего центра силы, который объединит в своих границах (с учетом Афганистана и Центральной Азии) полмиллиарда человек.

Однако в какой степени это реально?

1. Основное противоречие современной мировой политики

В современном мире основным противоречием, движущим текущий исторический процесс, является конфликт между интересами национальных бюрократий, представляющих суверенные государства, и международной бюрократии, которая стремится стать наиболее мощной административной корпорацией мира, не зависящей от национальных законодательств, электоральных процедур, интересов электоратов и т. д. Противоборство между международной бюрократией, опирающейся на такие инструменты как ООН, ЕС, НАТО и более периферийные типа Лиги арабских государств — с одной стороны, и национальными бюрократиями — с другой, выражается в острых столкновениях, как в политэкономической сфере (санкции), так и в сфере вооруженной борьбы, примеры чего изобилуют на протяжении последних 20 лет.

Запад представляет собой часть мира, в котором международная бюрократия почти полностью восторжествовала над национальными администрациями (хотя и там эта борьба еще не закончена). В остальном же мире национальные бюрократии ведут «арьергардные бои», продолжают оказывать сопротивление диктату формирующегося на наших глазах мирового правительства. Ясно, что эта борьба носит неравный характер и администрации суверенных государств обречены на поражение, если они не прибегнут к тактике создания наднациональных объединений, то-есть по сути не прибегнут к формированию международных же инструментов противодействия

международной бюрократии. Подобного рода шаги уже делаются на постсоветском евразийском пространстве; в частности, ШОС является одной из попыток создать на базе национальных бюрократий структуру, ограничивающую свободу рук НАТО за пределами ее номинальной ответственности.

До последнего времени считалось, что исламский мир в меньшей степени, чем другие цивилизационные анклавы способен к формированию эффективных военно-политических союзов. Эксперты соревновались в описании тех противоречий, которые разделяют умму и противопоставляют друг другу интересы нескольких десятков государств исламского мира.

Действительно, структуры, в которые организованы мусульманские государства — ОИК, ЛАГ, и т.п. — в гораздо большей степени представляют собой филиалы как раз западной международной бюрократии, нежели объединения национальных суверенитетов для коллективной самозащиты от глобализации. Подавляющее большинство этих государств возникло в 20 веке в результате крушения Османского халифата и распада европейских колониальных империй; в итоге они попали под управление компрадорских прозападных элит, образующих в политическом смысле региональную модификацию западного либерализма. Соответственно, ни о каком серьезном противостоянии мировому порядку, учрежденному Западом, на этом уровне невозможно было бы и помыслить.

Прорыв в этом направлении был осуществлен благодаря конфликту между двумя бюрократическими кланами на самом Западе. Республиканцы США выражают имперские национально-почвенные интересы, их повестка дня заключалась в перекройке Ближнего Востока таким образом, чтобы создать в регионе абсолютно послушных сателлитов американской империи. С этой целью был разработан план разгрома группы стран, представляющих собой с точки зрения неоконцов очаги сопротивления. Одновременно республиканцы поддерживали те национальные администрации, которые с их точки зрения приняли статус полной зависимости от Белого дома. В это число входили режимы саудовской династии, Мубарака в Египте и — с 2003 года — режим Каддафи.

Левое крыло Демпартии США представляет, напротив, интересы международной бюрократии. Именно поэтому когда запущенный провокациями неоконцов процесс исламского пробуждения в регионе поставил под угрозу будущее диктаторов, являвшихся «партнерами» Буша-младшего, демократический Белый дом предоставил их собственной судьбе. Прореспубликански ориентированные «сильные» лидеры национальных администраций не нужны Обаме, который работает на космополитическую повестку дня. В итоге столкновения интересов двух бюрократических кланов США была сломлена сама структура американского контроля над регионом, и открылась перспектива того, что сегодня популярно называют «исламским пробуждением».

2. Противоречия в исламском мире

В качестве главного противоречия, препятствующего политической интеграции уммы, традиционно рассматривается многовековой конфликт между шиитским и суннитским направлениями Ислама. Уже 500 лет назад, когда джафаритский мазхаб стал официальным в сефевидском Иране это послу-

жило началу целой череды войн между Ираном и Османской империей, которые продолжались до начала XIX столетия. На вооруженные конфликты такого масштаба в других местах исламского мира трудно указать, потому что Иран в послемонгольскую эпоху стал единственным официальным шиитским государством. Однако на межобщинном уровне, а также в сфере взаимодействия между властью и шиитским меньшинством в мусульманских странах отношения всегда оставляли желать лучшего.

У такого конфликта есть вполне рациональные механизмы. Если оставить в стороне расхождение в сфере высокой теологии, главная претензия суннитов к шиитам заключается в том, что последние не признают легитимную государственную власть в исламском пространстве до прихода Махди. С точки зрения традиционного шиизма, после убийства хазрат-э-Али (с) во все 14 веков исламской истории законной власти не существовало и не может существовать, вплоть до конца истории. Практика, конечно, не вполне соответствовала этой установке. Шиитами были аббасидские халифы и теоретически можно было бы говорить, что исламский мир после бегства Омейядов управлялся шиитами (за вычетом Кордовского халифата) в наиболее цветущие времена своей истории. Кроме того, сефевидская династия в Иране тоже была шиитской, что создавало определенные противоречия между фактическим положением дел и теоретической установкой на нелегитимность иной власти, кроме власти Махди (собственно говоря, этот принципиальный теоретический конфликт и похоронил, в конце концов, монархию в Иране).

Новое поколение шиитского духовенства в Иране с начала 20 начало делать шаги к выходу из этой ситуации, поскольку было очевидно, что исламская революция необходима, а она должна быть легитимной после того, как завоюет власть. Технологическое решение проблемы было найдено в доктрине «Вилаяте-факих» (наместничество правоведа), которую разработал Великий аятолла Рухолла Хомейни. Эта доктрина позволяет создавать исламскую государственность, признаваемую законной в период продолжающегося сокрытия Махди.

Именно в этом состоит наиболее острый момент Исламской революции в Иране: она снимает с шиитов статус перманентных оппозиционеров, которые не собираются приходить к власти в этом «погрязшем в грехах мире» и намерены лишь ставить под вопрос легитимность существующих властей. С 1979 года шииты позиционируют себя как деятелей внутри пространства реальной политики. Вот почему с падением шахского режима антишиитская пропаганда, исходящая от теологических центров Саудовской Аравии и других арабских монархий, обострилась буквально во сто крат: шииты превратились не в теоретических, а во вполне реальных конкурентов на мировой сцене. С другой стороны, для суннитских революционеров, ориентированных на политический Ислам, революция в Иране устраняла самое главное недоразумение, препятствующее союзу. Суннитская исламская революция теперь могла рассчитывать на признание и поддержку со стороны шиитских братьев. На практике это выразилось, прежде всего, в тесных отношениях, которые существуют между Тегераном и палестинским сопротивлением, в первую очередь — ХАМАС.

Разумеется, водораздел между шиитами и суннитами не является единственным препятствием к интеграции на платформе политического Ислама.

Существует негатив исторического наследия — противоречия между персами, тюрками и арабами. Мир был свидетелем антииранской расистской пропаганды во время войны Саддама против Исламской республики Иран, ведомой якобы во имя арабской гегемонии. Известно также, что в современной турецкой политической культуре есть недоверие к арабам, связанное с арабским национал-сепаратизмом и переходом на сторону врага в Первой мировой войне.

Однако глубина этих исторических противоречий несравнимо меньше чем противоречий религиозных. Арабский мир слишком велик и многообразен, чтобы его можно было свести к одной культурной парадигме. Максимальное напряжение в отношениях между персами и арабами сосредоточено в ирано-саудовском противостоянии. Однако по отношению к Египту и другим странам Магриба этот принцип уже не действует. То же самое можно сказать и о турецко-арабских проблемах. Максимум отчуждения существует между Анкарой и Дамаском (с момента образования Сирийской республики турецко-сирийская граница была зоной постоянных конфликтов), а также, в последнее время, между Анкарой и Эр-Риядом. (Действующий режим в Турции идеологически близок к «Мусульманскому Братству», которое воспринимается саудовцами как антимонархическая подрывная сила).

За рамками теологических и культурно-исторических конфликтов остается Пакистан, в силу того, что он, во-первых, возник исторически слишком недавно (1947 год), во-вторых, создан и управляется шиитами (основоположник Мухаммад аль-Джинна), в-третьих, не воспринимается в исламском мире как шиитское государство (и, разумеется, не является таковым).

3. Стратегические «обременения» потенциальных партнеров по блоку

Каждая из возможных четырех стран, движущихся в направлении создания крупнейшего исламского военно-политического блока, имеет определенные «гандикапы» в виде своих политических союзов и обязательств. Так наиболее нейтральный из четырех — Пакистан — геополитически связан с Афганистаном, на территории которого НАТОвский контингент уже 11 лет воюет с афганским народом. Однако главной проблемой здесь является не сам факт западной оккупации страны, а сложные отношения между Афганистаном и Ираном, которые в определенной мере могут стать препятствием к сближению. Рост влияния Ирана в западных районах Афганистана несомненен, однако еще слишком много расхождений остается между Тегераном и афганским движением сопротивления, которое традиционно ассоциируется с талибами второй половины 90-х. Главным препятствием к взаимопониманию между силами сопротивления и ИРИ остается память об убитых талибами иранских дипломатах еще до американского вторжения, а также резня хазарейцев-шиитов.

Впрочем, иранцы являются реалистично мыслящими политиками и понимают, что между сегодняшними талибами и теми талибами, которые объединяли Афганистан в конце 90-х, нельзя ставить знак равенства («талибы» сегодня — бренд, под которым собран широкий спектр сил, выступающих с оружием в руках против оккупантов). Визит одного из виднейших паки-

станских «духовных отцов» Талибан на тегеранскую конференцию «Исламское пробуждение» убеждает, что в этом направлении нет непреодолимых препятствий.

В качестве аналогичного политического бремени для Ирана выступает Сирия. Она сегодня также является пространством вооруженной борьбы, объектом давления со стороны Запада и проамерикански ориентированных консервативных монархий арабского полуострова; кроме того, существует особняком стоящий фактор противостояния между режимами Эрдогана и Башара Асада. Сирия — это главная помеха для решительного сближения между Тегераном и Анкарой. Поскольку Иран никогда не пойдет на отказ от поддержки режима в Дамаске, политическую гибкость придется проявлять Анкаре.

Парадоксально, но ядерная программа Ирана — это помеха в наименьшей степени. Скорее наоборот, достигнутый Ираном технологический уровень, а также развернувшаяся вокруг этого измерения иранской государственности политическая драма, являются преимуществами Исламской республики в борьбе за союзников. И Египту и Турции, не говоря уже о Пакистане выгодно иметь в качестве центрального компонента альянса ядерное государство, не склонившее головы перед мировым прессингом, и доказавшее наличие несгибаемой воли к суверенитету.

И здесь вопрос заключается только в уровне стратегической мотивации. Сама Турция имеет несколько обременений. В аспекте Ирана не самым главным, но весьма важным остается ее тяжба с Арменией, которая на Южном Кавказе фигурирует в качестве союзника и партнера Исламской республики. Неотъемлема от армянской проблемы и тема Азербайджана. Несмотря на определенное охлаждение в последнее время между Баку и Анкарой, Турция — единственный реальный союзник Азербайджана, у которого на протяжении всей истории его независимости отношения с Ираном не складывались. Сегодня они обострились настолько, что в обеих странах арестовывают людей по обвинениям в агентурной деятельности в пользу соседа. Разговор идет также и о вероятном использовании Израилем военных аэродромов Азербайджана — обстоятельство настолько скандальное, что юридически говоря, может превратиться в *casus belly* (повод к войне).

Крайне серьезным препятствием для участия Турции в сколько-нибудь действенном блоке такого рода является ее членство в НАТО и не снятый вопрос о членстве в ЕС. Если Евросоюз для Эрдогана работает «дымовой завесой» на внутривнутриполитическом направлении (ссылаясь на необходимость соответствовать европейским правовым нормам, Эрдоган осуществил деконструкцию политической роли армии в жизни страны), то НАТО оборачивается вынужденными практическими шагами, которые носят антииранский характер — в частности, размещением установок ПРО в восточной части Анатолии. Трудно сказать, готов ли сегодня режим Эрдогана рисковать бонусами от пребывания в НАТО (военная и технологическая помощь, инфраструктурная поддержка и т.п.) ради пока еще виртуальной перспективы исламского альянса.

Что же касается Египта, его главным обременением сегодня нужно признать мирный договор с Израилем. Тот договор, ради которого постнасеровский режим предал исламскую и арабскую солидарность, получив «тридцать се-

ребрянников» регулярной военной помощи (всегда значительно меньшей чем Израиль) и право считать Синайский полуостров «своим», сегодня является политическим балластом, поскольку выводит почти 90-миллионную крупнейшую страну арабского мира из антиизраильского мирового мейн-стрима. Судьба договора упирается в позицию и реальную политическую компетентность г-на Мурси, кандидата от «Братьев-мусульман». Если он, как уверяет экс-президент Джимми Картер, и в самом деле не готов к решительному разрыву с Израилем, это будет означать, что процесс транзита власти в Египте не закончится, а «Братья» начнут терять в обществе рейтинг, уступая сцену более радикальным силам...

Суммируя сказанное можно утверждать, что технические проблемы и политические обременения четырех стран, препятствующие созданию ими военно-политического альянса являются весьма значительными, но, в принципе, разрешимыми при наличии подлинной воли к такому союзу. Есть ли она и что ее мотивирует?

4. Императивы стратегического альянса «Зеленый квадрат»

Главной и общей для всех четырех стран базой, на которой основано стремление к сближению, является страх национальных бюрократий в этих странах подвергнуться разгрому и быть поглощенными в ходе глобального наступления всемирной международной бюрократии во главе с ее западной авангардной частью. Надо отметить, что монархические страны арабского полуострова находятся с международной бюрократией в принципиально иных отношениях. У Саудовской Аравии, Кувейта и других близких им стран в этой группе нет конфликта ни на уровне такой периферии международной бюрократической корпорации как ОИК, ни с такими основными структурами как ООН и ЕС. Это происходит в силу того, что монархические режимы связаны тесными «клубными» отношениями с традиционалистскими элитами Старой Европы, которые стоят за спиной феномена, именуемого «агрессивным космополитизмом».

Поэтому страны Персидского залива образуют группу полярного политического противостояния союзу, о котором мы говорим.

Локомотивом альянса «Зеленый квадрат», безусловно, выступает Иран. Его положение как крупнейшего суверенного государства в центре Евразии в наибольшей степени проблематизировано космополитическим давлением, которое оказывают как Запад, так и значительная часть государств исламского мира. Для Ирана категорически необходимо прорвать стратегическое окружение, и стать если не осью, то, по крайней мере, решающим звеном во вновь формирующемся центре силы. Если для Турции речь идет о проекте, в котором реализуется давно сдерживаемые амбиции, то для Ирана такой союз — это вопрос жизни и смерти. Не менее острой является проблема выживания и для Пакистана, где экономическая ситуация ухудшается не по дням, а по часам. Пакистан пошел на закрытие НАТОвского транзита в Афганистан, поскольку на фоне беспредела, чинимого американской военной машиной, дальнейшее продолжение сотрудничества с США могло бы обернуться просто сносом режима снизу. Во всяком случае, президент Па-

кистана Зардари (шиит) был бы принесен в жертву пакистанскими элитами, чтобы умирить ярость народа. Прекрасно понимая это, Зардари пошел даже на то, чтобы публично обещать Ирану вмешательство всей ядерной мощью на стороне Исламской республики, если Израиль осмелится напасть на нее.

Однако помимо грозных деклараций, есть и вполне реальная вещь: острейшая необходимость ударными темпами построить газопровод из Ирана в Пакистан, в чем Тегеран также настолько заинтересован, что открывает под этот проект кредит в 250 миллионов долларов.

Иран и Пакистан — это наиболее искренние и наиболее ангажированные сторонники такого союза. Турция ориентирована в данном вопросе на извлечение максимальных выгод, не будучи еще морально готовой поставить все на кон ради этой перспективы. Однако последние дипломатические жесты Анкары по уравниванию, с точки зрения внешнеполитических акцентов, Израиля с Арменией, говорят о том, что Эрдоган способен вести рискованную игру, ходя по краю.

Египет еще по-настоящему не стал реальным субъектом и носителем политической воли. Отряд национальной бюрократии, сформированный со времен Нассера и махрово расцветший при Мубараке, получил сильнейшие удары в ходе «революции Тахрир». Политический субъект в Египте должен формироваться вокруг Ихван аль-Муслимин, которые пока не создали своего собственного госчиновничества, потому что не допускались до последнего времени к власти. В силу постоянной привычки «Братьев» к гибкости, компромиссам и недоговоренностям, Египту будет достаточно сложно сформировать жесткий и однозначный посыл к заключению обязывающего союза, особенно под неизбежным давлением Запада против такого решения. Поэтому решающим фактором на этом пути окажется воля египетской улицы.

5. Сторонники и противники «Зеленого квадрата»

Как мы уже неоднократно говорили, вопрос военно-политических блоков сегодня — это, в первую очередь, вопрос противостояния между суверенитетами и «агрессивным космополитизмом» (скорее чем глобализмом, потому что последний сам по себе не заинтересован в уничтожении национальных суверенитетов де-юре). «Агрессивный космополитизм» — это курс международной бюрократии. Именно она с самого начала выступает противником любых реальных союзов между исламскими странами, исключая разве что объединение таких государств, которые находятся вне политической системы суверенитетов (арабские монархии).

Такой негатив с самого начала предопределяет крайнюю осторожность режимов, вовлеченных в создании блока, из опасения спровоцировать жесткую реакцию.

Запад, несомненно, будет бороться против этого альянса не только угрозами военного воздействия, санкциями, «белой» и теневой дипломатией и т. п.; он будет также пытаться создавать виртуальные проекты-«обманки», цель которых — дезориентировать политиков в этих странах и вокруг них, посеять недоверие и еще больше затруднить путь к сближению.

Одной из таких «обманок» является запущенная в определенных кругах тема якобы возможного примирения между Ираном и Саудовской Аравией и союзом этих двух крупнейших производителей углеводородов во имя экономического господства на нефтяном рынке, с разделением контроля над всем остальным исламским миром.

Подобные концепты являются частью информационной войны и легко развенчиваются, благодаря системному анализу политических режимов в этих странах. Только постмодернисты, утратившие понимание той роли, которую играют сущности на исторической сцене, и сводящие все к формальным политтехнологиям, могут клонуть на подобные «утки».

С другой стороны, у этого альянса есть могущественный союзник — Китай, который после США является наиболее очевидной цитаделью национальной бюрократии (в США при этом она блокирована международно-бюрократической альтернативой Демпартии, в то время как в Китае ее господство неоспоримо).

Китай остро нуждается в том, чтобы его пока изолированный перед лицом Индии союзник — Пакистан, получил продолжение в виде участия в масштабном военно-политическом партнерстве, благодаря которому Китай также может решить свои проблемы, как выхода из стратегической изоляции, так и энергетического обеспечения.

Надо отдавать себе отчет в том, что реализация этого проекта поставит правящие элиты Российской Федерации перед крайне сложной дилеммой. Перед лицом такого союза Москва не сможет без помех продолжать военно-политическое сотрудничество с НАТО против Афганистана и — косвенно — Китая.

Николай Кольчугин

Ядерное «досье» Ирана и стратегия России

Конструктивный подход российского руководства базируется на необходимости показать Ирану «свет в конце тоннеля», четко определив перспективу развития его ядерной программы и поэтапного снятия санкций, введенных как по линии Совета Безопасности ООН, так и в одностороннем порядке США и Евросоюзом, в обмен на поэтапное выполнение Тегераном требований резолюций СБ ООН и решений Совета управляющих МАГАТЭ.

Ориентиром для нашей дипломатии может быть предвыборная статья В.Путина в «Известиях», где он высказался весьма недвусмысленно: «Убежден, решать проблему нужно только мирным путем. Мы предлагаем признать право Ирана на развитие гражданской ядерной программы, включая право обогащать уран. Но сделать это в обмен на постановку всей иранской ядерной деятельности под надежный и всесторонний контроль МАГАТЭ. Если это получится — тогда отменить все действующие против Ирана санкции, включая односторонние».

Россия за общий для всех алгоритм переговорного процесса

Накануне встречи в Багдаде глава внешнеполитического ведомства России Лавров указывал на необходимость практического продвижения всех сторон к урегулированию иранского «ядерного досье», для чего, в первую очередь, должен быть выработан алгоритм дальнейшей совместной работы. Возможность быстрого решения всех накопившихся разногласий и противоречий МИД РФ не рассматривает, по мнению министра, «нужно, безусловно, отдавать себе отчет в том, что решение не может быть одномоментным — это будет процесс».

В соответствии с позицией Москвы, на каждой стадии этого процесса, в соответствии с принципом поэтапности и взаимности, мы хотим видеть конкретные результаты. Алгоритм прост и понятен: Иран делает шаг навстречу требованиям мирового сообщества — мировое сообщество принимает меры, которые ослабляют санкционное давление на Иран. В итоге,

как рассчитывают на Смоленской площади, переговорный процесс дойдет до этапа, когда всем станет ясно, что у иранской ядерной программы нет военной составляющей, когда будут сняты все вопросы и сомнения, имеющиеся у МАГАТЭ, и с Ирана снимут все санкции. Иран при этом должен обеспечить полную прозрачность ядерной программы и доказать ее исключительно мирную направленность. То есть, с нашей стороны предлагается добиться всеобъемлющего переговорного урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы и таким образом лишить Запад возможностей дальнейшего использования «ядерного досье» Ирана для оказания на него давления санкциями и угрозой войны.

Для партнеров России по «шестерке» наш подход в Багдаде не был чем-то неожиданным. Со своей стороны и ранее на переговорах в Стамбуле 23 ноября 2010 года российская сторона распространила в «шестерке» неофициальный документ с предложениями относительно возможной стратегии восстановления доверия к иранской ядерной программе. Реакция на наши предложения поступала только от китайцев, которые рассматривают их в качестве хорошей основы для дальнейшей работы в «шестерке» и, более того, представили предметные комментарии к ним. Разумеется, что руководство ИРИ досконально об этом осведомлено, и, по сути, ничего неожиданного для всех участников переговоров в самой позиции Кремля не проявилось. Новизна заключается, во-первых, в готовности отстаивать свою позицию и не поддаваться давлению со стороны США, Евросоюза, а, с другой стороны, и не стать заложником иранских просьб об однозначной поддержке позиции Тегерана. Хотя в неприязни Ираном правомерности и законности нового транша санкций, включая нефтяное эмбарго, Россия на иранской стороне.

В отношении новых односторонних санкций против Ирана, одобренных Сенатом США Россия дала принципиальную и негативную оценку. По мнению министра Лаврова «речь идет опять о санкциях, которые выходят далеко за рамки одобренных Советом Безопасности ООН целей обеспечения режима нераспространения». И до этого российская сторона уже на раз совершенно определенно указывала на то, что санкции все шире охватывают сферу экономики и финансов Ирана и нацелены на экономическое удушение ИРИ. Для многих стран, в том числе и России, неприемлемо, что односторонние санкции США и Евросоюза в значительной степени имеют экстерриториальный характер и направлены также против экономик и бизнеса других государств, которые добросовестно выполняют резолюции СБ ООН по Ирану. Разумеется, что неприязнь Россией и Китаем западных санкций создает напряженность в совместной работе «шестерки» и ставит весь переговорный процесс в зависимость от односторонних действий США. В Иране тоже считают, что накануне начала багдадского раунда американской стороной были предприняты действия, не способствующие созданию благоприятной атмосферы для движения вперед.

Отметим, что формат обсуждения «ядерного досье» Ирана предусматривает поиск Россией общей позиции не только с Китаем, но и с остальными партнерами по переговорам: Великобританией, США, Францией и Германией. Как видно, у западных переговорщиков — двойной перевес при любом голосовании. В дополнение к этому, у Запада есть преимущество и в лице участвующей в заседаниях «шестерки» главы европейской дипломатии

Кэтрин Эштон, со стороны которой, вряд ли, следует ожидать поддержки российским инициативам. При такой расстановке сил российскому представителю на переговорах, заместителю министра иностранных дел Сергею Рябкову потребовалось бы представить не просто серьезные, а неоспоримые доказательства отсутствия у Ирана военных намерений в проводимых ядерных исследованиях.

Российский представитель должен быть среди инспекторов МАГАТЭ

При этом односторонние российские выводы и заключения, какого бы высокого профессионального уровня они не были, в расчет приниматься не станут. В качестве официальной информации по ядерной программе Ирана к рассмотрению принимаются только заключения Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), собственно иранские данные о своих ядерных исследованиях также не воспринимаются с доверием, а, чаще всего, Западом просто игнорируются.

Такой порядок и принятая схема оценки реальности в ядерной программе ИРИ подняли роль и значение МАГАТЭ и ее инспекций на уровень, когда смело можно говорить «Жена цезаря вне подозрений». Что в свою очередь ставит вполне законный вопрос об объективности представляемых международными атомщиками выводов и заключений. В Иране, к примеру, в непредвзятость генерального директора организации Юкия Амано не верят. В адрес Амано выдвигаются упреки и в том, что МАГАТЭ под его руководством при подготовке своих докладов об Иране ссылается на «неподтвержденные и сомнительные» источники. По мнению иранского представителя в МАГАТЭ Али Асгара Солтание, свой диалог с руководством Ирана МАГАТЭ под руководством Амано строит с позиций недопустимого диктата, характерного в целом для западной политики в отношении ядерной программы Ирана. На наш взгляд, для этих сомнений и обвинений есть определенные основания.

Напомним, что для избрания Амано руководителем МАГАТЭ потребовалось шесть туров. Лишь в июле 2009 года после шестого тура голосования Амано набрал необходимые две трети голосов совета организации и был избран на пост генерального директора агентства сроком на четыре года. Его основным соперником в последнем туре голосования был представитель ЮАР в МАГАТЭ Абдул Самад Минти. За Амано голосовали представители индустриально развитых государств, в то время как Минти отдали предпочтение развивающиеся страны. Россия тогда голосовала против Амано. Тем не менее, в ноябре 2009 года он вступил в должность, сменив на данном посту представителя Египта Мохаммеда Эль Барадея. Уже тогда западные аналитики отмечали, что Амано, в отличие от своего предшественника-египтянина, будет поддерживать позицию США и Запада по вопросам ядерной программы Ирана. Ожидать другого от специалиста из Японии, получившего образование во Франции и проработавшего более 20 лет в американских и европейских политических структурах и научных учреждениях высокого уровня, вряд ли, было бы оправданным.

Второй ключевой фигурой в пристальном рассмотрении иранского «ядерного досье» является заместитель генерального директора МАГАТЭ бельгий-

ский генерал Герман Накертс, к которому у Ирана также есть претензии. В высказываниях иранских политиков и экспертов особо подчеркивался тот факт, что МАГАТЭ не уберег конфиденциальную информацию, и сведения об иранских ядерщиках просочились в спецслужбы Запада, после чего привели к убийству иранских специалистов, имевших контакты с инспекторами этой международной организации. Практически все инспекторские группы МАГАТЭ, работавшие в последние годы в Иране, возглавлял именно Герман Накертс. При этом заместитель Аmano каждый раз требовал от иранской стороны возвращения на основе новой и неофициальной информации к вопросам, которые обсуждались ранее и неясности в них для инспекторов МАГАТЭ «были развеяны», по мнению иранцев.

После завершения переговоров в Багдаде не прошло и дня, как 25 мая, в МАГАТЭ был опубликован новый отчет об Иране. По оценке иранских ядерщиков, этот отчет, хотя и содержит некоторые положительные моменты о ядерной программе Ирана, по сути, не отличается от предыдущих своим сомнительным подходом к мирной ядерной деятельности Ирана.

В новом отчете, со ссылкой на результаты последней инспекции МАГАТЭ, отмечается, что на объекте Форду вблизи Кума были замечены следы урана 27-% обогатненности. Ранее Ассошиэйтед Пресс сообщило, что с большой долей вероятности, на предприятии «Форду», где официально ведутся работы по обогащению урана до 20%, иранские специалисты могли допустить техническую ошибку при калибровке центрифуг.

Иранцы обращают внимание на то, что следы урана выше 20-процентной обогатненности не могут быть доказательством разработки в Иране высокообогащенного урана, необходимого для создания ядерного оружия. Целью Ирана в обогащении урана до 20% объявлено производство топливных пластин, необходимых для Тегеранского исследовательского реактора, который удовлетворяет нужды ядерной медицины и вырабатывает радиоактивные препараты, необходимые для больных раком, а этот процесс производится под полным наблюдением инспекторов агентства.

Вместе с тем, представитель ИРИ в МАГАТЭ Али Асгар Солтание назвал отчет агентства документом, свидетельствующим о «мирной сущности ядерной деятельности и успехах Ирана в области ядерной технологии, в частности обогащения и полного сотрудничества с агентством». Солтание отмечает, что отчет на 11 страницах, предъявленный Юкия Аmano Совету управляющих по итогам инспекций 16 ядерных и 10 побочных объектов, свидетельствуют о полном контроле со стороны агентства мирной атомной деятельности Ирана. Совет управляющих МАГАТЭ рассмотрит этот доклад на своей очередной сессии в Вене 4 июня.

В отношении участия МАГАТЭ в разрешении иранской ядерной проблемы, по нашему мнению, с российской стороны напрашивается новая инициатива. Исходя из значения МАГАТЭ в предоставлении сведений об иранской ядерной программе, а также учитывая недружественный характер отношений руководителя и отдельных инспекторов Организации с властями Ирана, может быть есть смысл поставить вопрос о расширении и ротации состава инспекторских групп.

Включение в их состав российских и китайских представителей, по нашему мнению, может способствовать большему доверию иранской стороны к ин-

спекциям МАГАТЭ, положительно повлиять на атмосферу их взаимодействия, значительно расширить рамки транспарентности Тегерана и, в итоге, повысить не только достоверность предоставляемой «шестерке» информации, а поощрить Запад к более непредвзятой оценке позиции Ирана. Ведь ключевой момент в позиции США и их союзников заключается в том, что не МАГАТЭ должна доказывать миру, что ядерная программа Ирана носит военный характер, а сам Иран обязан предоставить весомые и исчерпывающие доказательства обратного. В правовом отношении такой подход Запада абсолютно ошибочен, ибо лишает иранскую сторону в ядерном вопросе презумпции невиновности и порождает необоснованные сомнения в праве ИРИ заниматься ядерными исследованиями.

Принимая во внимание позицию Ирана

России ожидать от Тегерана изменения иранского базиса в позиции на переговорах с «шестеркой» при любом их алгоритме нет оснований. Иранские официальные лица продолжают заявлять, что никто и никакие санкции не заставят их страну отказаться от продолжения исследований в ядерной сфере. В целом, подход ИРИ к переговорам на последующих раундах может корректироваться тактически, стратегия же, вряд ли, претерпит изменения.

Во-первых, овладение ядерной энергией является в Иране источником национальной гордости. Количество стран, способных освоить ядерный цикл, в мире ограничено. Успехи в развитии ядерной энергетики, также как и прогресс в космической программе, высоко оценивается правящим в Иране высшим духовенством, и не только потому, что это поднимает его международный престиж, а и потому, что это доказывает эффективность исламским режимов в мусульманских странах вообще. Ядерная программа Ирана — это важная часть его идеологии. Поэтому Исламская Республика в течение столь длительного времени твердо и непреклонно настаивает на своем праве использовать атомную энергию, включая полный ядерный топливный цикл.

Во-вторых, иранцы считают, что опасения в возможности двойного использования Ираном ядерных технологий не могут быть достаточным поводом для конфликта вокруг их ядерной программы. Создание атомной бомбы требует гораздо большего, чем просто создание запасов Ираном высокообогащенного урана или плутония. Освоение технологий получения этих материалов теоретически может позволить вплотную подойти и к созданию ядерных боеголовок, но доказательств о стремления ИРИ именно к этой цели до сих пор международной общественности представлено не было.

Проблема обогащения иранского урана была одним из основных вопросов обсуждения на переговорах между «шестеркой» международных посредников и Тегераном в Багдаде. По словам главы европейской дипломатии Кэтрин Эштон, на переговорах Иран заявил о готовности рассмотреть возможность остановить обогащение урана до уровня 20%.

В отношении требования о приостановке программы обогащения урана Тегеран стоит на позиции его изначальной нелегитимности, указывая на то, что обогащение и переработка урана не запрещаются ни Уставом МАГАТЭ, ни гарантиями ДНЯО, ни Дополнительным протоколом. Требование

о приостановке упомянутой деятельности также расценивается иранской стороной как мера, юридически необязательная, добровольная и служащая лишь укреплению доверия.

В-третьих, опираясь на принцип суверенного равенства всех стран перед международным сообществом, Иран, будучи ответственным участником МАГАТЭ, подписавшим ДНЯО, озабочен несоблюдением важных пунктов ДНЯО, включая навязывание американцами двойных стандартов членам организации. В этой связи, иранские переговорщики постоянно напоминают «шестерке» о том, что государство Израиль, в отличие от ИРИ, не является членом Договора о нераспространении ядерного оружия и с большой вероятностью обладает таким оружием. В экспертном сообществе, исходя из политкорректности к Тель-Авиву, очень мягко признается то, что в отношении своей ядерной программы Израиль проводит политику ядерной непрозрачности, или, как иногда выражаются, «позитивной маскировки». Ее суть заключается в официальном отрицании наличия ядерного арсенала в сочетании с намеками на его существование и готовность им воспользоваться. В целом, «израильский» аргумент Ирана в отстаивании своего права на ядерные исследования находит наибольшее понимание в исламском мире, но, как показывает содержание переговоров, остается без внимания в диалоге с «шестеркой».

В-четвертых, Иран будет возражать по поводу безосновательных, по их мнению, требований МАГАТЭ предоставлять полную техническую документацию, а также доступ на объекты, разрешить опрашивать причастных к некоторым элементам иранской ядерной программе специалистов. Это, по мнению иранцев, выходит за рамки обязательств с их стороны по Соглашению о гарантиях, и Иран не собирается удовлетворять эти требования. В Тегеране считают, что они выполняют свои обязательства, которые непосредственно вытекают из Соглашения Ирана с МАГАТЭ о гарантиях. Применять дополнительные меры транспарентности в Иране пока не спешат. При этом утверждается, что весь заявленный Ираном ядерный материал находится под контролем Агентства, переключение его на незаявленные цели не зафиксировано.

В-пятых, Иран будет продолжать настаивать на необходимости расширения повестки дня переговоров с «шестеркой» за счет включения в нее таких сфер, как глобальная и региональная безопасность, международное экономическое сотрудничество и укрепление режима нераспространения с акцентом на вопросы разоружения и мирного использования ядерной энергии. Тегеран ожидает возвращения к сотрудничеству с Ираном во многих областях, включая мирную ядерную энергетику. Судя по комментариям в западном экспертном сообществе, таким образом иранские участники переговоров пытаются размывать повестки дня переговоров переключением внимания «шестерки» с конкретных аспектов ядерной программы. Тем не менее, с иранской стороны непременно будет подчеркиваться важность именно обсуждения этих проблем, через решение которых стороны, в понимании иранцев, могли бы достичь взаимопонимания и условий для нормализации и расширения сотрудничества, в том числе в ядерной сфере.

В заключение отметим, что на очередном раунде переговоров «шестерки» с Ираном в Москве хотелось бы увидеть реальное взаимопонимание сторон, при котором все участники диалога откажутся от неприемлемых попыток дополнять и изменять принятые в ядерной энергетике международные принципы, исходя из своих национальных или блоковых интересов.

Игнорирование законных прав Ирана на продолжение ядерных исследований уже себя изжило. Пришло время закрывать его «ядерное досье», поставив, разумеется, иранскую ядерную деятельность под надежный и всесторонний международный контроль в лице МАГАТЭ.

Уход с переговоров под предлогом неуступчивости иранской стороны, как полагаем, был бы ошибочным. Отказ «шестерки» от продолжения диалога непременно будет использован Тегераном для доказательства правоты своей позиции. Так, что конструктивный подход российского руководства и предлагаемый алгоритм дальнейших поэтапных и взаимных договоренностей, действительно может показать не только Ирану, но и всем заинтересованным в сохранении мира и стабильности в регионе странам, «свет в конце тоннеля» еще недавно кажущейся неразрешимой горной гряды проблем с ядерными исследованиями ИРИ.

Денис Пурьжинский

Перспективы российско-иранского сотрудничества

Все предыдущие события — и арабские революции, и агрессия с оккупацией в отношении Ирака и Афганистана — закономерным образом привели к такой ситуации, когда Москва и Тегеран по вполне объективным причинам оказываются крайне заинтересованы друг в друге. Очевидно, что без созидательного сотрудничества России и Ирана невозможно стабилизировать ситуацию в Центральной Евразии, а также на всем Большом Ближнем Востоке.

Никакие внешние военные агенты «стабилизации и структуризации» не принесут реальный мир и спокойствие. Там, где США и НАТО начинают «стабилизировать» ситуацию, в итоге возникает полная экономическая разруха, следствием которой стал, например, 40-кратный рост производства героина в Афганистане, а также колоссальное количество ни в чем не повинных жертв.

России нужно выстраивать новую систему союзнических отношений с Ираном. Для наших стран есть три ключевые проблемы, которые должны быть решены. Первая — это стабилизация ситуации в Сирии и недопущение любой иностранной агрессии. Второй момент — это вопрос о Кавказе. Именно с Ираном следует обсуждать вопрос стабилизации этого региона, опять же, с целью невмешательства третьих заокеанских сил.

Ну и, наконец, третий — решение афганской проблемы. Вот уже 10 с половиной лет как США и их союзники по НАТО начали свою операцию «Несокрушимая свобода». Однако мы видим, что ни свободы, ни мира, ни согласия на афганскую землю она не принесла, поскольку американцы преследуют в этом регионе исключительно свои собственные геоэкономические и геополитические цели. Так что Москве вместе с Тегераном нужно прорабатывать новые самостоятельные инициативы. Нашим государствам пора перейти к позитивным дипломатическим стратегиям и предложить друг другу долгосрочный союз.

Подобный шаг гарантировал бы России и миру прочную геополитическую конструкцию для обеспечения стабильности в Азии и мире.

Тот образ Ирана, который нагнетается западными СМИ, является абсолютно неадекватным действительности. Иран на сегодняшний день — это

полноправный субъект мирового развития и требует к себе отношения как к перспективной и во всех отношениях оригинальной державе, не боящейся смелого технологического обновления при опоре на многовековые и тысячелетние традиционные ценности своей уникальной цивилизации.

А для России Иран может стать тем союзником, с помощью которого реально удерживать мир от погружения в хаос и строить новый справедливый мировой порядок.

При осознании большой позитивной роли дипломатических отношений, бизнес-связей российских и иранских предпринимателей, очевидно, что без ясной позиции российского государства, направленной на выстраивание качественно иной модели социально-экономических связей между нашими странами, достигнуть быстрого развития в отношениях между Россией и Ираном в частности и мирового развития в целом, не получится.

Новый Средний Восток

В последние несколько лет Россия заметно меняет внешнеполитические ориентации, поворачивается лицом к Востоку, что вполне естественно, как в силу географического положения, так и в силу традиционных российских качеств — веротерпимости, миролюбия, неиссякаемого интереса к иным культурам, готовности оказать помощь.

Россия и Иран — ключевые фигуры, определяющие ситуацию на всем евразийском континенте. Политическая нестабильность, экстремизм, наркотрафик, инфраструктурная неразвитость, бедность — это те проблемы, от которых страдают почти все страны Центральной Азии, Среднего Востока и Россия, как их ближайший сосед. Для решения сложного комплекса проблем, которые препятствуют развитию Центральной Евразии, необходимо объединить усилия всех заинтересованных сторон, в первую очередь — Ирана и России, сильнейших региональных игроков. Получить развитие это сотрудничество может в рамках совместного строительства нового макрорегиона — Нового Среднего Востока (НСВ).

Проект НСВ предполагает создание общего экономического пространства на территории от юга Сибири до северной Индии и Персидского залива, которое может стать ядром евразийской интеграции и полем эффективного сотрудничества для России и Ирана, а также их соседей: Индии, Китая, Афганистана, Пакистана, Монголии, Казахстана, Туркмении, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана и Турции с сохранением суверенитета каждого из государств. Создание огромного единого геоэкономического и геокультурного евразийского пространства позволит перевести межгосударственную кооперацию на новый уровень и поэтапно решить важнейшие для стран региона задачи, начиная со строительства базовой инфраструктуры жизнеобеспечения (электрификации, системы водопользования и т.д.). Реализация предложенного мегапроекта станет серьезным вкладом и в решение общей для России и Ирана серьезнейшей проблемы афганского наркотрафика. При проведении первичной индустриализации Афганистана и замены наркoэкономки иной социально-экономической моделью, сузится экономическая и социальная база наркoбизнеса.

Строительство Нового Среднего Востока — эффективный ответ США, уже не первый год занимающимся структуризацией евразийского пространства в своих корыстных интересах, кардинальная трансформация привычного геополитического расклада в пользу региональных игроков. Совместными усилиями Россия и Иран могут создать в Евразии «коридор развития», экономическое, политическое и геокультурное пространство, которое станет оплотом стабильности всей Евразии.

Ключевым направлением сотрудничества России и Ирана, а также всех других государств Нового Среднего Востока следует сделать организацию инфраструктурного и промышленного развития региона через реализацию долгосрочных совместных инвестиционных проектов, направленных на обеспечение социально-экономического подъема стран макрорегиона, создание новых рабочих мест, естественным следствием которого станет вытеснение наркобизнеса из Афганистана и стабилизация ситуации в регионе. Стоит отметить, что фактически отсутствие совместных российско-иранских проектов на сегодняшний день существенно снижают политический вес России в регионе.

Корпорация сотрудничества

Ядром российско-иранского сотрудничества должны стать долгосрочные стратегические инвестиционные проекты, направленные на создание квалифицированных рабочих мест для населения региона. Эти проекты могут быть объединены в три группы: индустриальные, инфраструктурные и образовательно-технологические. Разработчиком и оператором проектов может выступить предложенное к созданию ОАО «Российская Корпорация сотрудничества со странами Центральной Азии». Стоит заметить, что предложение по созданию Корпорации выдвинул директор Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков В. П. Иванов. По замыслу главы российской антинаркотической службы, Корпорация должна оказать существенное содействие подъему экономик стран центральноазиатского региона и снижению наркотизации за счет вытеснения деятельности по производству и транзиту наркотиков на обочину экономической жизни, повышения качества жизни и обеспечения возможности для самых широких слоев населения принимать участие в легальной экономике своих стран. Создание новых рабочих мест, инфраструктур, производств, включение широких слоев населения в образовательные программы и другие меры должны принципиально уменьшить количество людей, вовлеченных в наркобизнес, вынужденных заниматься им, как правило, из-за невозможности обеспечить себе доход иными способами. Планируется, что помимо среднеазиатских республик, в зону ответственности Корпорации будут входить Иран, Афганистан и Пакистан.

Ключевым плацдармом совместного развития России и Ирана следует сделать Астраханскую область Российской Федерации, с которой у Ирана налажены тесные связи.

Индустриальные проекты совместного развития Российской Федерации и Исламской Республики Иран, вне всяких сомнений, необходимо проводить в нефтегазовой отрасли. Это, в первую очередь совместная проработка проекта газопровода «Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия»

(ТАПИ). Кроме того, необходимо создать Российско-Иранский Комитет по нефтегазовому сотрудничеству, который будет решать вопросы развития в области разведки, обустройства, производства, эксплуатации и торговли, в том числе в отношении экспорта каспийских углеводородов на международные рынки.

Не менее важно интенсифицировать сотрудничество в области электроэнергетики. Помимо уже запланированного в ходе встречи российско-иранской совместной рабочей группы по энергетике (январь 2010 г) строительства нефтеперерабатывающих заводов, развития нефтехимической промышленности, эксплуатации нефтяных и газовых месторождений, наиболее перспективным видится создание сети мини-ГЭС, а также электроэнергетических кластеров, включающих в себя компактные заводы по изготовлению электрооборудования и оборудования для электростанций, продажа продукции кластеров и реализации совместных энергетических проектов в странах Нового Среднего Востока. Иран и Россия, которые в последнее время начали активное развитие малой распределенной энергетики, могли бы выступить лидерами в этой области, электрифицируя горные, труднодоступные районы в странах региона, в первую очередь в Афганистане.

Сотрудничество в области мирного использования атомной энергии видится также перспективным, особенно в рамках развития модульной энергетики. Помимо строительства АЭС в Бушере, которое осуществляется ЗАО «Атомстройэкспорт», необходимо развивать и относительно новые для наших государств направления. Так, для России и для Ирана одним из главных направлений общего энергообеспечения должна стать модульная ядерная энергетика на основе малого реакторостроения мощностью до 50 МВт. Создание сети малых ядерных станций позволит заложить энергетическую основу для достижения необходимого качества жизни и организации автономной промышленной системы в любой точке территории Нового Среднего Востока, а также осуществить общий подъем технологической и управленческой культуры в стране и выйти на новый мировой уровень организации техносферы.

Сотрудничество в области образования, промышленности, науки и технологий также следует переводить в проектную плоскость. Постепенный переход России к технологическому застою можно предотвратить за счет кооперации с иранскими учеными и инженерами. Помимо упомянутых сфер сотрудничества следует восстанавливать и расширять взаимовыгодное сотрудничество в области автомобилестроения, вагоностроения, судостроения, авиастроения, космоса и в других перспективных отраслях. Логичным продолжением такого сотрудничества видится создание на базе Астраханского государственного технического университета (АГТУ) Российско-Иранского технологического института в г. Астрахани. Главным направлением работы Института должны стать научно-технические разработки, направленные на переход к новому технологическому укладу.

Важнейшие инфраструктурные проекты российско-иранского сотрудничества, должны касаться, в первую очередь, развития транспортных систем.

Сотрудничество в области транспорта следует развивать в отношении проектирования новых транспортных маршрутов: автомобильных, железных дорог, как в рамках существующего международного транспортного коридора

«Север — Юг», так и в рамках новых, проектируемых маршрутов, вокруг которых будут возникать новые инфраструктуры, интенсифицироваться торговые связи между государствами Нового Среднего Востока, строятся новые промышленные объекты. Ведущим направлением сотрудничества между нашими государствами должно стать развитие экранопланостроения с применением экранопланов в туристической сфере и перевозках дорогостоящих грузов, строительства скоростных железнодорожных магистралей и высокоскоростных поездов, например продолжение работ по российскому проекту «Сокол-250» с последующим доведением его скорости с 250 до 350 км/ч, развитие малой авиации.

Таким образом, на сегодняшний день именно у России и Ирана есть возможность создать новый миропорядок, основанный на принципе справедливости и развития, осуществить форсированное развитие своих государств и своих соседей, за счет разработки и реализации проектов совместного развития.

Рустам Махмудов

Иран и Запад в борьбе за грузовые и газовые потоки из Центральной Азии

Вопросы геополитики Центральной Азии в сфере транспортных коммуникаций и энергетического экспорта традиционно рассматриваются сквозь призму соперничества США-ЕС с Россией и Китаем. При этом тема иранского участия в этой большой геополитической и геоэкономической игре не является столь популярной, хотя по ряду направлений Иран выступает серьезным оппонентом западных держав.

Тегеран сегодня представляет собой для Центральной Азии в условиях, продолжающегося конфликта в Афганистане, фактически, «ворота на юг» и, исходя из этого, он строит в значительной мере свою геополитику в регионе.

Начиная с момента обретения странами ЦА независимости, Тегеран проводит последовательную политику по налаживанию с ними конструктивных отношений. По сути, сегодня можно сказать, что Иран стал серьезным фактором, оказывающим влияние на целый ряд политико-экономических процессов в Центральной Азии.

В то же время, необходимо отметить, что иранская политика в регионе развивается в довольно сложных условиях, принимая во внимание тот факт, что Центральная Азия давно и прочно превратилась в зону пересечения геополитических и геоэкономических интересов сразу нескольких крупнейших акторов мировой политики. В число этих акторов входят также США, НАТО и ЕС, которые имеют сложную историю взаимоотношений с Ираном.

Все это, конечно же, оказывает прямое влияние на стратегию Тегерана, который вынужден участвовать в разворачивающейся конкурентной борьбе за позиции в Центральной Азии. Зачастую соперничество не афишируется, или даже опровергается большинством акторов, но от этого оно никуда не исчезает.

Геополитика как движущий фактор стратегии ИРИ и США в ЦА

Для Ирана Центральная Азия не может не представлять интерес, в первую очередь, в силу географической близости. Это огромный регион площадью

в 3,994 млн кв. км, с одной стороны, граничащий с Ираном со стороны Хорасана и Каспийского моря, а с другой, с Россией, Южным Кавказом, Китаем, Афганистаном, Пакистаном. Население ЦА превышает 60 млн человек, при этом региональные страны обладают мощной сырьевой базой, промышленным и кадровым потенциалом.

Распад Советского Союза дал Ирану шанс вновь выйти на это перспективное политико-экономическое поле, доступ на которое для него был ограничен в течение нескольких десятилетий XX века.

Тегеран для продвижения своих позиций стал активно использовать три инструмента — экономический, религиозный и этнокультурный. При этом цели геополитического характера не выдвигались на первый план, однако, по мере активизации на центральноазиатском поле других внешних игроков, в первую очередь США, они стали все больше проглядываться в иранской политике.

Геополитический аспект, на наш взгляд, во многом стал превалировать после того, как США и НАТО ввели свои воинские контингенты в Афганистан для борьбы с движением «Талибан» и «Аль-Каидой», что фактически стало означать выход Пентагона к восточным границам ИРИ и расширение зоны окружения Ирана. Необходимо отметить, что к настоящему времени базы США и НАТО уже находятся в Персидском заливе, Индийском океане, Ираке и Турции, а также в Кыргызстане.

Учитывая это, жизненно важное значение для Тегерана стал приобретать вопрос недопущения появления подобных баз в приграничных с ИРИ регионах Центральной Азии и Южного Кавказа и их использования для раскачивания внутривосточной ситуации. На данный счет у иранской политической элиты есть опасения, поскольку во многих событиях, связанных с попытками дестабилизации ситуации в азербайджанских, курдских, белуджских и арабских районах страны, она видит руку Вашингтона и Лондона.

Чтобы минимизировать риски и усилить свои позиции Иран в превентивном порядке реализует активную политику, включающую, в том числе создание мощного экономического базиса сотрудничества со странами Центральной Азии.

В свою очередь для США Центральная Азия представляет важнейший с позиции геополитики регион. Это, безусловно, выгодный плацдарм, который дает выход на Афганистан, где Вашингтон и его союзники уже десятый год ведут войну против движения «Талибан».

Кроме того, ЦА и Афганистан дают выход на болевые и геополитические важные точки Китая (СУАР) и России (Урало-Сибирское геополитическое ядро), Ирана (проблема экстремизма в Белуджистане) и Пакистана (Пуштунистан и Белуджистан). Соединенные Штаты, будучи внерегиональной силой, уже десятилетие определяют ряд ключевых трендов в регионе благодаря наличию в Афганистане серьезной военной группировки НАТО, численностью более 100 тысяч человек.

В евразийской геополитике США Центральная Азия — это также регион, обладающий огромными запасами углеводородного и минерального сырья, и имеющего выгодное транспортное положение. Отсюда Вашингтон и стремится занять позицию ведущего актора, которая даст ему возможность

определять политико-экономический климат и пути развития ситуации во многих регионах Евразии, включая транспортную и энергетическую сферу.

Между тем, принимая во внимание, что США все же являются внерегиональной и внеконтинентальной силой, они, следовательно, не могут, как Иран использовать фактор непосредственной территориальной близости к Центральной Азии. Исходя из этого, США должны разрабатывать довольно сложные транзитные схемы и действовать в связке с другим союзным актором — ЕС, которому отводится вспомогательная и компенсаторная роль как рынка потребления энергоресурсов, грузоформирующего и грузопринимающего центра.

Соперничество в области транспортных коммуникаций

В настоящее время Иран входит в число ведущих торгово-экономических партнеров стран ЦА и в значительной степени, этому способствует совпадение интересов сторон в целом ряде секторов и в первую очередь в сфере транспортных коммуникаций.

Ирану важно реализовать свой транзитный потенциал в транспортной сфере, которая создает дополнительные рабочие места и повышает политико-экономический вес страны в регионе.

Что касается государств Центральной Азии, то диверсификация транспортных маршрутов представляла для них в последние два десятилетия одну из ключевых идей укрепления своей политической независимости. Высокая зависимость от российских коммуникаций (железные и автомобильные дороги, трубопроводы) не устраивала ключевые экономики ЦА, как в плане наличия определенных экономических рисков, так и по соображениям геополитического характера. В этой связи южное транспортное направление через Иран рассматривалось как перспективная альтернатива.

Первым прорывным проектом стала железная дорога «Теджен-Серахс-Мешхед», благодаря которой страны ЦА получили доступ к Турции и портам Персидского залива, а через них к рынкам Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. В 2011 году началось строительство железной дороги «Казахстан-Туркменистан-Иран», которая должна положительно сказаться на развитии туркменских и казахских прикаспийских регионов, и стать транзитным узлом, связывающим Иран и Россию.

В последние годы ИРИ делает многое для развития и повышения качества своей транспортной инфраструктуры, создания новых маршрутов для повышения объемов прохождения транзитных грузов. Также многое делается в области развития свободных экономических зон, привязанных к этим коммуникациям. Однако дальнейшее укрепление иранского влияния в транспортной и энергетической сфере Центральной Азии ставится под сомнение действиями его геополитических оппонентов — США в связке с Европейским Союзом, которые используют в противовес географическим преимуществам Ирана механизмы политико-экономического давления, а именно международные санкции.

Предположительно, в транспортной сфере эти санкции в обозримом будущем могут привести к повышению акций прозападных проектов, нацелен-

ных на создание транспортно-геополитических коридоров для Центральной Азии через Каспийское море и Южный Кавказ в Европу.

Подобные проекты были изначально направлены против России с целью создания для центральноазиатских и южнокавказских государств обходящий российские коммуникации маршрут, но в свете последнего резкого обострения отношений между ИРИ и Западом они могут превратиться в довольно серьезного оппонента иранским железным и автомобильным дорогам. Речь идет о железной дороге «Баку-Тбилиси-Карс», которая должна быть сдана в эксплуатацию в конце 2012 года. По ней планируется перевозить от 10 до 25 млн тонн грузов. В случае если дорога будет достроена, то она станет частью более обширного проекта по соединению железных дорог Южного Кавказа, Турции и Европы.

То, что для Ирана дела могут обстоять не очень радужно, непосредственно указывают некоторые результаты негативного влияния санкций на иранскую транспортную отрасль. В частности, крупнейший мировой линейный морской перевозчик «Maersk Line», владеющий 470 контейнерными судами и 1,9 млн контейнеров, заявил в начале июля 2011 года, что намерен соблюдать санкции США и ЕС, и прекращает все свои операции в иранских портах Бендер-Аббас, Бандар Хомейни и Асалуе.

Это тревожный звонок для ИРИ и в случае если подобные процессы будут усиливаться, то под вопрос может быть поставлена целесообразность использования центральноазиатскими поставщиками иранских портов в Персидском заливе для транзитных операций.

Борьба за центральноазиатский газ

На газовом поле США и ЕС, как и Иран, участвуют в борьбе за центральноазиатский природный газ и маршруты его транспортировки.

Иран в свой актив может записать уже два газопровода из Туркменистана. В 1997 году был построен газопровод «Корпедже — Курткуи» пропускной способностью 8 млрд куб. метров в год, а в 2010 году был запущен второй газопровод «Довлетабад—Серахс—Хангеран», рассчитанный на поставки 12,5 млрд куб. м газа в год. В данной сфере интересы сторон также совпали, так как Иран получил возможность решить проблему газоснабжения своих северных провинций.

Важность газопроводов с геополитической точки зрения видна по тому, как Тегеран относительно мягко отреагировал на прекращение Ашхабадом 1 января 2008 года поставок газа в Иран, якобы из-за технических неполадок, а в реальности, желая оказать давление по вопросу повышения цены. Для сравнения в 2001 году Иран едва не применил военную силу для выворота азербайджанского судна с представителями «British Petroleum» из спорных территориальных вод на Каспии.

В свою очередь, Вашингтон и Брюссель, как известно, являются основными идеологическими спонсорами проектов «Набукко» и Транскаспийский газопровод, которые направлены против России, но в то же время затрагивают и интересы Ирана, прежде всего, в сфере энергетического транзита.

Дело в том, что ИРИ могла бы выступить как транзитером газа из Центральной Азии, так и его поставщиком, учитывая гигантские собственные

запасы, на европейские рынки. Однако Тегеран не может этого сделать, так как США выступают категорически против. В настоящее время на фоне санкций, шансы Ирана стать транзитной страной на пути поставок природного газа из Туркменистана на европейский рынок весьма невысоки, хотя, согласно МИД ИРИ, в апреле 2011 года Иран и Туркменистан подписали договор о транзите газа объемом до 20 млн кубометров в день.

То, что Иран мог бы стать транзитером по линии ЦА-ЕС, говорит рассматривавшийся в середине 90-х гг. прошлого века проект газопровода «Туркменистан-Иран-Турция». В 1997 году даже был подписан меморандум о его строительстве на правительственном уровне, но он так и не перешел к стадии практической реализации. Турция вновь проявила интерес к подписанному в 1997 году договору после того, как был в 2010 году введен в эксплуатацию газопровод «Довлетабад–Серахс–Хангеран».

Между тем, Иран не является лишь объектом идущей в регионе энергетической игры. Напротив, он сам оказывает серьезное блокирующее влияние на попытки Запада создать южнокавказский коридор поставок газа из Центральной Азии.

Тегеран в частности блокирует все попытки построить по дну Каспия газопровод для поставок туркменского газа в Азербайджан, используя вопрос неурегулированности международного правового статуса Каспийского моря. ИРИ настаивает на своем варианте раздела моря, претендуя на его 20%, что препятствует юридическому оформлению морских секторов и границ между Ираном, Азербайджаном и Туркменистаном.

Более того, официальный Тегеран открыто высказывается против каких-либо попыток проложить газопровод между Туркменистаном и Азербайджаном в обход мнения всех пяти прикаспийских стран, и призывает не увеличивать попытки других государств, таких как США, принять участие в принятии решений. Здесь Тегеран солидаризируется с позицией России.

Иран на поле закупок газа

Иран пытается играть и на поле закупок природного газа для сужения ресурсной базы проамериканских проектов газовых трубопроводов не только в ЦА, но и на Южном Кавказе. Как уже упоминалось, эти закупки призваны, прежде всего, решить проблемы с газоснабжением в северных регионах страны, однако, их геополитическое измерение нельзя не принимать во внимание.

Исламская Республика в дополнение к наращиванию объемов закупок туркменского газа с недавних пор стала покупателем природного газа из Азербайджана, крупнейшее месторождение которого «Шах-Дениз» рассматривается как ресурсное для «Набукко». В настоящее время на иранский рынок из Азербайджана экспортируется 2 млн кубометров газа в сутки.

В январе 2010 г. ГНКАР и иранская Национальная газовая компания подписали соглашение об объемах будущих поставок газа в Иран, которые должны вырасти до 3-5 млн кубов газа в сутки. Тегеран готов в перспективе покупать у Азербайджана любые объемы газа по газопроводу «Гази-Магомед-Астара-Бинд-Бианд», пропускная способность которого составляет 10 млрд кубометров в год.

Эксперты указывают, что если Ирану и дальше удастся наращивать объемы закупок газа параллельно с наращиванием импорта азербайджанского газа Россией, то для США и ЕС не останется ресурсов в Азербайджане для наполнения «Набукко».

Более того, США и ЕС вообще могут потерять ресурсную базу в Центральной Азии, поскольку в дополнение к России и Ирану импортером центральноазиатского газа стал Китай, который в перспективе может превратиться в крупнейшего импортера углеводородного сырья из Туркменистана, Узбекистана и Казахстана.

Чем способны ответить США и ЕС для усиления своих конкурентных позиций в игре с Ираном на центральноазиатском энергетическом направлении? Как и в случае с транспортными коммуникациями, скорее всего, будет использован механизм международных санкций, особенно в банковско-финансовой сфере.

Да, Иран обладает географическим преимуществом, близостью своего рынка сбыта, удобными портами, но США и ЕС в противовес ему обладают неизмеримо более мощными политическими и финансовыми ресурсами, давление с использованием которых уже оказывают влияние на внешнеэкономическую активность ИРИ.

К примеру, Резервный банк Индии запретил расчеты за поставленную иранскую нефть через «Азиатский клиринговый союз», что стало реакцией на введение международных санкций против Ирана. В ответ Тегеран пригрозил приостановить поставки нефти до тех пор, пока Дели не выплатит задолженность в сумме 9 млрд долларов. Индия пыталась расплатиться через банковские системы России, Турции и ОАЭ, но они оказались неудачными.

Финансовое давление негативно отразилось на операциях «swap» с туркменской и казахской нефтью. С 2010 года иностранные компании отказались от этих сделок из-за применяемых в отношении Ирана международных санкций.

Выводы

Таким образом, геополитическое соперничество Ирана и США в транспортной сфере и энергетическом транзите и импорте из Центральной Азии вступает в новый этап, его катализатором выступают международные санкции, усиленные односторонними санкциями США, ЕС и рядом других государств против ИРИ.

Безусловно, Иран в практическом смысле добился больших успехов, используя свои естественные преимущества и искусство своих дипломатов, однако сможет ли он удержать их и развить на фоне негативно складывающегося международного климата, покажет время. Вполне вероятно, что ситуация может кардинальным образом поменяться, изменив сложившийся баланс сил, если наблюдаемые экономические проблемы в США и ЕС не будут решены и перерастут в новую волну глобального финансово-экономического кризиса.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

